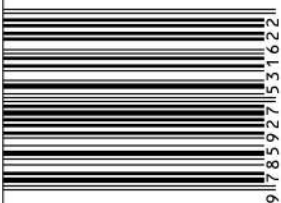

97859271531615

ТОМ 1

97859271531622

ЛОГИКА МЕТОДОЛОГИЯ НАУКОВЕДЕНИЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
СТРАТЕГИИ И ПАТТЕРНЫ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

ТОМ 1

ЛМН

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК**

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

**ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ, НАУКОВЕДЕНИЕ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, СТРАТЕГИИ И ПАТТЕРНЫ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.)*

В двух томах

**Том 1
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
И
РАЗДЕЛ ЛОГИКА**

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2019

УДК 001
ББК Ч210.5я432
Л69

*Издание осуществлено при поддержке
РФФИ (проект № 19-011-20028/19)*

Редакционная коллегия:

Бакулов В.Д. (отв. редактор), Стешенко Н.И. (науч. редактор),
Подгорная М.Г. (тех. редактор), Бабина Д.А., Кузнецов И.О.

Л69 **Логика, методология науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны** : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.) в 2 т. / Южный федеральный университет ; [отв. ред. В.Д. Бакулов]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019.

ISBN 978-5-9275-3161-5

Т. 1 : Пленарные доклады и раздел логика. – 2019. –126 с.

ISBN 978-5-9275-3162-2 (Т. 1)

В двухтомном сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Логика, методология науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны», которая состоялась 16–19 мая 2019 года в Южном федеральном университете. Первый том содержит пленарные доклады и выступления участников секции «Логика в контексте современных интеллектуальных практик».

Адресован учёным, научно-техническим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, всем, кто интересуется логико-методологическим и науковедческим осмыслением современных тенденций развития научных дисциплин и предметных областей знания, актуальных паттернов организации деятельности научного сообщества, демаркации рационально-научного и квазинаучного знания.

ISBN 978-5-9275-3162-2 (Т.1)

ISBN 978-5-9275-3161-5

УДК 001

ББК Ч210.5я432

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПРОГРАММНОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ	5
--------------------------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Науковедение</i>	7
Г. В. Драч «У истоков европейской науки» (г. Ростов-на-Дону)	7
О.Ф. Иващук «Национальный Т-континуум как институциональная предпосылка существования науки» (г. Москва)	11
В.Д. Бакулов «Квазинаучное знание: теоретико-методологические проблемы идентификации» (г. Ростов-на-Дону)	16
М.М. Шульман «Тезис Мертона в контексте концепции Мертона» (г. Ростов-на-Дону)	28
<i>Методология</i>	41
Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина «Методологический потенциал культурно-исторической эпистемологии (о роли герменевтики в научном познании)» (г. Москва)	41
М.И. Билалов «Полилог познавательных культур как методология философии истины» (г. Махачкала)	49
В.П. Макаренко «Что такое социология незнания? (Проблема общих ошибок К.Маркса и М.Вебера: вклад Станислава Андрески)» (г. Ростов-на-Дону)	58
<i>Логика</i>	64
Ю.В. Ивлев «Методологическая роль принципа квазидетерминизма в логике, математике, естествознании, технических и гуманитарных науках» (г. Москва)	64
А.Н. Павленко «Почему мы можем говорить о дефляции лжи?» (г. Москва)	73
Е.Н. Лисанюк «Логика аргументации, когнитивное многообразие и рождение истины в споре» (г. Санкт-Петербург)	77

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

РАЗДЕЛ «ЛОГИКА»	79
Т.А. Шиян «Семантический треугольник как принцип структурирования курса логики: пример систематизации определений и других проясняющих процедур» (г. Москва)	79
С.В. Гарин «Топика» Аристотеля и нечеткая логика» (г. Краснодар)	94
С.А. Павлов «Семантика многозначных логик и условия вывода в ней CL2» (г. Москва)	96
А.Ф. Поломошнов «Плюрализм логик и логика плюрализма» (г. Новочеркасск)	100
Н.И. Стешенко «Нормальная модальная K система логики направленности изменения» (г. Ростов-на-Дону)	104
Ю.Ю. Черноскутов «О некоторых особенностях рецепции Британской логико-семантической терминологии в немецкоязычной философии в 1860-70-е гг.» (г. Санкт-Петербург)	107
О.А. Шапиро «Аргументативные стратегии трансляции научного знания» (г. Симферополь)	110
В.А. Бакеев «О семантической концепции истины» (г. Ростов-на-Дону)	114
Д.В. Хабихужин «Абдукция и гештальт эффекты» (г. Ростов-на-Дону)	117
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	123

ОТ ПРОГРАММНОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Развитие науки на современном этапе напрямую зависит от возможности ее постоянной самооценки и самоанализа, осуществляемой в таких предметных областях как: методология и логика, а также комплекса наиболее важных науковедческих дисциплин. Современная модернизация в том числе и российского общества, особенно в условиях кризиса, невозможна без внедрения современных наукоёмких и инновационных технологий. Возможность их внедрения напрямую связана с инновационным потенциалом науки. Это применение наукоёмких технологий осуществляется в контексте выхода современной отечественной науки на качественно новый виток своего развития. Понимание особенностей и закономерностей этого современного этапа развития науки, без которого невозможно решение указанных выше задач, также требует изучения современной научной методологии, логики развития научного знания, науковедческой саморефлексии науки.

Изучение и осмысление современных форм организации и самоорганизации науки: технопарков, научно-инновационных кластеров, инкубаторов, венчурных фондов, корпоративной науки, стартапов и т.д.; ведёт нас к следующим возможностям использования результатов мероприятия в решении прикладных задач: учёт в будущих научных исследованиях, создание и корректировка имеющихся учебных курсов по науковедению, методологии и логике. Выявление новых направлений деятельности экспертного сообщества, связанных с анализом научных проектов, осуществляемых в новых организационных формах.

В 2010 году при поддержке Российского государственного научного фонда нами была проведена всероссийская научная конференция «Логика, методология, науковедение: актуальные проблемы и перспективы», необходимость которой была обусловлена тем, что мероприятий по логике и методологии научного познания и науковедению в нашем регионе не проводилось с начала 1980-х годов, тогда как подобная проблематика своей актуальности не утратила по настоящее время.

Новое мероприятие – Всероссийская научно-практическая конференция «Логика, методология, науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны», стала необходимым продолжением обмена исследовательскими результатами по проблемам развития науки начатого в 2010 году, которая за последние 8 лет не только не снизилась, а в разы увеличилась, в силу той особой роли, которую приобретает наука в нашей стране в ситуации преодоления кризиса и необходимости выхода на новый этап модернизации. Вместе с тем, науковедческие и логико-методологические науки сей-

час представляют собой сложную неупорядоченную совокупность предметных областей. В этом плане разработка стратегий и паттернов позволяет решить задачу выхода на качественно новый особый уровень междисциплинарного развития.

Данная конференция послужила: площадкой для обмена концептуально-содержательными идеями, оптимальной формой научной коммуникации, возможностью дальнейшего развития научных связей учёных разных регионов, а также методом привлечения молодёжи к разработке актуальных проблем логики, методологии научного познания и науковедения. Что позволяет более четко определить дальнейшую стратегию развития ростовской науковедческой школы на современном этапе.

*Председатель программного
комитета конференции,
д.филос.н., проф.*

В.Д. Бакулов

У истоков европейской науки

Г. В. Драч

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону***At sources of the European science**

G.V. Drach

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о генезисе европейской науки как о событии историко-культурного ряда. Наука, как источник социального обновления и поставщик технологий, относится к европейской культуре. Восток знал лишь эмпирическую науку, имеющую прикладное значение, и органистическую, рассматривающую природу как единый живой организм. Переход от эмпирического знания к гипотетико-дедуктивному был осуществлён древними греками. Здесь впервые появляется система рациональных обоснований и теоретическое знание. Философия, развиваясь наряду с частными науками, создавала общую картину природы. В универсуме аристотелевской мысли находят начало почти все существующие сегодня науки. Интеллектуальная революция XVII оспаривает аристотелевское понимание природы и открывает перспективы для развития экспериментальной науки.

Ключевые слова: наука, европейская культура, генезис, историко-культурный контекст, древнегреческая наука, новоевропейская наука.

Наука рассматривается сегодня как естественный инструмент, обеспечивающий удовлетворение возрастающих потребностей человечества. Она олицетворяет растущую мощь человеческого разума, неостановимый процесс познания. В то время как наука – исторический и культурный продукт. Она представляет собой самый важный результат и достижение Европейской культуры. Дж. Нидам писал о том, что причины европейского возникновения науки, «можно искать в особенностях экономических и социальных условий, которые преобладали в Европе в эпоху Ренессанса» [4, с. 150]. Действительно, научный подход к миру — довольно позднее достижение в истории человечества. Развитая наука, как явление уникальное, появляется в человеческой истории только в XVII веке, в эпоху Галилея, Декарта, Ньютона, а используемый ею экспериментальный метод, кажущийся привычным и очевидным, вовсе таковым не является. Но такая позиция чревата европоцентризмом. Л. М. Косарева продолжает цитировать Нидама: «Но это далеко

не вся история, и упоминать только об этой части было бы глубоко несправедливо по отношению к другим цивилизациям... Традиционная история науки естественна ещё и потому, что что очень уж много блестящих мыслителей долгое время придерживались умонастроений европоцентризма и гипотенизировали других, заставляя принять его» [2, с. 21].

Хотя Дж. Нидам выступал против недооценки научных достижений великих цивилизаций Востока, он не отрицал сам факт научной революции XVI—XVII вв. в Европе. Более того, он усматривал некоторую историческую последовательность, исторический ряд, в начале которого наблюдается некое нерасчлещённое общество, а на другом конце исторической цепи – переход от феодализма к капитализму. В этом контексте он и ставит вопрос о связи между социально-экономическими изменениями и возникновением современной науки, которую, по его мнению, можно было бы определить как «успешное приложение математизированных гипотез к систематическому экспериментальному исследованию природы» [4, с. 151]. Изучение великих цивилизаций Востока, в которых не родилась наука, подобная европейской, ставит проблему объяснения того, каким способом она возникла на европейской окраине древнего мира. Поставленные проблемы не ушли от внимания исследователей Ростовской школы М. К. Петрова и Л. М. Косаревой, которые и начинали с античности. Хотя первоначальное число известных в раннем Средневековье работ античных авторов было невелико – «Тимей» Платона и «Категории» Аристотеля, «Метафизика» и «Физика» позволили завершить грандиозное строение средневекового миропорядка. Состоялся синтез идеи сотворённости мира с идеями Платона и Аристотеля. «Как некое отражение божественной троицы возникает естественная, замкнутая на природе триада: до вещей (план природы до акта творения в уме Бога) – в вещах (реализованный в акте творения божественный план) – после вещей (позиция человека, дающая ему возможность познавать величие Бога через мудрость сотворённой им природы)» [5, с. 340]. Состоявшуюся конструкцию Петров рассматривал в качестве «теологических лесов» в строительстве научного здания.

Антиковедческая тематика включала вопрос об антропологических измерениях мира: мир ограничен и не сотворён, включает в себя человека, богов и природу. А в преобразованном виде она входила и в круг интересов теологов (синтез идей Фомы Аквинского не был исключением). Но недовольство «эллинской мудростью», прежде всего Аристотелем, как раз и начиналось в теологической среде. «Понятно, что категориальные структуры Платона и Аристотеля оказались при этом в основе представлений о целостности мира и благодаря этому выступили той интеграционной основой теологической парадигмы, которую называли и называют поныне «готическим миропорядком». Но именно «эллинская мудрость», прежде всего Аристотель, вызвали раздражение своей неспособностью обеспечить трансляцию

богословского знания, поднять христиан к восприятию библейской мудрости откровения. Но только в этих целях они и могли быть востребованы, поскольку теология находилась на вершине иерархии «наук» и в других науках не нуждалась, прибегая к ним лишь в дидактических целях» [1, с.118]. Здесь начинается большой, серьезный, разговор, которого не может миновать ни один историк науки – о «Книге Природы». Упрёки в несостоятельности «эллинической мудрости», адресованные в первую очередь Аристотелю, во многом были связаны с присутствием в теологическом тезаурусе наряду с Библией двух «книг» – «Книги Даниила» и «Книги Природы». Петров обращал внимание на те переводческие неурядицы, которые возникли при переводе с древнегреческого на новоанглийский (Даниил, 12, 4).

Творцы интеллектуальной революции XVII в. принимали концепт «Книги Природы», поскольку ее автором был Бог. Однако, если отвергать корпус античных работ, в самой Библии оставались лишь общие контуры проблем. Открывался другой путь – через изучение «Книги Природы» (ведь Бог создавал природу для человека) восстановить человеческую власть над природой. Для этого и было необходимо овладеть языком Адама. Аристотель в проводимом анализе не остался на обочине событий, его истолкование оказалось сопоставимо с толкованием Книги Даниила. Здесь и возникает размежевание мыслителей XVII в. с Аристотелем. У Аристотеля познание должно охватить взглядом всё сущее, всю совокупность вещей, а уже исходя из всеобщего выносятся суждения о каждой вещи. Несомненно, уместно здесь замечание Петрова о триединстве бытийного, логического и собственно категориального (сказуемого) аспектов в грамматической структуре языка: «Сколькими способами сказывается, столькими способами и выявляет себя бытие» (Метафизика, 1017). Местом появления суждения, выполненного в знаковых реалиях всеобщего, не несущих отметок единичности, пространства и времени, Аристотель считал подлежащее, о котором сказывается все, а оно ни о чем. Отношение истинности, сказуемости, отношение между «словами и вещами» рассматривалось им как логическое свойство предложений-высказываний, как корень и опора всей философии. Но «нормативная грамматика», на которую опирался Аристотель, перестаёт ассоциироваться непосредственно с философией. Слишком была она для этого проста, имея дело, как писал Бэкон, с «аналогией между словами», а не с «аналогией между словами и вещами». Ту же мысль об отсутствии в учении Аристотеля контакта с вещами проводил и Гоббс. Аристотель и XVII век говорят на разных языках. Возникает проблема соотношения языка и мышления. Латынь скрывала разнообразие грамматических структур языков. Но теологическое мышление XVII в. демонстрировало склонность к мышлению объективному, безличному, с чем и было связано возникновение типичных для научной картины мира категориальных структур.

Оспариванию великих учёных подлежит не только дедуктивно - теоретический слой науки, обоснованный греками и Аристотелем, но и путей познания. Стремление обладать истиной о вещах – это общее стремление отличает, по Аристотелю, человека от животного, хотя стремление к чувственному восприятию свойственно любому живому существу. Другое дело, что упорядоченность ощущений, возможная благодаря памяти, создаёт опыт (эмпирия). На опыте, накопленном памятью, основываются: искусство, рассудительность, наука, разум, мудрость. Собственно говоря, - это пять способов нахождения истины («алетейя»), погружения в «бытийственность» вещей, обнаружения «потаённого». Человек создаёт вещи, которых до этого не было в природе, но побудительное, созидательное начало кроется в самой природе. Все вещи – «сущее» в силу наличествования причины. Опыт – это знание индивидуальных вещей, «техне» – знание всеобщего. Поиск начал, начатый еще ионийскими философами, был, по Аристотелю, одновременно началом теоретической дискуссии о строении мира на основе определения элементов как его первопринципов и о создания модели мироздания. Аристотель инкорпорирует предшественников в теоретическое пространство собственных решений, предпосылки которых, теоретические и эпистемологические, он ищет у предшественников. Изменения в понимании природы, связанные с идеей творения и, соответственно, критика Аристотеля, начатая Бэконом и Гоббсом, меняют представления об источнике знания. XVII век обвинил античность в неспособности проникнуть в суть вещей и добиться господства над природой. Причём, распространённое мнение о том, что наука возникла под давлением материального производства, в условиях капитализма, явно устарело. М. К. Петров ещё в 1977 году внёс ряд уточнений в этот вопрос. Генезис науки связан с развитием Европейской культурной традиции и появлением университетов, где получило своё место триединство исследовательской, прикладной и академической составляющих.

Мыслители Нового времени вели борьбу не против отдельных сторон перипатетической философии, но против аристотелизма в целом. Чем же был так ненавистен Аристотель? Необходимость новой теологии, так же как и новой метафизики, новой философии и вообще всего обновления наук, они обосновывали необходимостью развития человеческой цивилизации, достижениями эпохи великих географических открытий. Нельзя ссылаться лишь на древних и ограничиваться Аристотелем. Коперник обосновал новую космологию, Тихо Браге и Галилей открыли не наблюдаемые древними астрономами звезды, кометы и планеты. Были изобретены книгопечатание, артиллерия, телескоп, реформирован календарь. Противостоят Аристотелю не отдельные персоналии, а целая эпоха, начатая Возрождением. Непосредственное обращение к природе как источнику познания было властным требованием этой эпохи. Существуют две божественные книги — это природа и

Писание. Первую, живую книгу природы, человек познает с помощью разума и ощущений. Познание природы — дело философии и науки. Вторая книга — Священное писание. Она «не лучше» книги природы, а лишь «более подходит» обыденному человеческому сознанию. Эмпиризм Аристотеля неприемлем как раз потому, что он не выводит за пределы конечного, ограниченного мира. Принятие бесконечности космоса, как это доказывал Джордано Бруно, неизбежно вело к отождествлению бога и природы и обожествлению материи. В изучении природы учёный вычитывал письма Бога. Но природа, сотворённая Богом, не может содержать в себе целевой причины. «Появляется реальная социальная почва для возникновения идеи «закона природы», выявляемого с помощью эксперимента» [2, с. 61].

Литература

1. Драч Г. В. М. К. Петров об интеллектуальной революции XVII в. // Вопросы философии. 2019. № 1. с. 116–132.
2. Косарева Л. М. Предмет науки. М.: «Наука», 1977 – 156 с.
3. Наука о науке. Пер. с англ. М. К. Петрова. М.: «Прогресс», 1966 – 422 с.
4. Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке (сборник статей). Пер. с англ. М. К. Петрова. М., «Прогресс». 1966 – с. 149-177.
5. Петров М. К. Перед «Книгой природы» // Историко-философские исследования М.: РОССПЭН, 1996. – с.329-345.

Национальный T-континуум как институциональная предпосылка существования науки

О.Ф. Ивашук
РАНХиГС, г. Москва

National T-continuum as an institutional precondition for the existence of science

O.F. Ivaschuk
RANEPA, Moscow

Аннотация. Статья посвящена проблеме: какое значение для развития науки имеет ее осуществление на разных национальных языках? М.К.Петров ввел понятие национального языкового T-континуума, но в его концепции онаучивания описано функционирование любого T-континуума вообще, как если бы он был единственным. В данной статье делается попытка учесть взаимодействие реального множества национальных T-континуумов и влияние этого процесса на движение самой формы науки. В этой связи модельным является социогенетическое исследование Н.Элиаса, в котором отдается

должное различению цивилизации и культуры. Настоящее исследование обосновывает гомологичность этого различения и различения науки-science и науки-Wissenschaft. А также гомологичность функционирования рынка *laissez-faire* и международного science-индекса, с теми же следствиями для производства знания в форме науки. Это позволяет сделать вывод, что конститутивным для существования науки является плюриверсум национальных научных T-континуумов, который определяет также и различие самой ее формы – различие между внешней, формальной формой этого культурного феномена, которую представляет собой science-ипостась науки, и его содержательной формой, в качестве образцовой модели которой выступает Wissenschaft.

Ключевые слова: Wissenschaft, science, культура, цивилизация, национальный языковой T-континуум, форма, рынок *laissez-faire*, science index

1. Культурную определенность науки считают достаточно обозначенной, если указывают, что она возникает в Новое время в Европейском культурном очаге. Внутри ЕКО существует одна наука на всех, и эта наука -- science. Отношения науки с национальными государствами выглядят как обоюдный мезальянс: с одной стороны, наука подрывает хорошо оптимизированный социальный ритуал и неудобна государству, но обойтись без нее государство не может из-за «ноголомной верви» международной конкуренции, в том числе военной; с другой стороны, наука нуждается в государстве только ради финансирования, но по природе своей от него независима, ее продуктивное ядро существует в неформальных «невидимых колледжах», которым национально-государственные и языковые границы только мешают.
2. Наука для ЕКО является не просто одним из частных формообразований, но культуруобразующим фактором: «все взрослые живущего поколения причастны к делам науки как ее потребители и представители... каждый живет в непосредственном присутствии ... всеведущего, всемогущего и даже всеблагого «духа» или «эфира» науки, способного и даже обязанного по первому требованию сгущаться и материализовываться во вполне конкретную и телесную фигуру ... врача, инженера...» и т.п. специалиста, имеющего диплом от имени науки [4; с.24-25].
3. Но наука-science, не могущая, в силу запретительных стандартов, рефлексировать свои собственные предпосылки (сделать научным результатом «творческую вставку» своего же «канона»), не является самодостаточной и отсылает к более широкому контексту, который является для нее условием жизнеспособности. Если же она выдает себя за исчерпывающую определенность науки, она вырождается в превращенную форму этого более богатого основания, которое в рефлекс-

сии новоевропейской теории получило имя Wissenschaft. Следовательно, если наука и является эфиром новоевропейской культуры (по крайней мере, единственно легитимным знанием в ней), то эта наука – не science.

4. М.К.Петров связал science с индустриальным запросом и обосновал ее границы, поставив вопрос об интенсификации онаучивания [3], но понимал эту интенсификацию как экспансию единого стандарта science вопреки любым государственным границам, как своего рода глобализацию – отсюда нажим на интернациональную научную лексику как обнадеживающую предпосылку для этого процесса, проект программы школьного обучения, которая должна включать 6 языков – два древних (латынь и греческий – потому что вся совпадающая интернациональная научная лексика происходит из них) и четыре языка науки (английский, французский, немецкий и – во времена Петрова об этом можно было говорить с уверенностью – русский). Эти усилия направлены на выстраивание единого коммуникационного и публикационного поля науки, т.е. на то, чтобы вся наука, в интересах минимизации коммуникационных барьеров, говорила на одном языке.
5. Сегодня наша страна делает усилия встроиться в единое пространство мировой науки, и штурманы-менеджеры этого процесса понимают задачу поднять российскую науку до уровня мировой сходным образом, т.е. игнорируя угрозы, которые несет публикационный мировой рынок *laissez-faire* (и его привязанный к англоязычному языковому Т-континууму «золотой стандарт» -- science-index) целостности национального языкового Т-континуума. В результате происходящее в институциональном интерьере российской науки напоминает то, что происходило в 90е годы с экономикой в целом, когда рыночные утописты, в надежде, что при отсутствии государственных интервенций в рынок он все сделает сам – запустит рост самораспространяющегося производства – за несколько лет коммодифицировали все, чем держалось отечественное производство. То, что вышло на деле, М.Буравой назвал «великой инволюцией», когда рынок душит производство вместо того, чтобы его стимулировать. И в обоих случаях все дело в том, что рынок не может функционировать в институциональном вакууме» [1; с.278-280], без государственной защиты условий производства, поэтому исторически ценообразующий (мировой) рынок и национальное государство возникают одновременно. В случае экономики в целом защищать требуется так называемые «фиктивные товары» (природу, производителя и национальные деньги) [5; с. 86]. В случае научного производства речь должна идти о защите (воспроизводства) производителя и национального языка науки от (само)колонизации.

6. Как и рыночное индустриальное производство, научное производство не может существовать в институциональном вакууме. Для науки его средой является национальный языковой T-континуум, причем не единственный, а с необходимостью во множественном числе. И это необходимо не только для того, чтобы защитить взаимопонимание ученых и преемственность (континуальность) внутри одного национального T-континуума. Только плюриверсум таких континуумов является условием поддержания того содержательного контекста, относительно которого science может быть только моментом.
7. Полная, содержательная (т.е. способная на воссоздание в виде научно-го результата предмета как субъекта) форма науки (Wissenschaft) исторически возникла не в Англии, стране-первопроходце, где победила science-ипостась, а в отсталой Германии. И это не случайно. Исследование Н.Элиаса показывает, что в условиях глобального рынка для отсталой страны возникает необходимость не только оспорить господствующий порядок как единственно соответствующий высоким целям «прогресса западного мира и всего человечества» [6; с 60], не просто выступить с претензией заменить собой единственный полюс господства, но изменить сам монополярный порядок на плюральный. Успешное противостояние псевдоморфозу блокирует отрыв навязываемой формы от ее основы, превращение ее в формальную форму, и вызывает в сознании догоняющего региона расщепление в понимании того, что наилучшим образом соответствует человеческой природе, на цивилизацию и культуру. С этой точки зрения *цивилизованный* порядок бытия вовсе не является единственным и не воплощается единственной (и притом не своей) нацией, а, скорее, порядок человеческого бытия в принципе предполагает плюральность, плюриверсум обладающих равным правом *культур* с четко определенным неповторимым индивидуальным обликом, которые в силу этого не обязаны конкурировать по правилам, навязываемым доминирующей культурой.
8. В этом процессе сопротивления однополярному порядку господства вместе с национально-государственными границами возникают не только разные национальные языковые T-континуумы, в силу чего наука существует на нескольких национальных языках, но в разных национально-государственных T-континуумах возникает на самом деле *разная по форме* наука: релевантная интересам господства science и нелегитимная для нее форма, олицетворяемая тем, что по-немецки называлось Wissenschaft. На сегодняшний день это единственная теоретическая форма, способная рефлексивно воссоздать тот «гетерономный синтез на переднем крае», который конституирует двойной переход континуума и со стороны исследовательского переднего края, и с академической стороны воспроизводства кадров.

9. Первообразная, полная научная форма не могла бы утвердиться в господствующей культуре. Моно-континуум способен выдавать в качестве результата только science, вытесняя Wissenschaft, хотя и не способен без этого своего рефлексивного дополнения существовать. Первообразная науки, которая несет в себе потенциал развития в силу того, что ее стандарты не сводятся к пустому формализму, а методы и познавательные процедуры позволяют считаться с субъективностью познаваемого, поскольку предполагают объективацию объективации [2; с.45], возникает только в условиях плюриверсума, когда государство в противостоянии единственному господствующему языку науки защищает науку на национальном языке, обеспечивая сохранность национального Т-континуума.
10. Запутанность предмета не позволила М.К.Петрову определить действительный источник угроз науке. Его война с гегельянскими попытками научно познавать субъективность подобна намерению срубить сук, на котором наука держится. Тот контекст функционирования национального Т-континуума, который открывается из социогенетической перспективы анализа Н.Элиаса, позволяет связать успехи «онаучивания» не с безоглядным глобальным продвижением science (этот процесс слишком амбивалентен по последствиям), но с существованием плюриверсума национальных научных Т-континуумов и нащупать условия, существенные для их сохранения.

Литература

1. Буравой М. Великая инволюция// «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 321с.
2. Бурдые П. Практический смысл. С.-Пб.: Алетейя, 2001. -- 562 с.
3. Петров М.К. Философские проблемы науки о науке. Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006. – 624с.
4. Петров М.К. История институтов науки. Ростов-на-Дону, Издательство ЮФУ, 2017. – 404 с.
5. Полаanyi К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. – 320с.
6. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах запада. СПб.: Университетская книга, 2001. – 336 с.

**Квазинаучное знание:
теоретико-методологические проблемы идентификации**

В.Д. Бакулов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**Identification of quasi-scientific knowledge:
theoretical and methodological problems**

V.D. Bakulov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. Работа посвящена феномену квазинауки, получившему сегодня широкое распространение и серьезное теоретическое обоснование. На современном этапе развития процесса институализации науки создаются предпосылки для широкого распространения учений, имитирующих научное знание. Этот этап связан с превалирующим значением электронных средств коммуникации, требующих новых методов и форм верификации научного знания. Трудности демаркации науки и квазинауки обусловлены также с получившей широкое распространение установкой на прагматическую целесообразность как определяющие показатели достоверности научного знания.

Ключевые слова: наука, псевдонаука, квазинаука, демаркация науки и квазинауки, культурно-историческая эпистемология.

С момента своего возникновения наука обрела своего рода тень – лженауку, представляющую во многих личинах: от откровенного третирования научных достижений и до изошренных средств мимикрии, имитации содержания, методов и форм научного знания. При этом акции и действия ученых против лженауки, нередко блестящие и остроумные разоблачения псевдонаучных идей или работ, дают, как правило, только ограниченный эффект. Как головы у сказочного Змея-Горыныча, срубленные героем-богатырем, разоблаченные лженаучные идеи и построения, воспроизводятся вновь и вновь. Фактически мы имеем историю перманентного противостояния науки и попыток ее профанирования, подделки и имитации в различного рода лже- и квазинаучных построениях. При этом, история этого противостояния порой приобретала драматические формы, «Змей-Горыныч» агрессивно атаковал и контратаковал, а боровшиеся с ним герои, в отличие от счастливых сказочных финалов, терпели серьезные поражения. Особенно когда эта борьба проходила в соответствующем политическом, идеологическом или религиозном контексте, когда задевались серьезные экономические интересы тех сил, которым была выгодна поддержка псевдонаучных, а то и откровенно лженаучных идей.

Неотступное следование псевдонауки и активная имитация ее представителями якобы истинного значения их построений, связано, конечно же, с

завоеванным подлинными учеными признанием их заслуг, престижем, большой социальной значимостью научных результатов. Интересно отметить, что при всей перманентности противостояния науки и псевдонауки, в его истории имеются разные периоды, своего рода циклы и ситуации, когда это противостояние обостряется, достигает накала, и когда наоборот – протекает в латентной форме. Эти циклы часто не связаны с приходящими извне политическими или социокультурными факторами и требуют своего изучения, выявления определенных имманентных закономерностей.

В нашей стране в эпоху так называемой перестройки, а затем «лихие 90-е», распространение псевдонаучных учений и «теорий» шло по нарастающей и к рубежу нового века достигло одного из своих пиковых значений. Проблема стала настолько актуальной, что послужила фактором мобилизации научного сообщества на открытое противодействие лженауке. В 2001 г. в Москве впервые в мире с большим успехом прошел международный симпозиум на тему «Наука, антинаука и паранормальные верования». В дальнейшем, в так называемые «нулевые», мы можем зафиксировать явную активизацию научного сообщества в борьбе против лже- и псевдонауки. Большую работу проводила созданная Российской академией наук Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, выдающимся организатором и вдохновителем работы которой до 2012 года был академик Э.П. Кругляков. С 2012 года эту работу возглавляет академик Е.Б. Александров. Данная Комиссия выпускает Бюллетень «В защиту науки», единственное в своем роде научное издание систематически и на самом высококвалифицированном уровне разоблачающее всевозможные квазинаучные учения.

О степени остроты полемики с отстаивающими псевдонаучные идеи оппонентами и изощренности их аргументации свидетельствует ситуация с обращением к феномену печально известной из истории нашей науки «лысенковщины». Припоминание академическим сообществом этого феномена парируется активистами псевдонауки указанием на то, что Т.Д. Лысенко был членом Академии наук СССР, а значит это именно академики вели борьбу с генетикой, способствовали репрессиям против настоящих ученых и т.п. Ситуация с гонениями на целые научные направления полностью переворачивается, а критика современный псевдонаучных теорий со стороны, например, Комиссии РАН по борьбе с лженаукой объявляется «новой лысенковщиной», «новой инквизицией» и т.п.

Кульминацией ситуации противостояния академического сообщества лженауке в этот период стал, пожалуй, всем известный «Петрикгейт», остроумно названный по фамилии действующего с невиданным размахом и предельно агрессивно псевдоученого, активно поддерживаемого представителями государственной власти очень высокого ранга и частью научного сообщества. Именно здесь возникла опасная ситуация, связанная с попытками

некоторых руководителей государства отказать представителям академического сообщества в праве проводить экспертизу различного рода научных «теорий» с целью их верификации¹.

В настоящий период в силу разных причин, мы можем зафиксировать неопределенность ситуации, и говорить то ли о снижении активности этого противостояния и переходе в своего рода фазу латентности, то ли о «затишье перед бурей», перехода к ситуации превращения этой проблемы в остроактуальную. Для понимания этого и необходимо, как было сказано выше последовательно и целенаправленно изучать ту определенную цикличность распространения лженаучных и квазинаучных учений и «теорий», которая наглядным образом проявляется, влияющие на интенсификацию этого распространения определенные факторы и причины.

Академик Е.Б. Александров, в настоящее время возглавляющий Комиссию РАН по борьбе с лженаукой, предлагает определенное уточнение используемой терминологии. Понятие «лженаука» требует осторожности в применении, и прежде всего потому, что здесь оппоненты, к которым применяется данное понятие, однозначно обвиняются во лжи. «Однако, основное содержание термина, - считает Е.Б. Александров, - предполагает лишь заведомую (априорную) ОШИБОЧНОСТЬ позиций оппонентов рациональной науки, отводя в ней обширное пространство для добросовестных заблуждений. Поэтому, в западной литературе обычно используется более мягкий («политкорректный») термин «псевдонаука», а также «паранаука». [2, с.8]. По нашему мнению проблема здесь не только в необходимости корректности, особенно в научно-этическом плане, использования указанной терминологии. Проблема в том, что применяемая система понятий требует серьезной содержательно-смысловой и методологической проработки, благодаря которой получится более точно установить соотношение понятий «антинаука», «лженаука», «псевдонаука», «паранаука» и другие. В этом контексте можно использовать и еще более нейтральный термин «квазинаука и кваизнание».

Несмотря на то, что настоящий момент можно фиксировать как период определенного «затишья» в постоянном стремлении псевдонауки получить для своих «теорий» статус равный по значимости действительным научным достижениям, а то и потеснить их под лозунгом наличия более прогрессив-

¹ Произнесенная спикером Государственной Думы Б.В. Грызловым фраза: «Теперь то, что касается Комиссии по лженауке. К сожалению, так они сами себя называют. Хотя термин лженаука уходит далеко в Средние Века. Мы можем вспомнить Коперника, которого сожгли за то, что он говорил «А Земля всё-таки вертится!», - как нельзя точно выражает всю суть описанной ситуации и справедливо может стать эпиграфом к работам, которые будут посвящены исследованиям этого периода борьбы с псевдонаучными учениями.

ных, передовых, практически эффективных и т.п. результатов, противостояние полностью сохраняется.

Критика лженауки и псевдонаучного знания у нас очень часто сопровождается замечаниями о том, что это только наша проблема. За рубежом, точнее в странах западных эта проблема остро не стоит. Вот что, например, пишет академик Александров Е.Б. бесспорный лидер в нашей стране в борьбе с проявлениями лженауки: «Часто говорят, что такое же наводнение лженаучными сенсациями имеет место и в СМИ стран западной демократии. Это неверно. Западные respectable издания чураются лженауки. Вместо этого они регулярно распространяют сообщения из мира науки, используя в качестве источников ведущие профессиональные научные журналы» [2, с. 10].

Увы, ситуация и там далеко не такая благополучная, как этого хотелось бы. Об этом наглядно свидетельствует следующий пример.

Менее года назад западное научное сообщество оказалось свидетелем большого скандала. Группа в составе трех ученых выступила с открытым письмом, опубликованном в журнале *Ageo*, а также сенсационной публикацией в *Wall Street Journal* в октябре 2018 года, в котором подробно рассказывается о проведенном ими своего рода эксперименте, суть которого заключается в подготовке и направлении в высокорейтинговые научные журналы для публикации работ, в которых содержались откровенно выдуманнные данные, сведения, представляющие собой откровенную чепуху, а то и вовсе абсурдные идеи и выводы из них. Всего авторами было подготовлено около двух десятков откровенно фейковых текстов. Однако треть этих работ была опубликована, а еще треть находилась на этапе рецензирования и редактирования в солидных научных изданиях.

Учеными осуществившими этот скандальный эксперимент являются Джеймс Линдси, Хелен Плакроуз и Питер Богоссян. Линдси — доктор математических наук, автор нескольких известных книг, наиболее популярной из которых является «Жизнь в свете смерти». Плакроуз — специалист по религиозной литературе эпохи Возрождения. Одной из центральных тем ее работ является защита женщинами своих прав на основе использования для этого различного рода христианских текстов. Самым крупным ученым из группы является Питер Богоссян, доктор философских наук, занимающий пост профессора в Университете Портленда, преподающий там такие дисциплины как философия, критическое мышление и другие, выступающий также представителем «Фонда за науку и здравый смысл», основанного известным британским биологом Ричардом Докинсом.

Почему же откровенная чушь и абсурд, изложенные в содержании якобы научных работ с большой долей нескрываеваемой авторами иронии относительно предлагаемых идей, была опубликована, либо принята в печать? А все дело в том, что в этих работах выступающие под вымышленными

именами авторы громкогласно осуждали расизм, сексизм, и также энергично поддерживали феминизм, бодипозитив и т.д.

Выдавая откровенную чепуху за результаты якобы проведенных исследований, авторы приводили произвольно взятые цифровые или фактические данные, ссылались на несуществующие источники или же статьи полностью вымышленных авторов. Например, в одной из работ предлагалось дрессировать мужчин, как собак. В другой — заставлять белых студентов слушать лекции, сидя на полу аудитории закованными в цепи, — это в качестве наказания за возможную причастность их предков к рабовладению.

В третьей крайняя степень ожирения, угрожающая здоровью, поощрялась как свободный выбор здорового человека. В четвертой предлагалось считать мастурбацию, в ходе которой мужчина представляет в своих фантазиях реальную женщину, актом сексуального насилия по отношению к ней.

В статье «Собачий парк» (полное название — «Реакция людей на культуру изнасилования и проявления нетрадиционной сексуальной ориентации в собачьих парках Портланда, штат Орегон»), которая была опубликована научным журналом *Gender, Place and Culture*, утверждалось, что исследователи ощупали гениталии почти 10 тысяч собак, опрашивая их владельцев по поводу сексуальной ориентации питомцев. При этом эта статья, намеренно излагающая наиболее абсурдные идеи — о том, что спаривание собак в парке необходимо рассматривать в контексте культуры изнасилований, — даже была отмечена специальной наградой [3].

Статья на тему феминизма — «Наша борьба — это моя борьба» — и вовсе была несколько перефразированной главой из книги Адольфа Гитлера «Майн Кампф» [3].

Авторы намеренно писали чепуху, проверяя возможность ее публикации при условии «правильного» освещения вышеуказанных тем. «Поэтому каждая статья, - пишут авторы в открытом письме в журнал *Ageo*, - начиналась с чего-то абсурдного или глубоко незгичного (или и того и другого), того, что мы хотели транслировать или обосновать. Затем мы принуждали существующие рецензируемые издания признать наши публикации соответствующими академическим требованиям.

Это основной пункт проекта: то, что мы только что описали, не является производством знаний; это софистика. То есть это подделка знаний, которую не следует принимать за настоящее исследование. Самая большая разница между нами и исследованиями, которые мы изучаем путем их имитации, заключается в том, что мы знаем, что мы все выдумали» [См.: 4].

И далее: «Иногда нам просто приходила в голову безумная или бесчеловечная идея, и мы ее воплощали. Что, если мы напишем статью о том, что мы должны обучать мужчин, также, как мы обучаем собак, чтобы предотвратить культуру изнасилования? Отсюда и появилась статья «Собачий парк» [4].

Хотя авторы пишут, что они изрядно повеселились заставляя солидные научные издания публиковать или проводить экспертизу, рецензировать и готовить к печати их тексты, выводы к которым они приходят относительно объективности, рациональности, обоснованности, соответствия идеалам и нормам научного знания работ по очень широкому кругу остросоциальной тематики, не могут не тревожить самым серьезным образом. «Наука ставит своей целью установить истину, - настаивают авторы, - но в области социальных исследований истина уже давно мало кого интересует. Главное — это соответствие идеологическим нормам: осуждение угнетателей всех мастей и выражение поддержки «униженным и оскорбленным» [4].

В отдельных областях социальных наук, вынуждены констатировать авторы: «прочное (если не доминирующее) место заняли научные работы, в основе которых лежит не столько поиск истины, сколько внимание к злоупотреблениям и различным проявлениям социальной несправедливости... Авторы таких работ все чаще оказывают давление на студентов, администрацию и сотрудников других факультетов, заставляя тех выражать поддержку своим взглядам. При этом взгляды эти абсолютно не являются научными» [4].

Мы намеренно максимально, насколько это возможно в докладе, представили изложение данной ситуации словами самих авторов, ибо эта ситуация показывает насколько сложна, многогранна и глубоко укоренена проблема генезиса, утверждения и распространения квазинауки, насколько неэффективными оказываются в современных условиях механизмы его верификации и репутации. Предпосылки для широкого распространения учений, имитирующих научное знание, создаются на современном, новейшем этапе развития исторического процесса институализации науки. Этот этап связан с превалирующим значением электронных средств коммуникации, с виртуальной реальностью, требующих новых методов и форм верификации научного знания. Трудности репутации квазинаучных идей обусловлены также с получившей широкое распространение установкой на прагматическую целесообразность как определяющие показатели достоверности научного знания. Решение проблем, связанных с демаркацией квазинаучных идей и выявление их несостоятельности, Авторы видят на пути глубокой теоретико-методологической проработки вопросов взаимодействия фундаментального и прикладного знания, а также разработки новых способов и форм верификации знания в современном «мире цифры».

Актуальность проблематики, связанной с разработкой методологии анализа квазифеноменов реальности, обусловлена прежде всего их самым широким распространением в нашей повседневной действительности, современной ситуацией, характерологической спецификацией которой выступает все более возрастающее влияние квазифеноменов, имитаций реальных предметностей социальной действительности во всех важнейших областях

жизнедеятельности современного социума. Совершенно справедливо учеными, публицистами, общественными деятелями высказываются опасения об утверждении и разрастании квазифеноменов до масштабов целой сферы псевдореальности, которая не только имитирует реальные социокультурные явления, но и начинает вытеснять и замещать их в таких важнейших сферах общества, как экономика, политика, право, наука, культура и др. Глубоким, а в некоторых случаях необратимым изменением, подверглось обыденное сознание, сфера повседневного опыта, «жизненный мир», служащий резервуаром и источником когнитивно-рациональных построений индивидов, от простых обобщений этого опыта и до ценностно-мировоззренческих построений. Так, в этом обыденном опыте практически кодифицировано понятие «постправда», открывающее возможность пересмотра индивидом самого способа понимания им окружающей действительности и себя самого. Концепты «фрик», «фейк», «пранкер» и другие, воспринимаются как обязательный компонент, атрибут не только повседневной коммуникации, но и своего рода информационной картины мира, и даже духовной культуры, вплоть до ее самых рафинированных в интеллектуальном плане сфер. Пранкер такой же герой, как и ученый, публицист, журналист, получивший и артикулировавший новые сведения о нашей многообразной реальности, позволившие увидеть ее новые грани и решить какую-либо социальную проблему... А зачастую он даже привлекает внимание на порядок больше, чем ученый, совершивший реальное выдающееся открытие, или проводивший реальное исследование и установивший истину относительно какого либо сложного события журналист. Конечно этот феномен – пранкер – нельзя классифицировать исключительно как отрицательное явление. Как и все в нашей жизни, деятельность пранкеров не однозначна, иногда они также помогают установить истину в той или иной ситуации, показать истинное лицо того или иного политического деятеля, влиятельного бизнесмена, «селебрити» и т.п. Нас интересует здесь другое, а именно когнитивно-познавательная сторона проводимых пранкерами розыгрышей. При этом нам хотелось бы подчеркнуть, что дело не ограничивается лишь рамками этих розыгрышей. Они лишь высвечивают, наглядно представляют ситуацию, имеющую гораздо более широкую представленность и всеобщность.

В настоящий момент мы можем зафиксировать выход на качественно новый уровень утверждающейся и распространяющейся сферы псевдореальности. Этот качественно новый уровень связан с генезисом квазисубъектов. Их генезис связан с утверждением и приобретением превалирующего значения в жизнедеятельности нашего современника новых форм и средств коммуникации, с одной стороны породивших, а с другой стороны, порождаемых виртуальной реальностью, интернетом, «миром цифры».

Робот-Бот, да еще и с использованием технологий искусственного интеллекта, все более становится эффективным средством осуществления дея-

тельности во всех важнейших социальных сферах: экономики (роботы для биржевой торговли), политики (роботы-боты в социальных сетях), образовании и науки. Торговые роботы, приносящие колоссальные доходы, сетевые боты ставшие способом пропаганды и даже средством ведения информационно-психологических войн в политике, сделали ситуацию с их активным использованием необратимой, подготовили своего рода «революцию ботов» в современной интеллектуальной и коммуникативной деятельности. Поэтому начиная с настоящего момента, ни из биржевой торговли, ни из политической пропаганды в социальных сетях, ни из маркетинга и рекламы и прочего, роботы-боты - эти эффективные средства достижения достаточной значимых целей, - естественно неустраняемы, и будут только совершенствоваться.

Однако ситуация, связанная с генерированием квазисубъектов деятельности, выступает как еще более сложная. Дело заключается в том, что использование роботов-ботов во многих сферах деятельности, и в том числе интеллектуальной, постулируется в качестве обязательного компонента этой деятельности, показателя ее соответствия актуальным требованиям и задачам, условия положительной их оценки.

В сфере образования создаются модели идеальных субъектов процесса обучения: идеальных студентов, идеальных виртуальных учебных групп и пр., взаимодействие с которыми – например, прохождение педагогической практики – становится обязательным компонентом подготовки преподавателя. В качестве примера можно указать на такого рода работу, (оцениваемую, естественно, как исключительно положительную, инновационную, соответствующую самым высоким критериям деятельности в сфере образования), проводимую в Университете Центральной Флориды (США).

Начинается и процесс виртуализации деятельности собственно самого педагога. Первый шаг на этом пути – создание виртуальных курсов для преподавания различных дисциплин. Нет необходимости обладать сверхразвитой способностью воображения, чтобы предположить в довольно таки ближайшем будущем создание модели идеального преподавателя, воплощение этой модели в реальность при помощи робота-бота. Степень «идеальности» преподавателя-бота будет зависеть только от степени развития и совершенства технологий искусственного интеллекта. Проблема наличия значительной сферы личностного знания, передача которого, собственно, и есть основа образования (придания соответствующего духовного образа обучаемому), рассматривается при этом как чисто техническая и технологическая проблема, снимаемая наступающим, по мнению адептов виртуализации образования, всесовершенством искусственного интеллекта.

Самым непосредственным образом данная ситуация затрагивает и область науки. Прежде всего потому, что научная деятельность неразрывно связана с образовательной. Метафора сообщающихся сосудов в этом случае

больше, чем метафора. А если рассуждать далее, то становится очевидным, что утверждение и распространение сферы псевдореальности не может не воздействовать на науку, не задавать определенный социокультурный и ментально-когнитивный контекст для деятельности научного сообщества. Наглядным свидетельством этому стали факты широкого распространения квазизнания, разросшегося до создания целых псевдонаучных дисциплин, вышедших на уровень идеологического, методологического и концептуального обоснования права на квазинаучные построения. При этом распространению квазизнания не могут помешать ни успехи наук как в области естествознания, так и в социогуманитарной сфере, ни попытки создания научным сообществом институционально-организационных форм для систематической работы по противодействию распространения анти-, лже- и квазинаучных знаний. Дело дошло до создания в качестве жизненно необходимой Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук. Сложности и перипетии работы этой комиссии наглядно показывают то, насколько сложной является ситуация с постоянной регенерацией антинаучных и псевдонаучных идей.

На этом этапе процесса институализации науки парадоксальным образом проявляется амбивалентность повсеместного внедрения и превалирующего значения для организации научной деятельности современных информационно-коммуникативных технологий, превращения их из посредника взаимодействия представителей научного сообщества в фактор, который начинает все больше опосредовать, и даже детерминировать эту деятельность. «Мир цифры» становится одной из предпосылок перманентной генерации и всеобъемлющего распространения квазизнания. Хорошим показателем является деятельность всегда тонко чувствующих конъюнктуру средств массовой информации, некоторые из которых практически уравнили в познавательном и социальном статусе информацию о научных достижениях с сомнительными, а то и откровенно недостоверными сведениями (дальше всех в этом направлении пошел, наверное, телеканал RenTV, в работе которого квазинаучным идеям даже отдан приоритет). Дебри виртуального пространства выступают идеальной средой для маскировки сложных и изощренных механизмов генерации и распространения лженаучных учений. При этом «второе дыхание» обретают не только традиционные «отрасли» псевдонауки, как то астрология или гомеопатия, но и сферы исследования сверхзначимых областей знания – генетика, экология и других. Очевидно, что современный этап организации научной работы связан с явным запаздыванием критической рефлексии относительно всепроникающего распространения лженаучных идей и квазинаучных построений, их выхода на качественно новый уровень, превращение в своего рода духовную, - а точнее в антидуховную по своей природе, - формацию. Свидетельством этого является отсутствие какой-либо концептуально проработанной классификации внена-

учных и паранаучных построений. В литературе, посвященной антинаучным, лженаучным, псевдонаучным, квазинаучным учениям, мы можем зафиксировать классификационной разницей, отсутствие четких определений разновидностей указанных построений.

Факторы способствующие повсеместному распространению имитационных моделей научного знания это применение для оценки деятельности как отдельных ученых, так и научных учреждений формальных квалиметрических показателей.

Здесь не могут не возникать вопросы о том, например, достаточно ли наукометрических и библиометрических методов, выявляющих количественные параметры публикационной деятельности, для определения эффективности исследований, как отдельного ученого, так и научных организаций, можно ли запланировать открытие, поддается ли творчество формализации в принципе?

Отметим, что наукометрия, безусловно, позволяет определить результативность исследований с точки зрения количества и частоты публикаций, обширности сети цитирования, популярности автора и пр. Проблема заключается в том, что количественные показатели далеко не всегда позволяют правильно оценить качество ситуации. Значительное количество статей, например, еще не свидетельствует об исследовательской продуктивности их автора, если в них не содержится принципиально новых идей, обладающих эвристической ценностью. Формальность количественной оценки научного творчества позволяет совершать недобросовестные манипуляции на уровне смысловой, содержательной части исследовательской работы.

К сожалению, манипуляции такого рода сейчас настолько распространены, что можно говорить о возникновении феномена «поддельной науки», суть которого заключается в имитации исследовательской деятельности с целью приобретения разнообразных выгод (признание, социальный статус, вознаграждение, карьера и т.д.) имитатором.

Спектр манипулятивных приемов, обеспечивающих такую имитацию, достаточно широк. От самоцитирования и публикации одного и того же текста под разными названиями в разных изданиях до объемных некорректных заимствований чужих текстов при написании не только статей, но и монографий, кандидатских и докторских диссертаций. Дело доходит до того, что монография или диссертация могут полностью состоять из заимствованных чужих текстов.

Нам хотелось бы указать, что в настоящее время мы можем зафиксировать постановку и осмысление проблемы демаркации квазинауки на разных теоретико-методологических уровнях науковедческой рефлексии. Такой многоуровневый подход позволит сделать шаг к целостному и в определенной мере системному изучению проблемы генезиса и утверждения квазинаучных идей, определенной интеграции разрозненных и неупорядоченных в

настоящий момент подходов, аспектов анализа и концептуальных постулатов, необходимых для адекватного понимания этого сложного, многомерного феномена.

Во-первых, это уровень общеметодологический, на котором осмысливаются теоретико-методологические основания науки, сущностные спецификации научной картины мира и рационально-научного мышления. На этом уровне исследуются те aberrации этой картины мира и девиации рационального мышления, которые выступают предпосылкой генерирования альтернативной научной картине мира в целом совокупности представлений, способствуют антинаучным формам ценностно-мировоззренческих установок, псевдорациональным или внерациональным методам постижения и понимания действительности и соответствующего им способа мышления.

Во-вторых, это уровень в рамках изучения общетеоретических проблем такой науковедческой дисциплины, как философия и методология науки. На этом уровне наука предстает как целостная и относительно самостоятельная сфера деятельности, обладающая своими нормами и идеалами, своим этосом научного сообщества, выступающими, помимо всего прочего, факторами высокой степени интеграции этой сферы социальной деятельности. Вместе с тем, как дисциплина науковедческого комплекса, философия и методология науки рассматривает последнюю в более широком социальном контексте - как феномен социокультурный. Это позволяет выявить социальные и культурно-исторические мотивы и смыслы этой деятельности, ее оценки и установки относительно практического применения. Этот широкий социокультурный контекст позволяет не только осуществление непосредственная критическая рефлексия квазинаучных идей методами и средствами самой науки, но и поставить задачи выявления тех социокультурных механизмов генезиса псевдонаучных идей, их утверждение и распространение, приводящие к существенному изменению их места и роли в жизни современного социума. Как очень метко указывает известный философ Б.И. Пружинин: «Сегодня в области мотивации псевдонауки явственно обозначились серьезные социокультурные факторы, имеющие эпистемологический смысл и сущностно связанные с методологическими и институциональными сдвигами, происходящими в самой науке» [8, 119].

В-третьих, это уровень связанный с теоретическим и методологическим осмыслением генезиса квазинаучных построений в рамках отдельных научных дисциплин и отраслей знания или полагаемых как альтернатива им. Особое значение и поучительность это имеет для естественнонаучных дисциплин: физики и астрономии, биологии и генетики, космологии, химии и других, имеющих в качестве свой псевдонаучной тени соответственно астрологические, алхимические, лжегенетические (меметика, «волновая теория генов» и связанное с ней «второе пришествие» телегонии) и прочая, и прочая.

Все это и может положить исходную основу для репутации псевдонауки, защитить созданный десятками поколений ученых храм науки так, чтобы его не одолели «врата ада» лжезнания.

Литература

1. В защиту науки. Бюллетень / [отв. редактор Е.Б. Александров (до 2012 года – акад. Э.П.Кругляков)]; составители Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов, А.Г. Сергеев; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. - Бюллетень № 1 - 21. – Москва, 2006 - 2018. - М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006 – 2018.
2. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень / [отв. редактор – акад. Э.П.Кругляков)]; составители Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов, А.Г. Сергеев; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. - Бюллетень № 1. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. – С. 8. - (8-16).
3. Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку URL: <https://news.mail.ru/society/34950253/> (дата обращения: 30 апреля 2019 года).
4. James A. Lindsay, Peter Boghossian and Helen Pluckrose. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship //Areo. - Posted onOctober 2, 2018. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> (дата обращения: 30 апреля 2019 года).
5. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. М.: Наука, 2001. – 321 с.
6. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги 2. М.: Наука, 2005. – 336 с.
7. Кувакин Валерий Лженаука — диагноз обществу //Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН, 2015 г. URL: <http://klnran.ru/2015/10/valerij-kuvakin/> (дата обращения: 1 ноября 2018).
8. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня //Вестник Российской академии наук. – 2005. - Т. 75. – №2, – С. 119.
9. Пружинин Б.И. «Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии» - М.: РОССПЭН, 2009. – 423 с.

Тезис Мертона в контексте концепции Мертона

М.М. Шульман

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Merton's Thesis in the Context of the Merton Concept

M.M. Shulman

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. Под «Тезисом Мертона» в общем понимается соображение о природе ранней экспериментальной науки, предложенное Робертом К. Мертоном. Подобно знаменитому утверждению Макса Вебера о связи между протестантской этикой и капиталистической экономикой, полагается, что Мертон выступал за аналогичную положительную корреляцию между ростом протестантского пиезизма и ранней экспериментальной наукой. В учебниках иногда «Тезис Мертона» описывается как «Тезис Вебера-Мертона» [1]. «Тезис Мертона» возводится к докторской диссертации Мертона 1936 года, опубликованной два года спустя. Эта публикация: *Robert K. Merton Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. Osiris, Vol. 4. (1938)* [2], была отпечатана тиражом 500 экземпляров в Бельгии, и из-за военных условий оказалась малодоступной, в результате чего, большинство обсуждений шло вокруг переиздания монографии 1970 года. При этом, как справедливо заметил Э. М. Мирский (и не заметили многие иные авторы) «В ней он, *полемизируя с Максом Вебером*, убедительно демонстрирует, что само становление новой науки было не инициировано протестантским этосом, а формировалось в обоюдопольном взаимодействии с ним, базирующемся на конгениальности этических посылок» [3]. В «Предисловии 1970» к новому изданию Мертон отмечает, что во всех обсуждениях, прошедших с 1938 года, вторая половина монографии была полностью пропущена.

Ключевые слова: Мертон, Тезис Мертона, наука, религия, протестантизм, ранняя экспериментальная наука, этос науки.

В 1988 году гарвардский профессор истории науки Стивен Шэпин фиксировал, что «пятьдесят лет тезис Мертона продолжает пробуждать страсти историков. Трудно понять почему. Никогда не было знаменитой исторической теории, так осторожно структурированной, так же методологически эклектичной ... и таким умеренным образом выраженной. Роберт Мертон и его защитники приучены говорить, что его тезис был «неправильно понят». Они слишком добры к определенным из его критиков. ... В доказательствах некоторых из тех историков, которые пытались опровергать то, что как они представляют, должно называться его тезисом, монография Мертона 1938 года и связанные тексты едва ли могли быть учтены вообще.

Мертон совершенно прав в жалобах на бесцеремонное обращение, которое он получил от своих критиков в историческом сообществе» [4].

Мертон критикуют по пространному полю: от недостаточного рассмотрения роли математики и механической философии в научной революции – до трудностей в определении того, что считать «правильным» протестантом. Мертон же критикуется за неспособность объяснить, почему не протестанты делали науку – например, католики Коперник, Декарт или Галилей, и наоборот, почему далеко не все протестанты были заинтересованы в науке.

В 2000 году вышел коллективный труд - энциклопедия «История науки и религии в Западной традиции» [5]. Здесь отдельный параграф посвящен «Тезису Мертона», как самому известному примеру поиска связи между наукой и широко понятой протестантской религиозностью. Авторы признают важность тезиса Мертона как новаторского усилия перейти от интерналистского к социологическому исследованию науки и рассмотреть отношение религии к науке положительным способом. Вместе с тем им видятся серьезные ошибки в оценке тезиса Мертона как вклада в понимание религии и науки семнадцатого столетия. Но, похоже, эти, видимые ошибки вырывают особенности понимания сюжета самим Мертоном.

Кроме приписывания Мертону того, что он никогда не писал и не говорил, первый недостаток видится в определении Мертоном пуританизма. Дело в том, что в шестнадцатом – семнадцатом столетии в Англии термин «пуритане» использовался, и, прежде всего, как оскорбление во внутри-протестантских религиозных ссорах. Упрекается Мертон и в неаккуратности в использовании критических теологических понятий, например, в требовании к положительной роли «добрых дел» для спасения, которое бы ужаснуло протестантов 17 века, принявших Реформатскую доктрину оправдания «только верой» (*sola fide*).

Очевидно, в основе недоразумений полемики лежат проблемы методологического характера. Дэвид Холлингер в эссе «Защита демократии и Формулировка научного этоса Роберта К. Мертона» [6] отмечает: «Дисциплинарные дискурсы часто содержат версии своей собственной истории, которую историки, если бы они потрудились посмотреть, сочли слишком узкими. Они сами, воспроизводя рассказы дисциплины о своей истории, мнимо подчеркивают аналитические истоки определенных творческих актов, которые сформировали дисциплину и обращают мало внимания на любые экстрадисциплинарные обстоятельства, возможно, помогшие вдохновить эти акты креативности. Но историки редко берут на себя труд посмотреть. Они обычно рады оставить собственным летописцам дисциплины задачу присвоения исторического значения основным инновациям и классическим текстам. Вклады Роберта К. Мертона в социологию долго подвергались такому обращению внимания и пренебрежению. Социологи разработали и воспроизвели

дисциплинарную память, вспоминая Мертона, устанавливавшего или преобразовавшего одну программу исследований за другой, в то время как историки, изучавшие трансдисциплинарную историю поколения Мертона в основном обошли его работу».

Жизнь в учении. Роберт К. Мертон прожил долгую жизнь (он родился в Филадельфии, штат Пенсильвания, 4 июля 1910 года и скончался в Нью-Йорке 23 февраля 2003 г.), дожил до получения его сыном Робертом Кархартом Мертоном Нобелевской премии (1997), но только в 1994 году, в Хаскинской лекции рассказал публично о некоторых «экстрадисциплинарных» обстоятельствах своего духовного и научного развития, руководствуясь принципом «ребенок – отец взрослого» [7].

Роберт Кинг Мертон, урожденный Меер Школьник родился в семье говорящих на идише еврейских эмигрантов из России Аарона Школьника и Иды Расовской, прибывших в США в 1904 году. Аарон Школьник (в Америке – Гарри) был портным, затем открыл в южной части Филадельфии лавку молочных продуктов, а после того, как она сгорела, работал помощником плотника.

По словам Р. Мертона, считается, что он родился «почти в нижней части социальной структуры», в трущобах южной Филадельфии для рабочего класса из еврейских иммигрантов из Восточной Европы. Но он не согласен с квалификацией семейной ситуации как трущоб. После рождения он оказался в шестикомнатной квартире над недавно приобретенным магазином отца. Несколько лет спустя, когда не застрахованный магазин был уничтожен пожаром и отец стал помощником плотника на Филадельфийской военно-морской верфи, он тоже не испытывал «относительных лишений». У мальчика было место, где он собирал радиоприемники, угольная печь обеспечивала тепло, газовое освещение замечательно служило в течение многих лет. Кроме всего, в его распоряжении оказался «большой массив институциональных богатств». В нескольких кварталах от дома находилась библиотека Карнеги в 10 000 томов, которую он начал посещать с пяти или шести лет, и где о нем заботились женщины-библиотекари. В нескольких кварталах от дома был зал, в котором играл знаменитый Филадельфийский оркестр харизматичного Леопольда Стоковского, где за плату от 25 до 50 центов Мальчик мог слушать музыку от Баха до Шенберга и Олбана Берга. Мертон до глубокой старости остался впечатлен богатством государственных ресурсов, «имеющихся в распоряжении нас, якобы бедных», поскольку «мы обладали важными правами собственности в виде доступа к ценным ресурсам». Но это тот же случай отсутствия возможностей, представляемых в графическом искусстве.

Отец потерял работу на верфи, семья опять переехала, сосед, Чарльз Хопкинс, начал ухаживать за его сестрой Эммой, женился на ней и обучил Меера искусству престижиджитации – не требующим особого оборудования

фокусам с картами, монетами, шариками, платками иногда с мышками и кроликами [8]. Это ремесло, обеспечивающее оплачиваемые выступления на свадьбах и школьных утренниках, помогало материально и во время обучения в колледже. Понадобился американизированный псевдоним. И так же, как Эрих Вейсс сын раввина Майера Самуэля Вейсса стал Гарри Гудини, называя себя в честь знаменитого французского фокусника, Роберта Гудена, 14-летний Мейер Р. Школьник быстро стал Робертом К. Мерлином в честь намного более знаменитого волшебника из легенды об Артуре. Мерлин в свою очередь, скоро стал Мертоном. «К тому времени, когда я достиг Колледжа Тэмпл, мои близкие друзья чаще называли меня Боб Мертон, и я не препятствовал им. Мне больше нравилось звучание этого имени, без сомнения потому что это казалось «более американским» тогда в 1920-ых. С теплого согласия моей преданной американизации матери — она училась в вечерней школе намного более неукоснительно, чем посещала синагогу — и мягкого согласия моего довольно незаинтересованного отца, это сопровождалось юридической трансформацией моего имени».

Роберт Мертон поступил в колледж Тэмпл — светский колледж, основанный в 1884 году баптистом Расселом Х. Корнуэллом для «бедных мальчиков и девочек Филадельфии»², где учился с 1927 по 1931 годы. Привлеченный стипендией, он решил заниматься в классе по социологии. Его молодой научный руководитель Джордж Э. Симпсон ввел его в «новые социальные и когнитивные сети», в частности, дал возможность познакомиться с Питиримом Александровичем Сорокиным, в то время — основателем новой кафедры философии в Гарварде, поступать куда он поощрил Мертона, пригласил стать его научным сотрудником — на первом курсе — а затем и его ассистентом. В Гарварде Мертон учился в 1931 — 1936 годах и там же защитил свою знаменитую диссертацию.

«Мы должны напомнить себе, что в те годы понятие «христианской» культуры до сих пор носило яркие коннотации антисемитских барьеров на пути трудоустройства евреев в высшие учебные заведения, особенно в области гуманитарных и социальных наук. Ни один еврей не был назначен на работу на каком-либо факультете в Йельском университете до 1946 года. На английском факультете Колумбийского университета назначение в 1939 году Лайонела Триллинга доцентом было прорывом настолько поразительным,

² Университет Темпл, или Темплский университет (англ. Temple University) — государственный исследовательский университет в г. Филадельфия, Пенсильвания. Основан в 1884 году. Имеет семь кампусов в Пенсильвании и международные кампусы в Риме, Токио, Сингапуре, Лондоне и Овьедо. В университете обучается более 40 000 студентов. Это один из крупнейших университетов США (занимает 26-е место среди крупнейших университетов страны). Темпл принадлежит к категории университетов, финансируемых из государственного бюджета, но при этом функционирующих независимо.

что его история заставила говорить о повсеместном старении английских профессоров по всей стране. Т.С. Элиот по-прежнему стоял за достоинства «христианского общества» в конце 1930-х и начале 1940-х годов, и многие представители либеральной интеллигенции, которая сплотилась вокруг знамени научной культуры хорошо помнили его пресловутую лекцию в Университете Вирджинии, прочитанную всего несколько лет назад, когда один из величайших поэтов и критиков века заявил, даже после гитлеровской чистки немецких университетов, что «любое большое количество вольнодумных евреев» является «нежелательным» [9].

По словам самого Мертона, президент Гарварда Конант, описывающий себя как «историк-любитель науки семнадцатого века в Англии», дал ему знать, «сколько я наслаждался вашей работой».

Как же нужно было построить корректную концепцию, которая вызвала бы наслаждение у блестящего химика и президента основанного пуританами университета?

Почему пуритане? До тех пор, пока господствует католическая по истокам концепция абсолютного Божественного волюнтаризма, подчеркивающего возможность чуда, идее неизменного и неотменяемого Закона природы нет места.

Со времен Реформации ключевой доктриной протестантизма и предпочитаемой сторонниками реформации и кальвинизма системой толкования Писания, является Теология Завета. Этимологически Завет (в западных традициях – Соглашение, Договор) используется для перевода еврейского слова *berith*, встречающегося в масоретском тексте 264 раза и передаваемого в Септуагинте как *diatheke*.

Согласно Джеймсу Иннелу Паркеру, одному из важнейших евангелистических богословов конца 20-ого столетия, главному редактору английской Стандартной Версии Библии (2001), «вся библейская доктрина от первого до последнего слова имеет отношение к Завету между Богом и человеком» [10].

Примечательно, что в европейской социокультурной традиции теология Завета, который есть договор (*covenant*), и есть, – как следствие договора, – добровольно взятое на себя исполнение повеления (*behest*), иногда переходит в идеологию Завета и пытается стать политикой Завета. Но лишь там, и до тех пор, пока Завет понимается как всего лишь завещание (*testament*), — то есть, как преимущественно текст. Это заслуживает особого внимания, тем более что в русскоязычных текстах *covenant* обычно не переводится, а лишь транслитерируется.

Рассмотрим это движение – от теологии завета, через идеологию завета – к политике завета – подробнее.

Идея Завета претерпела в европейской социокультурной традиции различные интерпретации в изменяющихся толкованиях Писания, от древнейших времен в иудаизме до Нового времени в христианстве.

Роберт Мертон (Меир Школьник) – иудей. Изначально иудаистская культура – это культура Завета. Здесь Завет рассматривается как основополагающее условие бытия, и, вместе с тем, такое условие, которое безусловно. Причем эта безусловность Завета не предполагает для состоящих в нем никаких преимуществ или привилегий, ни в этом, ни в потустороннем мире. Можно подвергнуться наказанию за нарушение завета, но невозможно разрушить его связь [11]. «Обещанное», в оригинальном тексте, есть результат, и только вместе с тем условие.

Примечательно при этом, что еврейская концепция Творения есть креация, то есть в ней Всевышний – не простой источник космических сил, но Личность, Субъект. Всё «естественное» происходит благодаря Всевышнему, существует по милости Его и поддерживается Заветом с Ним.

Эта безусловная обусловленность Завета – двусторонняя, этот выбор обоюден: выбор делает не только Всевышний, но и народ тоже делает выбор: «И сказал Иеошуа народу: вы сами свидетели себе, что избрали себе Господа, чтобы служить Ему! И сказали они: свидетели» (Иеошуа [Иисус Навин], 24:22,23.) И, как напишет впоследствии Патриарх Московский Алексей II, «В этом процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим, которому были вверены законы и пророки» [12].

Иудаистская культура знает, что мир после Потопа сохраняется благодаря Завету Всевышнего с Ноем и его потомством (Быт. 9:13), что даже вечное воспроизведение чередования дня и ночи осуществляется не как «природное» явление, а как реализация Завета. При этом Завет есть договор (covenant), и есть, – как следствие договора, – добровольно взятое на себя исполнение *повеления* (behest). Когда позднее, и в иных культурах, Завет начнет пониматься как всего лишь *завещание* (testament), – то есть, как преимущественно *текст*, – завещание, которое по произволу завещателя можно отменить, или заменить, тогда, разумеется, могут появиться «Завет Новый» (The New Testament, le Nouveau Testament). И, как следствие этого, «Завет Старый» (The Old Testament, L'ancien testament, Das Alt Testament). Он же завет «Ветхий». Напротив, пророк Иеремия сообщает Слово Господне, согласно которому невозможно, чтобы отверг Всевышний потомство Иакова так же, «как невозможно нарушить союз Мой (*брути, Завет Мой*) со днем и ночью, как невозможно, чтобы не установил я законов (*хукот*) неба и земли» (Иер. 33:25).

Христианские истолкования проблемы Завета восходят к посланиям Апостола Павла – Шауля из Тарса, который пользовался методами толкова-

ния Торы, развитыми рабби Гилелем – дедом учителя Павла, раббана Гамлиля [13]. Однако, изложено Павлом это было по-гречески.

В греческом языке слово διαθήκη имеет два значения: *завещание* и *завет*, т.е. договор. Поскольку закон тождества для Павла не обязателен, он употребляет это слово в двух разных значениях даже в одном тексте. Павел, «говоря по-человечески» (κατά ἀνθρώπων λέγω), напоминает, что если человек сделает *завещание* (διαθήκη), его никто не сможет ни опротестовать, ни что-либо к нему прибавить. Но было дано *обетование* (обещание, ἐπαγγελία) Аврааму и семени его. Павел это толкует так: поскольку сказано *семени его*, а не *семенам его*, то значит, речь идет не о потомках Авраама, как бы многих, а только об одном «семени», а это – Христос. То есть исходная аллегория трактуется буквально, и толкуется типологически.

В Послании к Галатам Павел пишет, что они, во Христа крестившись («погрузившись»)³, в Христа облеклись («оделись»). И, тем самым, нет уже ни еврея, ни эллина, ни раба ни свободного, ни мужчины, ни женщины – все есть одно во Христе Иисусе. Но если они Христовы, – значит потомки Авраама (Ἀβραάμ σπέρμα ἐστέ), по обетованию (ἐπαγγελίαν) избранные. Они – наследники. Таким образом, исходя из послания Павла к Галатам получается, что Павлом выведено: до становления христианином ты – раб у стихий природы. Став христианином, одаренный особым *знанием*, γνῶσις, ты освободился от природы (φύσει) и стал наследником.

Как известно, словом «пуритане», от латинского purus – «чистый», называются приверженцы «очищенной» религии, в первую очередь шотландские и английские протестанты 16 и 17 вв. и их последователи в Новой Англии, которые стремились «очистить» Церковь Англии. Они считали, что Реформация еще не завершена, и в конечном счете хотели очистить себя и общество.

Однако, как пишет Д.И. Пакер, «название «пуританин» было фактически запачкано грязью с самого начала. Появившись в начале 60-х годов XVI века, оно представляло собой сатирическое клеветническое слово, предполагающее неуживчивость, склонность к осуждению, сомнению и определенной доле лицемерия вдобавок к их основному «недостатку» - мотивированную религиозными соображениями недовольству тем, что считалось Елизаветинской лаодикийской и компромиссной Церковью Англии. Позднее это слово приобрело и политический оттенок, обозначая противников монархии Стюартов и сторонников некоего республиканства. Однако, главным обра-

³ Слово, передаваемое по-русски как крещение, имеет на других языках смысловой оттенок, обусловленный исходным греческим термином. Βαπτισμα – это погружение в воду, омовение. Βαπτιστήριον – часовня для крещения – в общем случае – это водоем для купания и плавания (так у Плиния Младшего). Поэтому «крещение в Христа» имеет оттенок «погружение в Христа», далее у Павла, «крещение в смерть» – «погружение в смерть».

зом, пуританство характеризовался как странная, неистовая и уродливая форма протестантизма» [14].

Четкого определения «пуританина» нет и по сей день. Проанализировав множество исторических примеров применения этого термина Чарльз и Кэтрин Джордж в 1961 году пришли к выводу, что слово «Puritan» могло означать любое количество отрицательных вещей: например, что частное лицо или некоторая группа являются врагом, политическим противником, порицателем танцев в воскресенье, лицемером в бизнес-операциях, ниспровергателем всех вещей и т.д.

Ч. и К. Джордж завершают: «Перед Революцией термин [пуританин] был почти неизменно бранным словом, и если вы знаете обстоятельства, окружающие его использование, можно легко понять, почему слово используется и что передано тем использованием» [15]. Известны факты, что многие частные лица, которых считали пуританами, возражали против такой маркировки. Так или иначе, в Англии было некое движение, известное как «пуритане», у которых была отличительная теологическая перспектива и программа. Причем программа эта никогда не указывалась положительно, но, скорее с точки зрения того, против чего это движение выступало, или что оно отклоняло. Аналогично, термин «Англиканство» тогда часто использовался как удобная маркировка для обширного теологического пространства тех, кто не был ни пуританином, ни «Папистом».

Следует отметить, что социокультурная ситуация в Англии была действительно уникальна для Европы. Большая часть суматохи и религиозного разнообразия Англии в это время могут быть поняты как ответ на вопрос: что должно произойти, когда католический Король и «Защитник Веры» внезапно считает необходимым порвать с Католической церковью по каким-то причинам, кроме религии. По сравнению с Реформацией на Континенте английская Реформация была выполнена в обратном порядке: вел Реформацию разрыв с Римом, и понадобилось новое богословие, чтобы устранить повреждения и установить новый церковный порядок.

Кальвин дал практическое выражение реформатской теологии в Женеве, а также ту степень доктринального определения, которая не была достигнута в теологических рамках предыдущими лидерами. Общепризнано, что корни елизаветинского пуританизма находятся в первую очередь у тех изгнанников из царствования католической королевы Марии (Кровавой Мэри), которые укрылись в Женеве, Базеле, Цюрихе и других Реформатских районах. Однако мы обязаны признать фундаментальное различие между теологией Завета в Англии и у континентальных реформаторов, хотя эта теология была основой и для последних. Другими словами, Пуритане были теми английскими кальвинистами, которые считали, что, по любому кругу вопросов, созданная в Англии церковь просто не пошла достаточно далеко в отрица-

нии римских форм религии, не приняла во всей полноте реформатскую теологию.

В 17 веке получила развитие форма кальвинизма, подчеркивающая «всеобщее главенство» Адама. В этой концепции, в соответствии с апостолом Павлом, Адам действовал как представитель всего человечества, исполняя Завет, заключенный с Богом. Эта теологическая система называется «федеральной (от лат. *fédéral* «союзный») теологией», или «теологией Завета».

Правда, в учении самого Кальвина отсутствовал «Завет Дел». Для Кальвина существовал только один Завет – Завет Благодати, существующий во всей истории, и Бог никогда не заключал никаких заветов ранее завета с Авраамом, подтвержденного Моисеем. Кальвину не импонировала идея о том, что Бог заключил Завет с Адамом, гарантирующий человеку вечную жизнь в обмен на дела послушания.

Схема теологии Завета была изложена ещё Тиндейлом в 1528 году [16]. В его восприятии Бог и человечество неразрывно связаны отношениями Завета с обязательствами двух сторон. Многие континентальные реформаторы в значительной степени зависели от Тиндейла [17].

Впервые теология завета была разработана Иоханном Коксеиусом (1603 – 1669) на основе этой идеи двух заветов между Богом и человеком – Завета Дел и Завета Благодати. Лишь потому, что человек не смог сохранить первый завет, Бог предоставил ему спасение по благодати. Первое систематическое изложение теологии Завета нашла в работе Коксеиуса «Сумма учения о завете Божиим» (1648) [17]. Богословие завета стало основополагающим для мышления английских реформаторов XVII в.

В английском переводе, как уже говорилось, Завет был передан как «ковенант», что в «безрелигиозных» русских переводах сохраняется в кириллической транслитерации. «Ковенант», происходя от англо-шотландского *covenant*, обозначающего договор, завет, торжественную клятву, понимался основателями протестантских общин в Шотландии (Джон Нокс, Эндрю Мелвилл) как комплекс обязательств, которые брали на себя библейские Праотцы и Пророки, заключая Завет с Богом. То есть «ковенанты» с Богом заключали Ной (Быт. 8-9), Авраам (Быт. 15), Моисей (Исх. 19 – 24), Давид (2 Цар. 7). В широком смысле и «Ветхий» («Старый») и «Новый» Заветы тоже есть «ковенанты».

Практическим выражением теологии Завета был конгрегационализм, то есть убеждение в необходимости и ненарушимости полной автономии каждой христианской общины. Каждая община связана своим собственным ковенантом – Заветом с Высшей религиозной инстанцией, поэтому она не подлежит встраиванию ни в какую посюстороннюю иерархию, все равно – церковную или государственную. Исключительным основанием легитимности любых политических объединений служили договоры-ковенанты. При

этом субъектами всех этих договоров выступали, с одной стороны, трансцендентный Бог, а с другой – неслиянное множество общин, гражданских, либо религиозных. Каждая из таких общин репрезентировала себя перед Богом, не могла быть репрезентирована более никем, и любая попытка замещения такой репрезентации встречала самое активное сопротивление, как покушение на самое Святое.

Идеологи шотландской реформации выдвинули идею о необходимости нового договора («Завета») с Богом. Эта идея означала разрыв с католической церковной традицией, по мнению шотландских реформаторов – ложной. Здесь эта идея опиралась на тезис об «избранности» шотландского народа – такого же избранного народа современности, как евреи в древности: единственного народа в мире, принявшего истинную веру.

Идеология Завета быстро преобразовалась в политику Завета: в декабре 1557 года появился первый шотландский ковенант – договор нескольких шотландских аристократов, обязавшихся совместно бороться за утверждение в Шотландии протестантства. Реформация в Шотландии одержала победу в результате протестантской революции 1559 – 1560 и протестантство было провозглашено государственной религией в Шотландии.

В 1581 г. был утвержден второй исторический ковенант, так называемое «Негативное (или королёвское) исповедание» (англ. Negative Confession) – документ, закрепляющий общие принципы протестантской религии Шотландии, утверждённый королём Яковом VI и генеральной ассамблеей шотландской церкви и подписанный представителями всех сословий. Здесь были изложены основы пресвитерианской доктрины путем отрицания католических догматов и обрядов. По замыслу его автора, Джона Крейга, ученика шотландского реформатора Джона Нокса, «Негативное исповедание» должно было стать новым заветом, заключённым между Господом и людьми.

Согласие с положениями «Негативного исповедания» стало позднее одним из основных условий для замещения государственных должностей в Шотландии, а в 1638 г. этот документ лёг в основу «Национального Ковенанта» - важнейшего в истории Шотландии.

Одним из центральных догматов шотландского пресвитерианства, заложенных в «Национальном ковенанте», являлся тезис о мессианстве шотландского народа, призванного нести «истинную веру» миру. Сам принцип ковенанта как договора и завета между шотландским народом и господом Богом привел к росту самосознания шотландцев и обеспечил сохранение их национальной идентичности.

Объединившись вокруг Национального ковенанта, шотландцы добились победы в борьбе против короля Карла I. В 1640 г. Ковенант был официально утвержден законом шотландского парламента. В это же время в Англии, во многом под влиянием событий в Шотландии, началась Английская революция. В 1643 шотландцы вмешались в гражданские войны в Англии на

стороне английского парламента и во многом способствовали поражению короля Карла I. В целях оформления англо-шотландского союза и для внедрения в Англии пресвитерианской веры в 1643 представителями обоих британских государств была подписана «Торжественная лига и Ковенант», документ, развивающий идеи Национального ковенанта 1638 года.

Однако уже при Якове часть пуритан разочаровались в своих реформаторских попытках и полностью отделились от Англиканской церкви. В их число входили те отцы-пилигримы, которые после временного пребывания в Голландии создали в 1620 году Плимутскую колонию на юго-востоке современного Массачусетса в Америке. Согласно хартии Карл I 1629 г., они основали к северу от Вирджинии колонию, которую Джон Смит впоследствии назвал Новой Англией.

Особое место в умах пуритан занимал Ветхий Завет, повествующий о народе, непреложно уверенном в том, что он был избран Господом вершить Его дела на земле. Это повествование они относили к самим себе [18]. Они сами избрали себя на роль наследников завета Авраама с Богом, заново обретших плоть святых Израиля. Джон Уинтроп, их руководитель, опирался на взгляды пророка Исая. Исая видит смысл и цель истории в претворении Слова Божьего и Его заповедей в жизнь во всемирном масштабе, что должно произойти в «конце дней» (Ис. 2:2 – 4).

По прибытии Уинтроп заверил своих последователей, что, если они станут держаться вместе, «как один человек», Бог защитит их и обеспечит их процветание. Колонисты считали, что заключали «ковенант» – соглашение между Богом как верховным правителем и людьми – для построения общества, основанного на учении Библии. Церковь, государство, семья и отдельные люди объединились в единое целое, чтобы создать систему управления и сообщество, соответствующие требованиям Всевышнего. Как вступившие в Завет они считали себя народом, избранным Богом и призванным нести Свет миру.

Однако иерархизированная действительность от этих идеалов отличалась. Высший слой общества колоний составляли члены колониальной администрации во главе с губернатором, средний слой – немногочисленные английские джентльмены, акционеры компании и другие поселенцы, которые сами оплатили свой переезд в Америку. Это были фримены колонии. Низший слой включал людей, посланных в Америку за счет компании, причем эти серванты (servant – англ.: слуга) рекрутировались главным образом из обездоленных людей, а частично набирались из уголовных преступников. Иначе говоря, значительная часть колонистов отправлялась в Америку против собственной воли или в силу крайней нужды. Ехали они в неизвестную страну с едва тлевшей надеждой на получение клочка земли в далеком будущем. Согласно тогдашнему английскому законодательству положение сервантов мало чем отличалось от положения рабов [19].

Таким образом, «политика Завета» в изменяющихся социокультурных условиях, как это часто случается, обратилась в демагогию Завета. Как пишет Д.И. Пакер, «Пуритане проиграли в большей или меньшей степени все публичные битвы, которые они вели. Те из них, которые остались в Англии, не смогли изменить Церковь Англии так, как они надеялись... В конце концов, они были изгнаны из этой Церкви путем хорошо рассчитанного давления на их совесть. Пуритане, которые пересекли Атлантический океан, не сумели создать новый Иерусалим в Новой Англии...» [20].

Но они заложили укрепившиеся за без малого 400 лет основы самонадеянной, и зачастую обременительной для окружающих убежденности американцев в собственной Богоизбранности. А также в особом Завете с Всевышним и Призвании нести свет Миру и Человечеству.

Но идея «Завета», непреложности и вечности Закона Природы, постижение какового есть постижение Всевышнего, была успешно сохранена пуританами, и презентировала привычную с детства Р. Мертоном модель Мира. Каковую Мертону, оберегая чужие религиозные чувства, возможно и не следовало публично обсуждать.

Литература

1. Нильс Гилье. Тезис Вебера-Мертоня: протестантизм и прорыв современного естествознания» / Теория и методы в социальных науках / Под ред. С Ларсена; Пер. с англ. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 288 с.
2. Stable URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0369-7827%281938%291%3A4%3C360%3ASTASIS%3E2.0.CO%3B2-P>
3. Мирский Э. М. Социология науки — новые вызовы // Социология науки и технологий, 2011. Volume 2, № 3
4. Steven Shapin Understanding the Merton Thesis // Isis, Vol. 79, No. 4. (Dec., 1988), pp. 594-605. Stable URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0021-1753%28198812%2979%3A4%3C594%3AUTMT%3E2.0.CO%3B2-3> Isis is currently published by The University of Chicago Press.
5. The History of science and religion in the western tradition: an encyclopedia – garland reference library of the humanities (vol. 1833). Garland Publishing, inc. / A Member of the Taylor & Francis group. New York & London, 2000. P.325-328
6. The Defense of Democracy and Robert K. Merton's Formulation of the Scientific Ethos / David A. Hollinger Science, Jews, and Secular Culture: Studies in Mid-Twentieth-Century American Intellectual History, 1998 Ch.
7. Robert K. Merton/ A Life of Learning Charles Homer Haskins Lecture. / American Council of Learned Societies. 1994

8. См. напр.: А. А. Вадимов (Алли-Вад) «Искусство фокуса». Издательство «Искусство» Москва. 1959 г.
9. David A. Hollinger Science as a Weapon in Kulturkämpfe in the United States during and after World War II *Isis*, Vol. 86, No. 3 (Sep., 1995), pp. 440-454
10. Паркер Д.И. Введение в богословие Завета. URL: <http://www.refspb.ru/2009-03-05-15-34-27/2-articles/889-2011-05-18-14-01-26>
11. Бликштейн Л. С. Идея Завета, народ и личность в библейской традиции. – М.: Изд-во Российского открытого университета, 1991.
12. Алексей II, патриарх Московский и всея Руси. Мы должны быть едино с иудеями... (послание Его Святейшества, переданное американскому раввину Артуру Шнайдеру). – Еврейская газета, № 1 (65), январь 1992.
13. Шульман М.М. Ощущение знания. Когнитологические альтернативы в европейской культурной традиции: Монография: В 2 ч. Ч. II. Формирование альтернативных идеалов знания / М.М. Шульман. – Ростов н/Д: Изд-во Юфу, 2009. – 488 с. - с. 203-366
14. Пакер Д.И. Кто такие пуритане и почему они нам нужны. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/54/Packer>
15. Charles H. George and Katherine George, *The Protestant Mind of the English Reformation: 1570-1640* (Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1961).
16. Muller R.A. *Covenant and Conscience in English Reformed Theology: Three Variations on a 17th Century Theme/ Westminster Theological Journal* 42 (1980): 309.
17. Bierma L.D. *Federal Theology in the Sixteenth Century: Two Traditions? / Westminster Theological Journal* 45 (1983). P. 304-321.
18. Griffiths, Steve. *John Owen and Federal Theology*. URL: http://johnowen.org/media/griffiths_owen_federal_theology.pdf
19. Болховитинов Н.Н. Первые английские колонии в Северной Америке основаны на костях белых рабов. URL: <http://politikus.ru/events/4239-pervye-angliyskie-kolonii-v-severnoy-amerike-osnovany-na-kostyah-belyh-rabov.html>
20. Пакер Д.И. Кто такие пуритане и почему они нам нужны. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/54/Packer>

**Методологический потенциал
культурно-исторической эпистемологии
(о роли герменевтики в научном познании)**

Б.И. Пружинин⁴, Т.Г. Щедрина⁵

Институт философии РАН,

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва*

**Methodological Perspectives of Cultural-Historical Epistemology
(on the Role of Hermeneutics in Scientific knowledge)**

B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow*

Аннотация. В последние десятилетия вопрос о соотношении методов естествознания и гуманитарных наук (в его традиционной «риккертской» постановке) практически перестал волновать философов науки. Более того, из современной философии науки ушла почти вся проблематика, в рамках которой этот вопрос обсуждался. Для такой серьезной концептуальной переориентации у философии науки были весьма серьезные основания. Изменилась сама наука. К концу прошлого столетия затраты, необходимые для осуществления научных исследований (и в области естествознания, и в сфере социально-гуманитарных наук) достигли таких размеров, что социум уже просто не может себе позволить терпеливо ждать «милости» от науки. Он требует от нее практически полезных знаний. Авторы показывают, что в методологическом плане и для естествознания, и для гуманитарных наук актуальность приобретает герменевтика (учение о понимании) и раскрывают ее специфику в концепциях Ф. Брентано и Г. Шпета.

⁴ Исследование Б.И. Пружинина выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-011-01252 «Историческая память и историческое понимание: эпистемологические риски обращения к нарративу»

⁵ Исследование Т.Г. Щедринной выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01187 «Густав Шпет как методолог гуманитарного знания: реконструкция архивных материалов»

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология, социальная эпистемология, фундаментальная наука, прикладное исследование, герменевтика.

Наука сегодня фактически стала одной из подсистем социума, и в этом качестве реагирует прежде всего на вполне конкретные прагматические запросы социума, а не на имманентные потребности познания. Фундаментальные исследования, ориентированные на поиск истины, отодвинулись на периферию науки, и получают оправдание в глазах социума лишь постольку, поскольку служат очевидным фундаментом для решения конкретных прикладных задач (военных, потребительских, социально-организационных, экономических, политических и пр.). Соответственно, изменения претерпели и философские размышления о науке, в ходе которых самостоятельное исследование познавательных способностей, путей и методов научного познания практически потеряло смысл

В рамках наиболее влиятельных сегодня философско-методологических направлений методы познания как таковые рассматриваются лишь в качестве инструментов конструирования знания, выбор и применение которых определяется сообществами ученых под влиянием конкретных социальных запросов. И поскольку, с этой точки зрения, научное знание ничем не отличается от любого другого феномена сознания (от мифа, скажем, или от политико-идеологических конструкций), когнитивно значимы здесь лишь социальные по своей природе механизмы, обеспечивающие этот выбор. Соответственно, в центре размышлений о современной науке, об условиях ее эффективности оказываются социальные механизмы управления научной деятельностью – менеджмент, если угодно, его науковедческие обоснования. Роль учения о методах познания в этом случае выполняет социология науки (в тех или иных ее вариантах). И лишь в ее контексте обсуждаются особенности познавательных практик различных наук. Такова сегодня наиболее распространенная версия философии науки, лидирующим направлением которой является социальная эпистемология [3].

Однако, описанный выше социально-прагматический ракурс рассмотрения науки, отнюдь не исчерпывает весь комплекс ее реальных, требующих принципиального решения проблем. За рамками социальной эпистемологии остаются измерения науки как культурного феномена, два с лишним тысячелетия наполняющие экзистенциальным смыслом усилия людей, создающих знание о мире. А между тем, на негативные последствия утери культурного смысла научно-познавательной деятельности обратил внимание еще сто лет назад Макс Вебер. Он отметил, что наука, превращаясь в «профессию», теряет экзистенциальную ценность «призвания» для людей, посвящающих ей жизнь. При этом деятельность ученого претерпевает весьма серьезные изменения также и в когнитивном плане. Из собственно познавательной деятель-

ности исчезает установка на понимание мира, а вместе с ней и стремление получить истинное знание о нем. Установка на понимание предполагает, что любой фрагмент знания осмысливается в контексте целостного знания о мире и именно в этом контексте обретает статус истинного. Но если стремление достигнуть истинного знания вытесняется ориентацией на эффективность его приложений, то разрушается внутринаучная коммуникация, как раз и обеспечивающая культурную ценность знания как целостного когнитивного феномена. Познание фрагментируется, специализируется, и не случайно сегодня одним из наиболее острых для философии науки становится вопрос о междисциплинарном взаимодействии – об условиях взаимного понимания дисциплин, описывающих реальность на разных языках. Он становится философско-методологической проблемой, которая интенсивно обсуждается и в зарубежной, и в отечественной философской литературе (см.: [8, 5, 2]). В ходе обсуждения все более очевидным оказывается, что проблема эта не укладывается в рамки социологии знания, но предполагает обращение к смысловым аспектам знания, к проблематике понимания. А это, в свою очередь, возвращает нас вновь к традиционной, но по-новому представляющей проблематике поиска единого научного метода, определяющего принадлежность того или иного типа познавательной деятельности к науке.

В таком контексте вновь приобретает актуальность вопрос о соотношении гуманитарной и естественной науки. Прежняя философско-методологическая трактовка этого соотношения либо оставалась в круге представлений, редуцирующих методологический инструментарий гуманитарных наук к стандартам естественнонаучного знания, либо абсолютизировала специфику социально-гуманитарного знания, жестко отрицая какую-либо методологическую определенность в этой сфере познания. Мы полагаем, что сегодня все большую актуальность приобретает поиск и разработка базовых эпистемологических концепций, характеризующих социально-гуманитарную науку именно как особого рода познавательный феномен, и, тем самым, снимающих ее жесткое противопоставление естественным наукам (как в когнитивной сфере, так и в культурном и социальном планах). Однако для общей характеристики их соотношения более уместна не идея единого научного стандарта, а идея «семейного сходства» Людвиг Витгенштейна: члены семьи могут быть схожи по очень разным параметрам, так что зачастую обнаружить прямое подобие не удастся. Тем не менее, это одна семья, образованная некоторой глубинной общностью. Науки могут очень сильно различаться по специфике своих конкретных методов познания и способов представления реальности. Но в их основании лежит особый, единый для всех наук, колы скоро это науки, способ понимания мира. Именно такая ориентация исследования и разработки философско-методологических установок, реализуется в познавательных стратегиях культурно-исторической эпистемологии.

Формулируя основные принципы этой эпистемологической концепции, мы, прежде всего, считаем нужным подчеркнуть: культурно-историческая эпистемология не претендует на статус абсолютно новой, прежде невиданной версии философско-методологической рефлексии над наукой. Ее основные положения, были, так или иначе, развернуты еще в начале XX века в работах отечественных философов [9, 6], а так же присутствуют и в концепциях некоторых зарубежных философов науки, учитывающих культурные и исторические измерения научного познания [2]. Иное дело, философско-методологическая акцентуация этих положений как целостной эпистемологической позиции. Сегодня практически все методологическое сознание и самих ученых и размышляющих о природе науки философов проникнуто идеей историзма, исторической изменчивости научного знания. Культурно-историческая эпистемология так же разделяет эту идею и кладет ее в основание своих построений. Но при этом акцентирует не историческую изменчивость знания, не его историческую релятивность, но принципиальную преемственность научной деятельности как основополагающее измерение историзма науки. Культурно-историческая эпистемология подчеркивает элемент экзистенциально принятой и культурно-ориентированной реализации этого измерения науки в конкретных познавательных практиках, что требует от ученого сознательного усилия. Именно это положение можно рассматривать как основополагающий принцип культурно-исторической эпистемологии.

Своего рода дополнением этого принципа является трактовка знания как культурного феномена, приобретающего экзистенциально-символический смысл для познающего человека именно благодаря тому, что в познании акцентируется ценностно-окрашенное усилие, направленное на продолжение познания как деятельности, в ходе которой познающий человек, расширяет сферу понимания мира и, тем самым, целенаправленно меняет самого себя. В этом контексте познавательная норма (т.е. собственно методологические ориентиры научного познания) предстает и осознается субъектом познания не как стандарт познания, но как инструмент изменения собственного видения объекта, своих идей, подходов, т.е. всего того, что образует знание о мире. Общеизвестные логико-методологические требования, трактовавшиеся в рамках позитивизма, да и в постпозитивистской философии науки, как стандарты, предворяющие научность исследования, представляются в рамках культурно-исторической эпистемологии как инструменты, с помощью которых человек познающий меняет свое видение мира и тем самым меняет смыслы методологических норм. А это значит, что наука не нуждается в абстрактной (абсолютной) методологии, которая выполняла бы по отношению к ней полицейские функции. И соответственно, поиск единого метода науки совсем не сводится к стандартизации. Ракурс этого поиска, с точки зрения культурно-исторической эпистемологии, иной.

Сегодня настоятельная потребность дать комплексную оценку эпистемологической продуктивности этих познавательных процедур возникла в целом ряде актуальных исследований, где пересекаются естествознание и социально-гуманитарные дисциплины. И в этом плане на передний план выходит идея трансдисциплинарности, которая не исчерпывается совмещением подходов и методов различных дисциплин под частный исследовательский результат. В этой идее есть более глубокий и современный смысл, преодолевающий узкие рамки прагматизма. Идея трансдисциплинарности ориентирует на выработку над-дисциплинарного слоя смыслов знания о мире, в рамках которого возможен переход от одного способа представления реальности к другому. Эта идея предполагает конвенционально закрепленное коммуникативное пространство, в котором формируется стилистически единое смысловое поле знания. И именно процедура интерпретации выявляет здесь адекватные логико-методологические характеристики конкретных познавательных практик. Именно интерпретация, герменевтическое истолкование познавательной ситуации мотивирует включение локальных, зачастую прикладных результатов в целостную систему преемственно развивающегося знания о мире, возвращает ему статус исторической культурной ценности, возвращает знанию достоинство [7]. Ценностно-когнитивное и исторически значимое переплетаются здесь в сферах научного общения, но отнюдь не теряют своей специфики. Более того, здесь возникает синергичный эффект взаимного усиления, открывающий познавательные перспективы науки. В таких контекстах междисциплинарная коммуникация и приобретает полноценный эпистемологический статус – с одной стороны, на пересечении отдельных дисциплин возникает поле смыслов знания, обеспечивающих взаимное понимание конкретного предмета исследований, а с другой, в этом поле смыслов заведомо стержневую роль играют интерпретационные стратегии, образующие фактически новые предметные области, т.е. расширяющие горизонты исследования.

Таким путем, например, в 1990-е годы возникла новая, оригинальная интерпретация квантовой механики – так называемая «модальная интерпретация» [4]. Об аналогичной методологической ситуации дискутирует Галисон, когда осмысливает роль коллективного субъекта в современных научных сообществах. Как указывает В.С. Пронских, Галисону удалось показать, что «...что по сравнению с классическим экспериментом центром современного эксперимента становится анализ и интерпретация данных, которые оторваны как от процесса набора данных (индикации происходящих в эксперименте явлений и складирования собранной информации), так и собственно от приготовления явлений в экспериментальных приборах (установках)» [5, с. 89] Чрезвычайную актуальность данному подходу придает обсуждение методологического статуса тех научных положений, которые представляют так называемые «коллективные субъекты познания» – научные «коллора-

ции», описывающие результаты поисков бозона Хиггса, работающие над составлением «карты» мозга, над изучением биохимии онкологических процессов и т.д. Это дело больших распределенных групп ученых, совместно формулирующих научные утверждения. Эффективность работы такого рода научных сообществ связана с разделением труда, так что выработка целостного видения реальности становится методологической проблемой, требующей использования методов герменевтики. Приведем пример, который описывает Галисон: «В феврале 1996 г. Р. Швиттерс – бывший директор ныне недействующего SSC – высказал в издании *Chronicle of Higher Education* мысль, что большие команды должны принять новые правила. Они включали перечисление всех членов команды, когда готовились «запланированные» открытия – открытия, ожидаемые во время строительства установки. Он также призвал к изменениям, которые стимулировали бы участников публиковаться в той области, в которую они внесли непосредственный вклад. Строители приборов публиковали бы технические отчеты о частях установок, экспериментаторы – анализ данных, программисты производили бы отчеты, ориентированные на своих коллег-программистов. Подытоживая, Швиттерс пропагандировал широкую внутриколлекционную циркуляцию отчетов перед публикацией и публикацию более одной интерпретации, если мнения разделялись» [2, с. 103]

В свое время Ф. Brentano в работе «О будущем философии» выступал против универсальности кантовского подхода, с одной стороны, и дильтеевского методологического дуализма, с другой, и предлагал привести все науки к единому «естественнонаучному» методу. Это высказывание, взятое вне конкретного исторического контекста, можно представить как лозунг для широкой научной общественности, не вникающей в суть происходящих в науке процессов. И соответственно можно обвинить Brentano в сведении гуманитарных наук к естествознанию, в методологическом монизме, лишаящем гуманитарные науки специфики и свободы в выборе познавательных стратегий. Однако, повторим, это возможно лишь при игнорировании конкретной исторической ситуации, в которой эти высказывания были сделаны. Доклад Brentano вышел в 1892 году. В это время происходило становление науки как профессиональной деятельности, и Brentano ощущал негативные последствия этих процессов для науки как культурного феномена.

Между тем, если учитывать историческую ситуацию, в этом высказывании Brentano, по сути, можно различить два потенциально содержащихся смысла. Один реализовался в позитивистской методологии, а другой – в феноменологии. И этот последний смысл представляет для нас сегодня реальный интерес. Действительно, высказывания Brentano и сегодня зачастую истолковывают как возвращение к позитивизму, к единому методу естественных наук как механистическому, предполагающему расчленение, разрезание, т.е. анализ уже мертвого вещества. Однако, когда Brentano высказывал

идею единого естественнонаучного метода, он имел в виду нечто совсем другое. Под естественнонаучным методом он подразумевал метод прямого наблюдения, которое предполагает понимание, истолкование увиденного и его интерпретацию. Такой метод присутствует и в естественных и гуманитарных науках. Фактически, как это ни парадоксально, призыв Brentano к единому методу научного познания это шаг к феноменологии и герменевтике. Так, он приводил пример из современной ему биологии: «И как нам быть теперь в области живой природы, где уже простейшая клетка есть что-то несравнимо более сложное и в своих функциях более загадочное, чем самые совершенные кристаллические формации!» [1, с. 80]. В этом смысле точно также и гуманитарные науки не могут механистически обобщать исследуемые явления (такие, как духовные проявления человеческого сознания). В гуманитарном познании мы имеем те же самые проблемы, с которыми сталкивались естественные науки еще во времена Brentano.

В дальнейшем проблема метода не исчезла ни в естественных науках, ни в гуманитарных. Если в гуманитарных науках и в методологии гуманитарных наук проблема истолкования и интерпретации, а также знаково-символической природы знания содержательно разрабатывалась, то в естественных науках она скорее ощущалась как раздражающий фактор. (может быть она и разрабатывалась одновременно с этими же гуманитарными науками), но мы полагаем, что в течении двадцатого века левая рука не знала что делает правая. И то, что обосновывалось гуманитариями как необходимые параметры интерпретации, истолкования, описывалось Шпетом, Дильтейем, Рикером на базе гуманитарных наук, то же самое пытались сделать физики, химики, когда они говорили об копенгагенской интерпретации, о принципе дополнительности, о синергетических эффектах и т.д., когда они пытались сказать, что и естественных науках мы сталкиваемся с той же самой проблемой интерпретации, о человекообразных системах, о достоинстве знания. Процессы шли параллельно, мешало их соотносению профессионализация науки, превращающая и естествознание, и гуманитарные науки в прикладное знание. Такое превращение блокировало апелляцию к пониманию, связанную с культурными задачами науки. И здесь мы вновь обращаемся к истории.

В русской философии сложилась традиция понимания науки как феномена общения, трактовка знания как языка. И в этом историческом контексте весьма актуально звучат герменевтические идеи Г.Г. Шпета [10]. В данном случае для нас важно, что Шпет, как и Brentano, ведет методологию по пути понимания единственного смысла в закрытом контексте. Но, в отличие от Brentano, Шпет не называет этот метод естественнонаучным. Это метод диалектической интерпретации научных понятий, предполагающий понимание слова-понятия и раскрытие его смыслового набора слой за слоем до яд-

ра, до тех пор, пока не будет найден единственный, соответствующий для данного случая точный смысл.

Сформулированные Шпетом специфические черты герменевтического метода находились в русле феноменологической философии, предполагающей движение «к самим вещам», понимание которых становится обязательным условием познания. Понимание понятий это методологическое требование, из которого должно исходить любое научное (в том числе и философское исследование). При этом, Шпет показывает, что понимание контекстуально обусловлено, а это значит, что исследователь, понимая предметность, улавливает ее смысл исключительно исторически, т.е. исходя из какой-либо определенной интеллектуальной (логической) традиции. Это принцип историзма, который получил в культурно-исторической эпистемологии особый статус.

Таким образом, одна из важнейших перспектив дальнейшего движения в философско-методологическом сознании связана с герменевтической тематикой, которая может стать ключевой и в эпистемологическом смысле. Речь идет о герменевтике как методологической основе гуманитарных и естественных наук.

Литература

1. Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды / Пер. с нем. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2018.
2. Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.
3. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.
4. Печёнкин А.А. Модальная интерпретация квантовой механики как «анти-коллапсовская» интерпретация // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. URL: <https://iphras.ru/page49880192.htm>
5. Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
6. Пружинин Б.И. Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 4–13.
7. Пружинин Б.И., Автономова Н.С., Бажанов В.А., Грифцова И.Н., Касавин И.Т., Князев В.Н., Лекторский В.А., Махлин В.Л., Микешина Л.А., Ольхов П.А., Порус В.Н., Сорина Г.В., Филатов В.П., Щедрина Т.Г. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы “круглого стола” // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20–56.
8. Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю., Воронина Н.Н., Грифцова И.И., Дорожкин А.М., Касавин И.Т., Масланов Е.В., Невважай И.Д., Пирожкова С.В., Соколова Т.Д., Сорина Г.В., Столярова О.Е., Щедрина Т.Г., Юдин

- Б.Г. Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–53.
9. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. «Достоинство знания»: современные методологические проблемы гуманитарной науки в контексте традиции «положительной философии» в России // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина / Под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 674–686.
10. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005.

**Полилог познавательных культур
как методология философии истины**

М.И. Билалов

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

**Polylog of cognitive cultures
as a methodology of the philosophy of truth**

M.I. Bilalov

Daghestan State University, Makhachkala

Аннотация. Происхождение концепций и моделей истины на научной основе дает нам повод называть их эпистемологическими, но их выход во все роды и виды познавательной культуры – основание для методологии философии истины как полилога познавательных культур. Как постмодернистский исторический тип вобрал в себя параметры предмодернистского и модернистского типов, так и реалистическая модель аккумулирует достоинства мужской, европейской, классической научной и т.п. познавательных культур. В символической модели зафиксированы характерные измерения женской, восточной, социогуманитарной, религиозной и т.п. познавательных культур. Учет многообразных познавательных культур в философском толковании истины – путь к эффективизации современной методологии научного познания.

Ключевые слова: полилог, познавательная культура, проблема истины, методология познания.

В условиях очевидного кризиса отечественного образования и науки ее науковедческие и логико-методологические стратегии раздроблены на мелкие автономные сферы исследовательской деятельности, поэтому поиск более или менее цельной современной методологии научного исследования предстает значимой задачей философии. При всех новационных тенденциях

в целях и задачах постнеклассической науки, скажем, постепенное вырождение научного исследования в нахождение осмысленных теоретических результатов с отказом от неперемennого установления их истинности, значимой частью методологии и ключевой задачей предстает поиск наиболее совершенной формулировки истины. Поиск, который в истории науки и философии – вечный и приоритетный.

К философскому толкованию истины предъявляются определенные требования. «Философское видение истины» опирается на человеческий разум, способный дать всеобщие критерии «разграничения сущего и не сущего, истинного и мнимого знаний», который «обращается к постижению истины в логико-понятийной форме» [8, с.153.]. Понятно, здесь речь не о средствах постижения истины в той или иной науке или общественном сознании – в таком случае, как ныне стало почти очевидным, все средства хороши, и не только разумные, но и безумные, иррациональные, мистические и т.п. Однако для философского осмысления истины в рационально-теоретическом познании должна сложиться ситуация выбора между различными идеями, мыслями, суждениями, которая приведет к кристаллизации проблемы истины. Речь идет об идеях, объединенных единым вектором осмысления истины, составляющих достаточно развернутую проблему истины. Эта проблема сложна по структуре, предстает как более или менее устойчивая и органичная совокупность подпроблем – вопросов объективности и субъективности, абсолютности и относительности, абстрактности и конкретности, системности и фрагментарности истины...[См. об этом:1]

В самой этой сложно структурированной проблеме истины существенна проблема ее определения, т.е. определения истины как понятия. Такое определение должно предлагаться в «логико-понятийной форме» и содержать искомые критерии «разграничения сущего и не сущего, истинного и мнимого знаний». Определение понятия – важнейшая функция философии, она «должна быть более чувствительной к ненавязчивым свидетельствам языка и должна проникать в те многочисленные слои опыта, которые в нем сохранились» [13, с.190]. Философское определение – это синтез многих определений, которые формулируются на основе этих слоев и сфер науки.

Известные в науке концепции истины предстают как синтез определенных различных аспектов, или, пользуясь нашей терминологией, подпроблем истины. Исторически первой является корреспондентская теория истины, согласно которой истина – представление, соответствующее познаваемому предмету. Это определение истины многие века принималось за выражающее суть всех метафизических (философских) определений истины, неотделимых от логоса и его наследника ratio (Ж.Деррида). На наш взгляд, эта концепция истины, развитая объективным идеализмом, материализмом, марксизмом, позитивизмом, устанавливала достаточно общие критерии разграничения сущего и не сущего, истинного и мнимого знания, рационально

совершенствовала философскую логико-понятийную форму истины. К сожалению, имеет место «формально признанный отказ подавляющего большинства наших эпистемологов и философов науки от так называемой «корреспондентной» концепции истины» [12, с. 38]. Э. Тайсина считает этот отказ не случайным, а закономерной «захваченностью» отечественных философов позитивистскими идеями западных коллег второй трети XX века. Эта тенденция привела к состоявшейся, по существу, замене общей теории познания эпистемологией – теорией научного познания.

В то же время, есть и другая, противоположная тенденция, с которой я также не могу согласиться - с некоторой абсолютизацией теории соответствия, осуществляемой А.Л. Никифоровым [См.:10]. Справедливо выступая против крайних форм релятивизма и плюрализма в эпистемологии, автор делает при этом неправомерную ставку на самую авторитетную концепцию истины, как единственно эффективную и философски состоятельную. Такой же методологической настрой в оценке этой концепции проявляет М.А. Розов: «...мы можем принять корреспондентскую теорию истины, если под реальностью, которую мы познаем, понимается человеческая деятельность. Все тривиально просто: мы сопоставляем наши знания с тем, что сами постоянно создаем, реально или на уровне проектов» [11, с. 261]. Предлагаемая автором методология социальных эстафет, на наш взгляд, открывает путь к сведению большинства концепций истины к классической теории соответствия Аристотеля, поскольку соответствие в них предполагает не столько соответствие идеального образа непосредственно вещи, сколько ее опосредующим средствам, результатам деятельности человека – знаку, языку, опыту, практике...

В необходимости и возможности философского понимания истины не сомневается И.Т. Касавин. «Философское понимание истины не следует рассматривать как обобщение конкретных образов истины, принятых в науке, теологии, обыденном сознании – принципиальное различие объектов ставит такому обобщению непреодолимую границу». Автор ратует за более глубокое постижение субъективной стороны познания. В этих целях он прибегает к понятию *совокупного познавательного процесса* (СПП), который «представляет как многообразные форм и типов знания, отнесенных к многообразию человеческих практик и познаваемых реальностей, что ведет к соответствующему расширению предмета теории познания и вовлекает в СПП такие контексты, которые до недавнего времени находились в исключительной компетенции социологии и истории культуры» [7, с. 216.].

В целом соглашаясь с данной методологией осмысления проблемы истины, мы также акцентируем внимание на философском постижении субъективной стороны познания, пользуясь преимущественно понятием познавательной культуры, к которому мы подошли, отталкиваясь от многолетнего осмысления совокупного познания [2]. В содержании познавательной куль-

туры фиксируются в конкретно-исторической совокупности всевозможные идеалы, формы, методы, средства постижения истины, ее критерии... Нам представляется, что таким образом получаемые подходы к истине различаются, в конце концов, не только фиксацией субъективного своеобразия, но и более основательным учетом специфики предмета и объекта изучения, что также становится актуальным в современном познании.

Познавательная культура позволяет выделить половозрастные, этноконфессиональные, философские или научные особенности познающего субъекта, судить о его историческом типе, подчеркнуть границы познаваемых объектов и предметов... По мере исторического оформления в своих основных содержательных элементах, она обретает понятийную устойчивость благодаря детерминированности метафизической картиной мира, глубинным мировоззренческим, ментальным и этническим истокам. Обеспечивая познавательный процесс, эта культура содержит в себе схемы и нормы человеческой деятельности по производству знания, но индифферентна к объекту познания и не содержит самого этого знания.

В познавательной культуре (ПК) можно выделить несколько блоков однотипных элементов. Таковыми могут быть культура мышления, методологическая культура, традиции познания, стили мышления и т.п. Научными составляющими познавательной культуры предстают идеалы и нормы, методы и формы, принципы и критерии, принятые в науке. Эклектика, софистика, метафизика, диалектика, синергетика, постструктурализм и т.п. насыщают ПК в разные периоды философскими составляющими - всеобщими методами, принципами и другими основаниями науки и познания. Религиозное и этническое в этой культуре также касается способов и приемов, уровней и ступеней, целей и идеалов познавательной активности человека: они фиксируют определенный вариант их набора, исторически складывающийся в религиозных и этнических традициях.

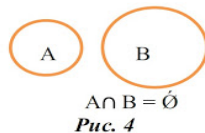
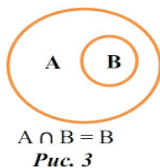
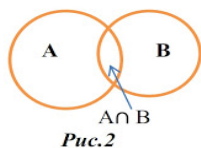
Типы и виды познавательной культуры и детерминированы этими философскими и научными традициями, стилями мышления, методологическим арсеналом науки, философскими методами, этническими менталитетами, разнovidностью вероисповедания и т.п. [Подробнее об этом: 3]. Хотя познавательная культура фокусирует философское внимание не только на элементах гносеологии, имеющей дело преимущественно с параметрами интерсубъективного знания, но и на особенностях формирования личностного, обыденного, религиозного и т. п. знания, ее ключевыми элементами предстают ответы на вопросы – что есть истина, какова ее природа, как установить истину и т.п. составляющих того, что в истории философии получило название проблемы истины. Более того, познавательная культура немислима без центрального ядра нашего мышления – логики, которая, в свою очередь, может быть разрушена без понятия истины и лжи.

Если выделить такие исторические типы познавательной культуры, как предмодернистская, модернистская и постмодернистская, то в каждой из них можно говорить о таких родах, как религиозная, этнонациональная, философская, научная, половозрастная и т.п. В качестве же их видов представлены, соответственно, например, исламская, немецкая, софистическая, естественнонаучная, женская, молодежная и т.п. Дальнейшую спецификацию им придает детерминация теми или иными концепциями истины.

Исторически первым научно-содержательно развернутым типом познавательной культуры предстает модернистская. Ценности античности, развитые в основополагающие принципы европейской культуры - индивидуализм, демократизм, рационализм, атеизм и т. п., вкупе с характерным для новой эпохи сциентизмом, развитием науки и техники, взрывным ростом светского образования, секуляризацией, национализмом, бунтарством, революционностью, приоритетом материального и т. п., формируют новый исторический тип познавательной культуры – модернистский. Ее ведущими элементами выступают научные традиции, основанные на новых идеалах науки – математике и эксперименте. Принципы объективности, детерминизма, механицизма, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, исторического и логического, законы диалектической логики, а также механистическая научная картина мира, основанная на атомизме, механицизме и гелиоцентризме, постепенно перерастающая в диалектико-материалистическую картину образуют ядро массового мировоззрения. Особую содержательность познавательной культуре придает решение вопросов сформировавшейся проблематики истины, хотя ее специфику определяют также и заблуждения, предрассудки, ошибки и другие негативные результаты познавательной деятельности. При этом ключевые гносеологические идеи осваиваются наукой, образованием и широким общественным сознанием в русле классической теории соответствия, однако набирают значимый авторитет позитивистская, прагматистская, конвенционалистская, герменевтическая и иные неклассические концепции истины, каждая из которых аккумулируют в себе множество познавательных культур. Именно в них сохранились ненавязчивые свидетельства языка, проникающие в многочисленные слои опыта, к которым, как отмечал цитированный выше М.Хоркхаймер, должна быть чувствительной функция философского определения.

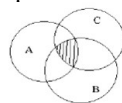
В то же время, наша гипотеза не консервирует названиями содержания тех или иных познавательных культур, оставляя открытыми их для последующих дополнений и коррекций. Скажем, рационализм или сенсуализм, теоретизм или эмпиризм, безусловно, значимые познавательные традиции, детерминирующие самостоятельные познавательные культуры, которые могут быть включены в научную или философскую. Подобная неопределенность объясняется тем, что множество познавательных культур состоит из пересекающихся и включающихся ПК. Так, мужская

*Наглядно с помощью кругов Эйлера варианты пересечения множеств изображены на рисунках 2-4.

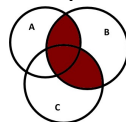
позна-

вательная культура и женская познавательная культура пересекаются как на рисунке 2, поскольку у них, надо полагать, есть стыковые элементы. По этой схеме, представляется, пересекаются любые две ПК, так что пересечение типа на рисунке 4 для ПК, пожалуй, неверно. Нередко пересечение на рисунке 3 (если B - французская ПК и A - европейская ПК), Мужская ПК, немецкая ПК и научная ПК пересекаются, поскольку в них есть общие элементы. Но их пересечение, состоящее только из элементов, которые принадлежат всем трем культурам, вполне возможно, не составляет самостоятельной познавательной культуры. Кругами Эйлера это может быть выражено как заштрихованное пересечение трех множеств на рисунке.

Пересечение трех множеств

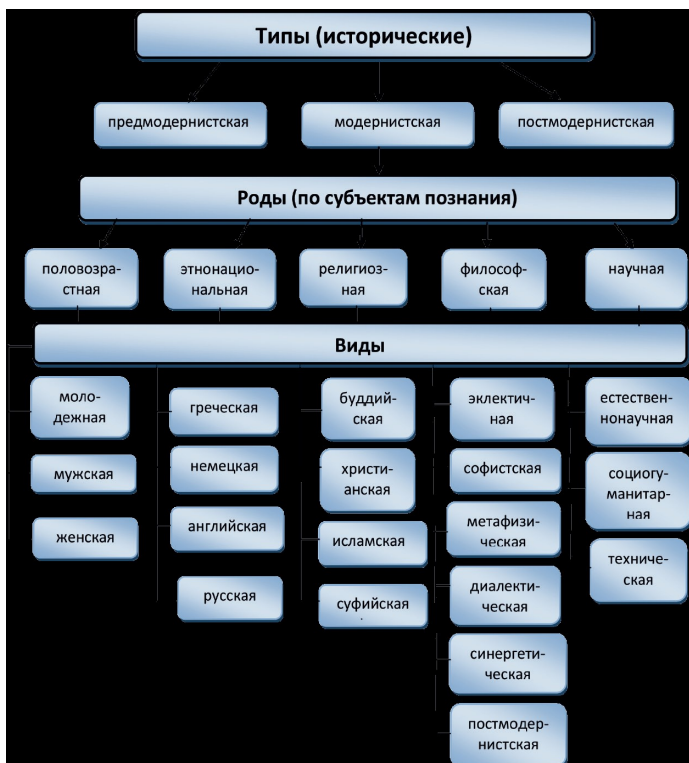
Хотя детальное исследование может выразить этим пересечением когерентную концепцию истины, имея в виду вклад Канта в ее осмысление. Но возможно, эта концепция выразима другим пересечением кругов Эйлера, как на цветном рисунке

сунке пересечения множеств A, B, C на рисунке.

Понятно также, что все виды религиозной познавательной культуры (христианская, мусульманская, буддийская и т.п.) включаются в род религиозной познавательной культуры. Предельно содержательным представляется постмодернистская познавательная культура, поскольку ее методология эклектически сочетает все известные познавательные культуры предмодерна, модерна и собственно постмодерна. В таком понимании, отношения включения обладают транзитивностью, поскольку те же разновидности религиозной познавательной культуры вслед за нею включаются в постмодернистскую познавательную культуру.

Упрощенное представление о соотношении познавательных культур, число которых принципиально не ограничено, дает схема о более или менее известных и очевидных познавательных культурах.

Поскольку философское определение – синтез многих определений, мы идем по пути не только предельного увеличения числа ПК и расширения их диапазона, но интеграции множества разновидностей ПК. Если эта интеграция будет осуществляться вокруг научно-философских составляющих постмодернистской ПК, то все ее научные разновидности, известные в гносеологии как концепции истины, в зависимости от сферы и способа постижения истины можно сгруппировать в реалистическую, конструктивистскую и символическую эпистемологические модели. Реалистической, берущей свое начало в платоновско-аристотелевской теории соответствия, формировавшейся на основе античной познавательной культуры, соответствуют истинностные оценки в естественных и технических науках.

В определенной степени противоположной предыдущей - конструктивистской модели «истина и ее критерий отдаются в полное ведение субъекта, замыкаются в кругу его деятельности» [6, с. 265] (Беркли, Кант, операционализм, радикальный конструктивизм). Объектом и предметом познания здесь предстают конструируемые человеком вещи и явления, мир предстает как творение субъекта познания. Стержневой концепцией истины в этой модели

является теория когеренции, а сферой ее эффективного функционирования – математические и теоретические науки, имеющие свою специфику [9, с. 156].

И, наконец, герменевтическая, семантическая, экзистенциалистская и т.п. концепции истины могут быть, как нам представляется, интегрированы в более емкую и состоятельную в философском отношении символическую модель понимания истины. Эта модель образует едва уловимую границу с конструктивистской, а скорее, мы думаем, формируется на ее дальнейшем развитии. Она основана на складывающейся в новый исторический тип познавательной культуры – на постмодернистской культуре, оформляясь как эпистемологическая модель истины в социогуманитарной научной познавательной культуре [4,5].

При таком подходе предельное обобщение истины ограничено принципиальными различиями онтологических оснований гносеологических моделей истины – реалистической, конструктивистской и символической. Но такой подход позволяет объять все совокупное познание, в котором диапазон постижения истины принципиально не ограничен и составляет множество исторических типов, субъектных родов и видов познавательных культур, выступающих паттернами выявления особенностей природных и социальных процессов.

Принципиальная неограниченность диапазона постижения истины и размывание строгой прежде классической методологии в философии истины на множество познавательных культур есть естественное проявление тенденций неклассической и постнеклассической науки. Методология постмодернистской культуры востребовала в арсенал общественного духа возвращения и извлечения из него всего наработанного за тысячелетия человеческого творчества. В гносеологии необходим такой синтез логико-методологических и экзистенциально-антропологических практик познания, который бы не нивелировал их разнообразие, которое, на наш взгляд, фиксируется в индивидуальных особенностях каждой познавательной культуры. Полилог познавательных культур в духовном творчестве позволяет учесть все богатство субъектных качеств человека, представить его в поиске истины как реального и целостного человека, в то же время не сводя его к проводнику ограниченных субъект-объектных отношений, характеризующихся отражением, сознанием, сознательным. Познавательное и научное творчество выходит в широкие просторы неосознаваемого и бессознательного, что в нашей методологии убедительно фиксируется религиозными, этническими и другими предмодернистскими типами, родами и видами познавательных культур.

Методология полилога познавательных культур подтверждает принципиальный плюрализм истины в науке и во всем общественном сознании.

Философия истины, включающая такую методологию, подводит к отказу от единственно эффективного универсального определения истины.

Учет многообразных познавательных культур в философском толковании истины – путь к эффективизации современной методологии научного познания.

Литература

1. Билалов М.И. Многообразие форм существования истины и проблема ее интерпретации // Философские науки. 1991. №12. С.93-99.
2. Билалов М.И. Многообразие форм существования истины в совокупном познании/Автореферат дис. доктора философских наук. - М., 1991
3. Билалов М.И. О типах и видах познавательной культуры // Успехи современного естествознания. 2009. № 7. С. 30-32;
4. Билалов М.И. Детерминанты познавательной культуры//Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7. № 3. С. 28-33.
5. Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур// Вестник Российского философского общества. 2016. № 1. С. 10.
6. Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания: Учебное пособие. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
7. Касавин И.Т. Истина как проблема социальной эпистемологии // Истина в науках и философии. / Учр. РАН, Ин-т философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. - М.: Альфа-М, 2010. 496 с.
8. Келигов М.Ю. О сущности и эвристической ценности философской истины //Что есть истина? [Текст]: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6-7 сентября 2013 г.) / под общ. ред. д-ра филос.н., проф. М.И. Билалова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013.
9. Куайн, Уиллард Вэн Орман. Преследуя истину / Перевод под ред. В.А.Суровцева. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
10. Никифоров А.Л. Проблемы классической теории истины //Истина в науках и философии / Учр. РАН, Ин-т философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. - М.: Альфа-М, 2010. 496 с.
11. Розов М.А. Проблема истины в свете теории социальных эстафет // Истина в науках и философии. / Учр. РАН, Ин-т философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. - М.: Альфа-М, 2010. 496 с.
12. Тайсина Э.А. Вечная проблема гносеологии //Что есть истина?[Текст]: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6-7 сентября 2013 г.) / под общ. ред. д-ра филос.н., проф. М.И. Билалова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. 332 с.

13. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.

**Что такое социология незнания?
(Проблема общих ошибок К.Маркса и М.Вебера:
вклад Станислава Андрески)**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**What is the sociology of unknowledge?
(The problem of common mistakes of Karl Marx and M. Weber:
the contribution of Stanislav Andreski)**

V.P. Makarenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. Имя Станислава Андрески (1919-2007) редко упоминается в отечественных работах по социальной философии и социологии. Отчасти это происходит потому, что его оценка состояния современных социально-гуманитарных наук носят критический характер. Но главная причина непопулярности его критики состоит в том, что в основание своих жестких оценок он положил прямые апелляции к социально-политической и гуманитарной реальности XX в. Он посвятил свою жизнь критическому анализу идей классиков социологии (К.Маркса, Г.Спенсера, М. Вебера, Э.Дюркгейма) в контексте войн, революций, диктатур и других катастроф XX века. Статья примыкает к циклу предшествующих публикаций автора. В них предпринимается попытка оценить методологическую эффективность представленного в работах Андрески подхода к современному социально-гуманитарному знанию. Обосновывается мысль, что исторический опыт его поколения представляет для нас, живущих чреватую непредсказуемыми последствиями эпоху, несомненный экзистенциальный, исследовательский и методологический интерес. Цель статьи – критически оценить методологическую актуальность проблемы общих ошибок и озарений К.Маркса и М.Вебера.

Ключевые слова: Станислав Андрески, социально-гуманитарные науки, общие ошибки К.Маркса и М.Вебера.

Во вступительной статье к первому тому русского издания капитального труда «Хозяйство и общество» Л.Г.Ионин назвал М.Вебера «чемпионом социологии», а его главный труд – «книгой на века» (Ионин 2016: 10, 16). При этом Ионин подчеркивает большую роль Т.Парсонса в распространении идей Вебера в англоговорящем мире. Но отмечает, что немецкий оригинал главного произведения Вебера и его перевод на английский язык 1968

г. – это две совершенно разные книги. С одной стороны, этот перевод сыграл эпохальную роль в распространении идей Вебера в мире. С другой стороны, он оказался не только переводом, но и адаптацией «Хозяйства и общества» к социологическому языку и образу мышления американского университета 1960-х годов. Главными социологами в США тогда были Парсонс и Мертон – ведущие представители структурного функционализма: «По Парсонсу или, может быть, даже «под Парсонса» оказался прочтенным и переведенным и Вебер, тем более что сам Талкотт Парсонс участвовал в переводе и комментировании этого труда Вебера, которого он сам глубоко почитал» (Ионин 2016: 11).

Эта ситуация требует всестороннего осмысления. Второй раз на протяжении последней сотни лет один из фигурантов процесса социогуманитарного познания объявляется «гуру», а его текст «вечной книгой». Правда, само соединение спортивной и религиозной терминологии для квалификации личности автора и самого текста свидетельствует, что мы находимся в периоде постмодернизма. Например, согласно концепту New Age (характерному для современных религиозных поисков), «вечные книги» должны меняться с такой же частотой, с которой происходит смена чемпионов в спорте. Значит, издание классического произведения Вебера на русском языке подтверждает обоснованность моей постановки проблемы отношения к чемпионам в контексте непобитых рекордов в социально-гуманитарном знании (Макаренко 2011). Поставить эту проблему мне помог С.Андрески. Реферат его книги «Озарения и ошибки Макса Вебера», вместе с переводом центральной главы книги, также опубликованы (Андрески 2011).

Надо сказать, что С.Андрески давно занимается критикой постмодернизма. Для России это особенно важно, поскольку К.Маркс и его «Капитал» почти три четверти века квалифицировались как гуру и священное писание советской науки и идеологии. Споры на эту тему не утихают. В них Вебер до сих пор противопоставляется Марксу. Поэтому важен акцент С.Андрески на поиск общих ошибок и озарений того и другого классика.

Ни Маркс, ни Вебер не писали ясно, оставляя много места на домыслы о том, что они хотели сказать «на самом деле». Тексты Маркса переполнены противоречиями, поскольку он часто менял взгляды и постоянно колебался между ролью ученого и пропагандиста. Например, в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс проповедуют теорию односторонней и необходимой эволюции, а также технологический детерминизм, согласно которому феодализм был результатом изобретения водяного колеса, а капитализм – паровой мельницы. Однако нет оснований ожидать очередного технического изобретения, в результате которого возникнет социализм. Маркс-Энгельс сами противоречат своему экономическому детерминизму, поскольку предлагают вводить социализм с помощью политических средств. В

научных трудах они часто ссылаются на свои примитивные телеологические объяснения, соответствующие догмату о неизбежной однонаправленной эволюции⁶.

Конечно, процессы, которые Маркс называл «первичным накоплением», существовали. Однако автор «Капитала» неправ, когда говорит о последствиях данных процессов. Здесь он совершает ошибку, которая состоит в объяснении чего-то специфичного (способа производства, возникшего впервые в Великобритании) на основе всеобщего – накопления богатства, основанного на насилии. Разумеется, судьбы рабочих в период промышленной революции были печальными, но не хуже судеб бедноты во всех доиндустриальных обществах. Римские рабы на галерах, русские бурлаки на Волге, китайские рикши, индийские кули, перуанские шахтеры, добывающие золото и серебро для испанцев, жили не лучше рабочих Ланкашира. Если бы первичное накопление было решающим фактором, то промышленная революция произошла бы уже в Древнем Риме и даже Египте. А если бы по каким либо причинам она должна была запоздать до Нового времени, то появилась бы не Англии, а в Испании, переполненной награбленным в Северной и Южной Америке золотом и серебром. Именно Вебер строго обосновал этот вывод.

Здесь мы наталкиваемся на одно из озарений Вебера – его идея о различии между «рациональным» (т.е. промышленным) и «иррациональным» (разбойничьим, ростовщическим, политическим) связана с положением: именно второй тип капитализма был всеобщим (даже естественным). Тогда как первый был исключением, требующим особого объяснения. Иначе говоря, чтобы объяснить появление промышленного («рационального» и «современного» в языке Вебера) капитализма, надо открыть факторы, которые склонили денежных людей прежде всего к бережливости (а не к престижно-

⁶ Например, английскую революцию они признают необходимостью развития капитализма, который, в свою очередь, будто бы был неизбежной исторической необходимостью. (Такое «объяснение» повторяется даже в новейшей литературе, хотя бы в трудах известного оксфордского историка Кристофера Хилла). Определенные части «Капитала» и «Экономических рукописей», а также анализ так называемого «азиатского способа производства» содержат рассуждения относительно причин и условий появления капитализма. По мнению Маркса, одним из таких условий было появление класса рабочих, которые не обладали средствами производства, а продавали только рабочую силу. Этот класс сформировался главным образом в результате экспроприации земли у крестьян. Другим условием было появление класса людей, которые имели достаточно денег для покупки чужого труда. Это стало возможным в результате так называемого «первичного накопления капитала», источники которого - земельная рента, грабительская торговля, территориальные захваты, грабеж золота и серебра в Америке.

му стилю жизни), а затем к инвестированию в производство, а не потребление благ⁷.

Вебер был прав: феномен первичного накопления ничего не объясняет. Не менее показателен тот факт, что промышленный капитализм нигде не развился скорее, чем в США. То была страна независимых мелких собственников-фермеров. Она была свободнее всех от крупной земельной собственности, а также от других форм первичного накопления. Показательно, что Юг США (где значительное первичное накопление выступало в форме рабства) не сыграл никакой роли в этом развитии. В царской России, Южной Италии и Латинской Америке средства, накопленные в результате интенсивного первичного накопления, были паразитические растрочены. В Англии накануне промышленной революции тоже существовало престижное потребление. Богатство (доходы от пиратства, торговли рабами, грабежа Индии, монопольной королевской торговли) предназначалось для содержания больших имений и роскошной жизни королевского двора. Новые методы производства финансировались из небольшой прибыли и сбережений мелких производителей. Их трудно назвать капиталистами, хотя такой ярлык вполне соответствует множеству их наследников, которые жили во времена создания Марксом своих работ.

Под сильным влиянием Маркса Вебер пользовался словом «капитализм», хотя здесь более подходит термин «индустриализм», введенный Сен-Симоном. Маркс жил полвека спустя после Сен-Симона. Но не учел двух факторов (научные исследования и организация), которые Сен-Симон считал решающими для современности. С этой точки зрения взгляды Маркса соответствовали отношениям, господствующим во Франции во времена «старого порядка», в Пруссии периода его молодости, но никоим образом не Англии, в которой он жил. Если лишить теорию труда как источника стоимости и понятие прибавочной стоимости многозначности, они сводятся к утверждению: только работники физического труда действительно что-то производят, тогда как руководители предприятий не имеют в производстве никакого участия и потому не заслуживают на участие в результатах производства.

Иначе говоря, разделение на производительные и управляющие классы - общее свойство доиндустриальных обществ. И только в промышленной цивилизации впервые в истории привилегированные классы стали большинством. Они активно участвуют в производстве, но главным образом в организации и руководстве процессом производства. Постоянный рост значения в процессе производства роли организаторских, руководящих и изобретательских функций по сравнению с чисто физическим трудом - исключительное свойство промышленной цивилизации. Сегодня это известно хорошо. Но

⁷ Любимым примером политического (разбойничьего) капитализма для Вебера были римские налогосборщики, которые не только ни в малейшей степени не способствовали развитию производства, но разрушали целые провинции в результате налогового грабежа.

достижение Сен-Симона было большим, поскольку он разглядел это свойство в начале XIX в.

Хотя Вебер не сформулировал этот пункт ясно, а Сен-Симон упоминает о нем только однажды, Веберовский тезис о влиянии протестантизма движется именно в этом направлении. Он стремился объяснить связь между богатством и участием в производстве, отсутствующую в другие эпохи. Во всех цивилизациях работают обычно бедные. Почему же богатые страстно бросаются в мир труда? Почему Карнеги, Форд, Рокфеллер, Эдисон и множество других предпринимателей и изобретателей постоянно напрягались, хотя вполне могли вести жизнь сибарита? Возможно, они были чудаками. Но эксцентричность отдельных индивидов не в состоянии объяснить массовое появление миллионов предпринимателей, не нуждающихся в работе ради удобной жизни, но постоянно работающих и бережливых. Ссылка на жадность ничего не объясняет, поскольку не дает ответа на вопрос: почему в одних временах и странах люди более жадны к прибыли, чем в других? В любом случае предпринимателей, создавших капитализм, нельзя считать более жадными, чем богачи других обществ. Достаточно вспомнить способ заключения браков среди богатой земельной аристократии. Истина в том, что пионеры промышленного капитализма среди богатых других классов и культур отличались бережливостью и трудолюбием.

Короче говоря, общий результат книги С. Андрески «Озарения и ошибки Макса Вебера» сомнений не вызывает: чем больше любой основатель современного социального знания (Маркс, Вебер и им подобные) претендует на роль «чемпиона», тем более сокрушительной должна быть критика его методологии и частных теорий. Особенно опасна институционализация и идеологизация социального знания. Книга Андрески в этом отношении может выполнять функцию проверки при выдаче аттестата на научную зрелость.

Наиболее продуктивный подход к Веберу – поиск скрытой системы мотивов всех поворотов социальной эволюции. После открытия и строгой формулировки этой системы ее надо сопоставить с новыми историческими данными, которые не были известны во времена Вебера. Иначе говоря, теория Вебера не может применяться для объяснения социальных процессов без привлечения новых результатов исторических исследований. В этой связи я хотел бы подчеркнуть важность исследований Л.Б. Алаева, который, по сути дела, отвергает марксистский, антропологический, формационный и цивилизационный подходы и изучению истории человеческого общества и систематизирует множество проблем, неразрешимых ни одним из них⁸.

В заключение отмечу общекультурный эффект перевода главного труда Вебера на русский язык. Правда, генезис этого эффекта уходит на сто лет

⁸ См.: Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. – М., URSS, 2019

назад, в 1910-1920-е гг., когда А.И.Неусыхин перевел «Протестантскую этику и дух капитализма» и опубликовал несколько статей о М.Вебере. Стало быть, есть материал для реконструкции истории отечественного вебероведения. А поскольку «Капитал» К.Маркса был «вечной книгой» на протяжении трех четвертей века, а официальный авторитет его автора не идет в сравнение ни с какими гуру, то история и типы российского освоения этой книги становятся необычайно актуальными. Реконструкция всего ценного, что было сделано русскими учеными в сфере вебероведения еще ожидает своего историка. В контексте нынешней ситуации это может стимулировать расширение программы исследований в сфере современных методологических стратегий (Современные ... 2014).

Литература

1. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. – М., URSS, 2019
2. Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология // 2011, № 1
3. Ионин Л.Г. Вступительная статья редактора русского издания // В кн.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; Пер. с нем; сост., общ.ред. и предисл. Л.Г.Иониной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2016
4. Макаренко В.П. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам // Политическая концептология. 2011, № 1
5. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография. Под общ.ред. Б.И.Пружинина, Т.Г.Щедриной. – М.: Политическая энциклопедия, 2014

**Методологическая роль принципа квазидетерминизма
в логике, математике, естествознании,
технических и гуманитарных науках⁹**

Ю.В. Ивлев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

**Methodological role of the principle of quasi-determinism
in logic, mathematics, natural science,
technical and Humanities**

Yu. V. Ivlev

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация. В статье формулируется принцип квазидетерминизма. Этот принцип объясняется на основе понятия квазифункции. Квазифункция – это соответствие, в силу которого некоторый объект из определенного подмножества множеств, являющегося областью определения квазифункции, соотносится с некоторым объектом из определенного подмножества множества, являющегося областью значений квазифункции. Частными случаями квазифункции являются функция и полная неопределенность (хаотичность). Предлагается пересмотреть математическое, техническое, естественнонаучное и гуманитарное знание на основе этого принципа.

Ключевые слова: методология, мировоззрение, детерминизм, квазидетерминизм, квазифункция, квазиматричная логика.

Понятие методологии. В каждой науке есть описывающая и предписывающая части. Первая из них – мировоззрение, а вторая – методология. Мировоззрение – знания о предметной области науки, а методология – средства познания и практической деятельности, разрабатываемые в данной науке. Методологию образуют принципы (методологические), приёмы, методы, технологии, стратегии и т.д. Методологическую роль выполняет также мировоззрение. На основе мировоззрения создаются непосредственные (методологические) установки.

Мировоззренческие установки. Это предписания, указывающие, как следует осуществлять познавательную или практическую деятельность,

⁹ Исследование частично выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научного проекта № 15-03-00372а

непосредственно обусловленные мировоззрением. Одним из таких предписаний в логике является рекомендация рассматривать выражения языка как знаки. Эта рекомендация конкретизируется следующим образом: знаки должны быть терминами, т.е. выражениями, имеющими точное значение (точность должна быть достаточной для решения поставленной проблемы). В статье речь идет о методологической установке, называемой принципом квазидетерминизма.

Под детерминизмом понимается однозначная обусловленность одного явления другим явлением, например, причинно-следственная связь между явлениями. Эта обусловленность может быть выражена посредством функции. Квазидетерминизм может быть представлен посредством квазифункции. Если под функцией понимать операцию, применяющую к определенному объекту из области определения функции, получают определенный объект из области значений функции, то квазифункция это операция, применяющая которую к некоторому объекту из определенного подмножества области определения, теперь уже квазифункции, получают некоторый объект из определенного подмножества области значений квазифункции. Поскольку подмножества могут состоять из одного элемента и могут совпадать с указанными областями, то частными случаями квазифункции оказываются функции и полные неопределенности (хаотичности).

Пусть $\{a, b, c\}$ – область определения квазифункции, $\{r, s, k\}$ – область значений. Примеры квазифункций:

qf1. $\{(a, r), (b, s), (c, k)\}$; qf2. $\underline{\vee}[(a, s), (a, k)]$;

qf3. $\underline{\vee}[(a, r), (a, s), (a, k), (b, r), (b, s), (b, k), (c, r), (c, s), (c, k)]$.

Здесь $\underline{\vee}$ – знак строгой дизъюнкции.

Таким образом, *принцип квазидетерминизма – рекомендация рассматривать отношения между явлениями, свойствами и т.д. в качестве квазифункциональных.*

Принцип квазидетерминизма в логике. Первоначально принцип квазидетерминизма применен в логике. В конце 60-х годов прошлого столетия я построил логическую систему S_{\min} . Она представлена в моей кандидатской диссертации [4] и статье [9], а также в более поздних работах, например в [3]. Известный логик Пятницын Б.Н., он читал мою кандидатскую диссертацию до её защиты, обратил мое внимание на работу Решера [], в которой сделаны такие же как у меня определения логических терминов необходимости и возможности. Собственно квазиматричная логическая система Решера не была построена, однако название «квазифункция» я заимствовал у Решера. Затем мною были построены трехзначные и четырехзначные алетические модальные квазиматричные логики, а также квазиматричные деонтическая и др. логики. [5]

В качестве примера приведу не до конца исследованную *трехзначную логику* S_7 . Язык содержит обычные логические термины: \square , \diamond , \neg , \supset , $\&$, \vee , со-

ответственно знаки необходимости (онтологической), возможности (онтологической) и т.д. Исчисление включает все схемы аксиом КИВ (классического исчисления высказываний), в которых метасимволы А, В, С обозначают модализированные формулы, то есть формулы, в которых каждая пропозициональная переменная находится в области действия какого-либо из модальных терминов \square и \diamond , modus ponens, правило Геделя($\neg A \Rightarrow \neg \square A$), а также схемы аксиом:

- $\square A \supset \diamond A$; $\neg A \supset \neg \square A$; $\neg \diamond A \supset \neg A$; $A \supset \diamond A$; $\square A \supset \square \square A$; $\diamond \diamond A \supset \diamond A$; $\diamond \square A \supset \square A$; $\diamond A \supset \square \diamond A$;
 $\square A \supset A$; $\neg \square \neg A \supset \diamond A$; $\diamond A \supset \neg \square \neg A$; $\neg \diamond A \supset \square (A \supset B)$; $\square B \supset \square (A \supset B)$; $\diamond B \supset \diamond (A \supset B)$;
 $\diamond \neg A \supset \diamond (A \supset B)$; $\diamond (A \supset B) \supset (\square A \supset \diamond B)$; $\square (A \supset B) \supset (\square A \supset \square B)$; $\square (A \supset B) \supset (\diamond A \supset \diamond B)$;
 $\square (A \& B) \supset (\square A \& \square B)$; $(\square A \& \square B) \supset \square (A \& B)$; $(\diamond A \& \diamond B) \supset \diamond (A \& B)$; $(\square A \& \diamond B) \supset (A \& B)$;
 $\diamond (A \& B) \supset (\diamond A \& \diamond B)$; $\square A \vee (\diamond A \& \diamond \neg A) \vee \neg \diamond A$; $(\square A \vee \square B) \supset \square (A \square B)$; $(\diamond A \vee \diamond B) \supset \diamond (A \vee B)$;
 $\square (A \vee B) \supset (\square A \vee \square B)$; $\square (A \vee B) \supset (\diamond A \vee \square B)$; $\diamond (A \vee B) \supset (\diamond A \vee \diamond B)$.

Семантика. Символы \square , \diamond , \neg , \supset , $\&$, \vee интерпретируются как логические термины, определяемые следующими таблицами:

A	$\neg A$	$\square A$	$\diamond A$
n	i	n	n
c	c	i	n
i	n	i	i

			B	
	\supset	n	c	i
	n	n	c	i
A	c	n	n/c	i
	i	n	n	n

			B	
	$\&$	n	c	i
	n	n	c	i
A	c	c	i/c	i
	i	i	i	i

			B	
	\vee	n	c	i
	n	n	n	n
A	c	n	n/c	c
	i	n	c	i

p , c , i – соответственно значения «однозначно детерминировано фактически (онтологически) наличие положения дел», «не детерминировано однозначно фактически наличие положения дел и не детерминировано однозначно фактически отсутствие положения дел», «однозначно детерминировано фактически отсутствие положения дел». i/c означает «то ли i , то ли c », p/c понимается как «то ли p , то ли c ». Выделенное значение – p .

Логику S_f можно представить в качестве содержательного обобщения трехзначных логик Лукасевича и Клини.

Трехзначная логика Я. Лукасевича. [См.: 10, с. 45-47] Будем считать, что определения отрицания и импликации известны. А. Тарский ввел следующее определение возможности:

A	$\Diamond A$
1	1
$\frac{1}{2}$	1
0	0

Если ввести определения необходимости (\Box) и случайности (Δ):

$\Box A \equiv_{df} \neg \Diamond \neg A$; $\Delta A \equiv_{df} \Diamond A \& \Diamond \neg A$, то прояснится смысл значений 1, $\frac{1}{2}$, 0.

A	$\Box A$	ΔA	$\neg \Diamond A$
1	1	0	0
$\frac{1}{2}$	0	1	0
0	0	0	1

Высказывание $\Box A$ является истинным, если, и только если, A имеет значение 1, ΔA является истинным, если, и только если, A имеет значение $\frac{1}{2}$, $\neg \Diamond A$ – если, и только если, A имеет значение 0. Значения 1, $\frac{1}{2}$, 0 – это, соответственно, значения «необходимо», «случайно», «невозможно», и логика Я. Лукасевича является модальной логикой, то есть это в определенном смысле неклассическая логика того же типа, что и S_f – вместо отношений между асерторическими высказываниями в ней описываются отношения между модальными высказываниями и используются другие, по сравнению с классическими, модели логических терминов. В логике Я. Лукасевича высказывания о случайных будущих событиях в момент их произнесения имеют значение $\frac{1}{2}$. Однако их дизъюнкция в момент произнесения не обязательно имеет значение 1. Высказывание $A \vee B$ в момент произнесения может оцениваться как случайное (логически или онтологически), так и как необходимое (логически или онтологически),

Трехзначная логика Клини K_3 отличается от трехзначной логики Лукасевича, только определением импликации. [См.: 11. С. 296] В логике Лукасевича при значениях $\frac{1}{2}$ антецедента и консеквента импликация имеет значение 1, а в логике Клини – $\frac{1}{2}$. Очевидно, что и при такой интерпретации этого

значения, дизъюнкция может иметь значение 1 при значениях ее членов $\frac{1}{2}$. Если содержательно понимать импликацию как $\neg A \vee B$, то как логика Лукасевича, так и логика Клини оказываются частными случаями логики S_T , частными случаями в том смысле, что они применимы для выражения отношений по формам к ограниченным множествам высказываний, по сравнению с логикой S_T .

Причина ограниченности логик Лукасевича и Клини заключается в отсутствии существования во время их создания методологического принципа квазидетерминизма.

Принцип квазидетерминизма в области математики.

Трехзначная деонтическая логика.

Язык содержит символы:

- 1) $p, q, r, s, p_1, q_1, \dots$ – переменные для деяний (действий и бездействий);
- 2) $\cdot, \cup, '$ – знаки операций над деяниями, соответственно читаются «и», «или», «не» («воздержание от...»);
- 3) O, P – операторы, которые читаются «обязательно», «разрешено»;
- 4) $\neg, \&, \vee, \supset$ – логические связи;
- 5) скобки.

Определение субформулы:

- 1) переменная для деяний является субформулой;
- 2) если A и B являются субформулами, то $A', (A \cdot B), (A \cup B)$ – субформулы;
- 3) ничто иное не является субформулой.

Определение формулы:

- 1) если A – субформула, то OA, PA – формулы;
- 2) если B и C – формулы, то $\neg B, (B \& C), (B \vee C), (B \supset C)$ – формулы;
- 3) ничто иное формулой не является.

Определения.

$(A \cdot B)$	n	c	i
n	n	c	i
c	c	i/c	i
i	i	i	i

$(A \cup B)$	n	c	i
n	n	n	n
c	n	n/c	c
i	n	c	i

A	A'
n	i
c	c
i	n

Значения n, c, i соответственно читаются «обязательно», «безразлично», «запрещено». i/c и n/c – «то ли i, то ли c» и «то ли n, то ли c». Операции \cdot, \cup , имеют следующий смысл, соответственно. Выражение A' обозначает деяние, заключающее в воздержании от деяния A , выражение $(A \cdot B)$ – деяние, заключающееся в последовательном выполнении деяний A и B (A , а затем B) или же в одновременном выполнении этих деяний. Выражение $A \cup B$ обо-

значает деяние, заключающееся в выполнении или деяния А, или деяния В, или в последовательном выполнении деяний А и В (А, а затем В), или в одновременном выполнении этих деяний.

Определения терминов О и Р.

A	OA	PA
n	t	t
c	f	t
i	f	f

Формула принимает значения из области {t, f}. Выделенное значение – t. Определения терминов \neg , $\&$, \vee , \supset обычные.

Формализацией семантически заданной логики является исчисление S_{3d} , содержащее схемы аксиом, совпадающие со схемами аксиом классического исчисления высказываний (КИВ), в которых метAPERЕМЕННЫЕ обозначают формула (но не субформулы), а также следующие дополнительные схемы аксиом, в которых буквами А и В обозначены субформулы:

$$\begin{aligned}
 &OA \supset PA, \neg OA' \supset PA, PA \supset \neg OA', OA \supset \neg PA', \\
 &OA \& OB \supset O(A \cdot B), O(A \cdot B) \supset OA \& OB, \\
 &PA \& OB \supset P(A \cdot B), OA \& PB \supset P(A \cdot B), \\
 &P(A \cdot B) \supset PA \& PB, \\
 &OA \vee OB \supset O(A \cup B), \\
 &PA \vee PB \supset P(A \cup B), P(A \cup B) \supset PA \vee PB, \\
 &O(A \cup B) \supset PA \vee OB, O(A \cup B) \supset OA \vee PB. \\
 &O(A \cdot B)' \supset O(A' \cup B'), P(A \cdot B)' \supset P(A' \cup B'), \\
 &O(A' \cup B') \supset O(A \cdot B)', P(A' \cup B') \supset P(A \cdot B)'.
 \end{aligned}$$

Правила вывода:

П1 – modus ponens;

П2 – замена произвольного вхождения субформулы А'' на А, и vice versa;

П3 – замена произвольного вхождения субформулы (А' ∪ В') на (А · В)' и vice versa;

П4 — замена произвольного вхождения субформулы (А ∪ В)' на (А' · В') и vice versa;

Определение. $3A =_{df} \neg PA$ («3А» читается «запрещено А»).

Представить алгебру деяний в виде системы равенств (тождеств) не удастся. В качестве проблемы ставим задачу нахождение аналога отношения равенства для квазиалгебр, а также задачу построения квазиалгебр по типу деонтической логики, т.е. построения квазиалгебры в рамках более богатой теории.

Предполагается построение других разделов математики, например математического анализа, геометрии, на основе принципа квазидетерминизма.

В естествознании. Принцип квазидетерминизма применен в биологии [См.: 1] при описании изменения генофонда в небольших изолированных популяциях, называемого «дрейфом генов». Можно квазифункционально предвидеть результаты дрейфа генов.

Этот принцип объясняет работу нервных сетей. Нейрон можно представить в качестве объекта, имеющего один вход и один выход. Это, конечно, частная теоретическая модель нейрона, которая легко обобщается на случай нескольких входов и нескольких выходов. Здесь рассмотрим применимость указанной выше трехзначной логики. На вход нейрона поступает какой-то сигнал из подмножества, например из $\{n, c\}$, возможного множества $\{n, c, i\}$ сигналов. На выход нейрона поступает из нейрона какой-то один, и только один, сигнал из подмножества, например из $\{n, i\}$. Пусть имеются два нейрона, на выход которых поступает один и тот же сигнал c . Тогда на вход системы нейронов, состоящей из двух новых нейронов, поступит либо сигнал c , либо сигнал i , если предположить, что эти два последние нейроны описаны формулой, соответствующей конъюнкции.

Таким образом, поведение нейронов может быть не определено, или определено лишь частично, а поведение нейронной сети может быть определено полностью, может быть определено частично, а может быть совсем неопределенно. Возможно, что в таком поведении нейронов заключается объяснение интуиции: мозг работает как машина, которая хотя и является сложной, но всё же конечной, ее работа не осознается и результаты получаются на выходе иногда правильные, а иногда нет, т.е. вариативные.

В [1] введены понятия однозначной и неоднозначной детерминации признаков организма. Например, одна и та же генная аномалия иногда приводит к заболеванию, а иногда нет. Эти явления тоже могут быть представлены посредством указанного принципа.

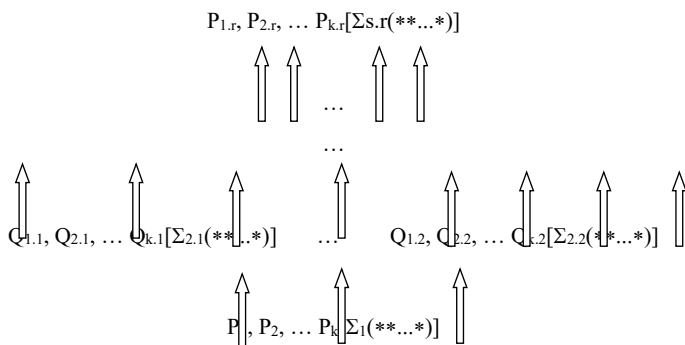
Важной областью знания, в которой применим принцип квазидетерминизма, является знание медицинское. В процессе диагностики и лечения устанавливаются не только причинно-следственные, т.е. функциональные, отношения между симптомами, заболеваниями и способами лечения, но и отношения квазифункциональные. Например, в одном случае симптом (будем считать совокупность признаков одним симптомом) позволяет сделать однозначный вывод об определенном заболевании. Это частный случай квазифункциональности – функциональность, или детерминизм. В другом случае симптом позволяет утверждать лишь об одном заболевании из нескольких заболеваний. Это собственно квазифункциональность. Еще одним частным случаем квазифункциональности является полная неопределенность, названная выше хаотичностью. Далее, каждое определенное заболевание может

требовать единственного способа лечения, а может допускать один из нескольких способов лечения. Способ лечения может отсутствовать – полная неопределенность. Такие ситуации должны учитываться при отрицательных результатах лечения, например в процессе судебных разбирательств.

Технические науки. Обсуждаемый принцип может быть применен при проектировании автоматических устройств, в которых используются квазиавтоматы.

Автомат имеет вход и выход. На вход поступает сигнал, автомат его перерабатывает и выдает сигнал на выходе. Между сигналом на входе и сигналом на выходе имеет место функциональная зависимость. В квазиавтомате зависимость квазифункциональная. На вход поступает какой-то сигнал из подмножества множества возможных входных сигналов. На выходе возникает какой-то сигнал из подмножества множества возможных сигналов. Можно представить частный случай такой ситуации. На вход поступает определенный сигнал. На выходе возникает какой-то сигнал из подмножества множества возможных сигналов. Пусть имеется множество таких квазиавтоматов. Выходными сигналами являются перемещения самих квазиавтоматов. В данный момент времени нельзя установить место нахождения каждого из автоматов, но можно рассчитать, где будет находиться система квазиавтоматов в конечном счете. Каждый из квазиавтоматов можно представить в виде формулы модальной логика высказываний, а систему квазиавтоматов в виде системы формул, или в виде более сложной формулы. Сигналы на входе – наборы значений переменных формул, а сигнал на выходе – какое-то из значений более сложной формулы.

Гуманитарные науки. Применение принципа квазидетерминизма позволяет рассматривать возможные варианты развития социальных явлений в тех случаях, когда результаты развития отдельных составляющих социальной системы только частично (квазифункционально) предсказуемы, а результат развития системы в целом предсказуем полностью (а возможно, конечно, что только частично).

Стрелками показаны возможные альтернативы развития системы объектов $\Sigma_1(**...*)$, а верхняя формула соответствует случаю, когда варианты развития системы этих объектов приводят к определенному состоянию системы. (Здесь $P_1, P_2, \dots P_k$ – начальные признаки системы объектов, а $Q_{1.1}, Q_{2.1}, \dots Q_{k.1}$ и т.д. – (возможно) новые признаки измененной системы.

Литература

1. Ивлев В.Ю. Категории необходимости, случайности и возможности: их смысл и методологическая роль в научном познании // *Философия и общество*. 1977. № 3.
2. Ивлев Ю.В. Квазиматричная (квазифункциональная) логика. М., 2018.
3. Ивлев Ю.В. Модальная логика. М., Издательство Московского университета. 1991.
4. Ивлев Ю.В. Логика норм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. 1972.
5. Ивлев Ю.В. Содержательная семантика модальной логики. Издательство Московского университета, М., 1985.
6. Ивлев Ю.В. A semantics for modal calculi // *Bulletin of the section of logic*, том 17, 1988, № ¾.
7. Ивлев Ю.В. Семантический анализ модальных высказываний // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. Издательство Московского университета (М.), 1982, № 5, с. 57-68
8. Ивлев Ю.В. Содержательная семантика модальной логики // *Логико-методологические исследования*. Издательство Московского университета, Москва, 1980.
9. Ивлев Ю.В. Табличное построение пропозициональной модальной логики // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. Издательство Московского университета (М. 1973), № 6.
10. Карпенко А.С. Развитие многозначной логики. М., URSS, 2010.
11. Клини С. Введение в метаматерику. М., Изд-во иностр. Лит-ры, 1957.
12. Rescher N. Many-valued logic, N.Y., 1969.

Почему мы можем говорить о дефляции лжи?

А.Н. Павленко

Институт философии РАН, Москва

Why can we talk about deflation of false?

A.N. Pavlenko

Institute of Philosophy RAS, Moscow

Аннотация. Показано, что утверждения Г.Фреге о том, что (I). Всякое истинное предложение обозначает истину и (II). Всякое ложное предложение обозначает ложь, позволяют задать два вопроса: Вопрос (α): «может ли «истинные предложение, обозначающее истину», быть истинным?» и «Вопрос β : может ли суждение «ложное предложение обозначает ложь» быть ложным?». Ответ на первый вопрос оказывается положительным. Ответ на второй вопрос приводит к псемотическому парадоксу (от греч. ψέματα - «ложь»). Анализ парадокса уверенно говорит о том, что невозможно согласиться с Фреге в этом вопросе - такого объекта как «ложь» попросту не существует. Этот вывод, в свою очередь, позволяет допустить, вслед за сторонниками дефляции истины – дефляцию лжи.

Ключевые слова: проблема истины, дефляция истины, дефляция лжи.

Дискуссии о природе истины и лжи восходят еще к Аристотелю [1]. Известно, что его понимание истины было радикально пересмотрено философами 20 столетия, некоторые из которых объявили о «дефляции истины». Сторонники этого подхода [2,3,6,7,8,9] полагают, что легко справившись с задачей устранения «истины» из описания мира, они решили, труднейшую для них проблему - *необходимость включать истину в качестве оценки пропозиций*. Однако, думаю, они совершенно не подозревали, что, справившись с одной проблемой, они тут же, неминуемо, сталкиваются с другой, гораздо более сложной и трудной.

Дело в том, что, элиминируя из познания «истину», им, с необходимостью, придётся элиминировать и «ложь». Но это, на мой взгляд, приводит к очевидной нелепости, а точнее - к парадоксу.

Приведём здесь ставшее классическим допущение Фреге [С.4, 32-33; 5, С.205], изложенное им в виде тезисов, о том, что:

(I). *Всякое истинное предложение обозначает истину,*

а

(II). *Всякое ложное предложение обозначает ложь.*

и, опираясь на него, изложим суть проблемы.

Для демонстрации этого затруднения, рассмотрим два вида предложений:

(1) «Истинное предложение», в смысле Фреге – это предложение, которое само обладают тем признаком (“быть истинным”), *которое оно обозначает как объект*.

В противном случае – т.е. в случае не признания его истинным - нам пришлось бы допустить, что «истинное предложение», которое «обозначает истину как объект», само не является истинным, что, очевидно, нелепо. Другими словами, утверждение «всякое истинное предложение обозначает истину» само не может не быть истинным.

Таким образом, получается, что утверждение Фреге (I) по сути является *автологическим* в смысле Нельсона и Греллинга [10].

Теперь рассмотрим второй тип предложений – «ложные», которые определим, как того и требует логика, через отрицание «истинных предложений», то есть так, как это принято в современной аналитической философии, обозначив «истинное предложение» символом p , а ложное предложение – *отрицанием* символа, обозначающего истинные предложения $\neg p$ и дадим определение:

(2) «Ложное предложение» – это не истинное предложение, то есть $\neg p$.

Теперь придадим этим определениям более полную форму:

(А) Суждение «истинные предложения *обладают* признаком “быть истинными”» - это предложение, в котором некоторый термин p («истинные предложения») *сам обладает тем признаком X («быть истинным»)*, который оно обозначает в качестве объекта. Непризнание этого, как мы отметили выше, ведёт к нелепости.

Соответственно, согласно определению ложных предложений (2) получается, что суждение «всякое ложное предложение обозначает ложь» должно выглядеть следующим образом:

(Б) «Всякое не истинное предложение ($\neg p$) обозначает не-истину Y »

Мы видим, что истина, именно в смысле Фреге – как идеальный объект - является *автологичной*, а ложь – нет.

Теперь зададим вопрос::

Вопрос (а): «может ли истинные предложение, обозначающее истину», быть истинным?

При ответе на него мы не можем не признать, что истинное предложение потому и является истинным, что обладает тем признаком, которым и обладает обозначаемый им объект - «быть истинным».

Но во втором случае возникает трудность логического свойства: может ли «ложное предложение» *обладать тем признаком, которое оно обозначает, то есть «быть не истинным»*. Или несколько строже:

Вопрос β : может ли суждение «ложное предложение обозначает ложь» быть ложным?

Далее условимся понимать под закавыченным утверждением (II) Фреге «всякое ложное предложение обозначает ложь» - только *имя* того ложного предложения, которое обозначает ложь. В то же время, не закавыченное выражение о том, что *всякое ложное предложение обозначает ложь* мы будем рассматривать как тот объект, о котором судит предложение-имя (закавыченное). Сделав это, придадим нашему выражению более строгий вид в соответствии с определением ложного предложения (2) В итоге получим:

= *Предложение «всякое ложное предложение обозначает ложь» обозначает всякое ложное предложение обозначающее ложь, если и только если, «всякое ложное предложение обозначающее ложь» не является предложением, обозначающим истину* =

Теперь подставим вместо выражения «обозначающим истину» определение предложения, обозначающего истину. В результате получим:

Предложение «всякое ложное предложение обозначает ложь» обозначает всякое ложное предложение обозначающее ложь, если и только если, «всякое ложное предложение обозначающее ложь» не является всяким истинным предложением, обозначающим истину.

В итоге получается следующее:

а) если «всякое ложное предложение обозначающее ложь» само не является всяким истинным предложением обозначающим истину, то оно, по определению «всякого ложного предложения, обозначающего ложь» – *не является обозначающим ложь*.

и, наоборот,

б) Если «всякое ложное предложение обозначающее ложь» само является всяким истинным предложением, обозначающим истину, то, следовательно, оно является «всяким ложным предложением обозначающим ложь» и *обозначает ложь*.

В любом случае получается, что суждение «ложные предложения обозначают ложь», *одновременно* и обладают тем признаком, который они обозначают, и не обладают им. В результате, мы приходим к парадоксу: ложные суждения *одновременно* и обладают признаком «быть ложным (не истинным)» ($\neg p$) и не облают им ($\neg \neg p$), или, учитывая, что ($\neg \neg p \equiv p$) в формальном выражении:

$\neg p \leftrightarrow p$

Мы видим, что к этому затруднению привел ответ на вопрос (β).

Этот парадокс наводит на мысль о том, что *ложные суждения*:

а) рассмотренные не просто как человеческие высказывания, а именно *онтологически* - являются фантомами, призраками (от греческого *φάντασμα* (фантасма) - призрак).

б) имеют гетерологическую природу.

Этот парадокс я называю «псемотическим», от греческого *ψεματα* - «ложь».

*Главный вывод: у ложных суждений нет никакой референции, они ни на что не указывают. Но, тем самым, мир ложных предложений отграничивает мир предложений истинных, которые, в рассмотренном выше случае, сами обладают признаком того объекта, на который они указывают. Или совсем кратко: невозможно согласиться с Фреге в этом вопросе - *такого объекта как «ложь» попросту не существует.**

Следовательно, этот вывод позволяет допустить, вслед за сторонниками дефляции истины – дефляцию лжи.

В результате получается удивительный вывод: ложь, парадоксальным образом - и в прямом, и в переносном смысле - спасает истину.

Литература

1. Аристотель, *Метафизика*//Сочинения в 4-х томах, М. Мысль,1976,Т.1, 550 р.
2. Ayer A.J. 'The Criterion of Truth' – *Analysis*, v.3, No.3, Jan.1936. Pp.28-29.
3. Ayer A.J. *Language, Truth, and Logic*. 2nd ed. L., 1946. Ch. 5.
4. Фреге Г. *Смысл и значение*//Избранные работы,- М. Дом интеллектуальной книги, 1997).С. 32-33
5. Фреге, Г., *Логика и логическая семантика*. М. Аспект Пресс, 2000, 512 р.
6. Horwich P. *Truth*. Oxford, 1998, 176 p.
7. Quine W.V. *Philosophy of Logic*. Englewood Cliffs, Prentice Hall. 1970.
8. Ramsey F.P. 'Facts and Propositions' – In: *The Foundations of Mathematics*. L., 1931.
9. Tarski A. *The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics*. // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1944, v. 4, n. 3, pp. 341–375.
10. Wright von G.H., «*Philosophical Papers of Georg Henrik von Wright*», Volume II, *Philosophical Logic*, Cornell University Press, Ithaca, New York, 1983.

**Логика аргументации, когнитивное многообразие
и рождение истины в споре¹⁰**

Е.Н. Лисанюк

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**Argumentation logic, cognitive diversity
and the truth-makers in dispute**

E.N. Lisanyuk

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация. В докладе предложено решение проблемы разногласия равных при помощи понятий расхождения во мнениях, заимствованного из логики аргументации, и суперпозиции истинностных значений из многозначной логики, а также гипотезы когнитивного многообразия, выдвинутой в области социальной эпистемологии.

Ключевые слова: проблема истины, логика аргументации, когнитивное многообразие.

В докладе предложено решение проблемы разногласия эпистемически равноправных агентов, или разногласия равных, при помощи понятий расхождения во мнениях, заимствованного из логики аргументации, и суперпозиции истинностных значений из многозначной логики, а также гипотезы когнитивного многообразия, выдвинутой в области социальной эпистемологии.

Логика аргументации – это новая область на стыке кибернетики, логики, когнитивных наук и анализа аргументации. Начиная с 90-ых гг. XX в. стремительный рост формализованных моделей и протоколов позволил надеяться не только на создание эвристически полезных формализмов, напоминающих логические, но и на то, что удастся эффективно решить проблему поиска решений аргументативных споров [2]. Проблема поиска решений аргументативных споров – это аналог проблемы разрешения в логике, с двумя существенными отличиями, связанными между собой. Во-первых, атомарной единицей анализа в логике аргументации выступает аргумент, т.е. то, что в логике называют умозаключением и исследуют как вывод заключение из посылок – предложений, выступающих атомарными единицами анализа. Во-вторых, в логике аргументации используют преимущественно процедурную семантику, а не истинностную [1]. Предлагаемое решение проблемы разногласия равных сближает логику аргументации с логическими подходами к проблеме разрешения в аспекте этих различий.

¹⁰ Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-011-00895

Проблему разногласия равных мы предлагаем трактовать двояким образом: с одной стороны, как мысленный эксперимент, своего рода поединок между разными концепциями истины, и как суперпозицию истинностных установок агентов, с другой. Мы объясняем, что в условиях глубокого разногласия в этом поединке нет победителя, и он неразрешим посредством одного лишь искреннего ясного мышления, потому что глубокое разногласие характеризуется не несовместимостью истинностных оценок разных агентов, а несравнимостью упорядочений предпочтений истинностных значений, которую мы называем суперпозицией истинностных значений [3]. Например, когда один агент придерживается привычного линейного упорядочения с единственным выделенным значением *истинно 1*, несовместимым со значением *ложно 0*, а другой – нелинейного упорядочения с двумя несравнимыми выделенными значениями – *аверс-истинно +1* и *реверс-истинно -1*, каждое из которых несовместимо со значением *противоречиво 0*. Предлагаемое решение состоит в том, что в условиях суперпозиции истинностных значений для участников спора преодолеть разногласие в пользу рождения истины в споре – значит сконструировать истину как совместный дизайн-проект и создать согласие по ее поводу на основе специальной процедуры, основанной на преодолении расхождения во мнениях в диалоге.

Литература

1. Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in non-monotonic reasoning, logic programming, and n-person games. *Artificial Intelligence* 77 (1995), 321-357.
2. Prakken H., G.Vreeswijk. *Logic for Defeasible Argumentation* \ D.M. Gabbay and F. Guenther, Editors, *Handbook of Philosophical Logic*, Vol. 4., Kluwer, Dordrecht (2002), pp. 218–319.
3. Лисанюк Е.Н., Мазурова М.Р. Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре \ Эпистемология и философия науки 2019, Т. 56 (1). С. 81–100 DOI: 10.5840/eps20195619

Семантический треугольник как принцип систематизации определений и других проясняющих приемов

Т. А. Шиян

Фонд «Центр гуманитарных исследований», г. Москва

Semantic triangle as a principle for systematization of definitions and of other clarifying techniques

T. A. Shiyani

Foundation «Center for Humanity Studies», Moscow

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования семантического треугольника («треугольника Фреге») в качестве принципа систематизации определений и других приемов пояснения знаков. В соответствии с этим проясняющие приемы можно разделить на приемы, проясняющие «знаковую форму», «предметное значение» и «смысловое значение», а также приемы смешанного типа. Более подробно описывается применение этого принципа для систематизации определений. Использование семантического треугольника как принципа систематизации рассматривается в контексте построения внутренне более связанного курса логики. С этой точки зрения, описываемые в статье способы построения систематизации определений и других проясняющих процедур являются частью реализации данного проекта.

Ключевые слова: логика, учебник логики, теория определений, знак, определение, проясняющий прием, систематизация, классификация.

1. Знаки и их роль в жизни человека

Существуют разные представления о природе человеческой личности, сознания, мышления и т.п. Как и разные представления о природе знака. На протяжении веков люди считали, что душа человека по своей природе разумна, «внутренний язык» универсален и присущ всем людям от рождения, поскольку они разумны, а «внешний язык» является лишь коммуникативной надстройкой, некоторым внешним интерфейсом человека. Я исхожу из иных представлений.

Знак не является чем-то онтологически исходным и гносеологически очевидным. Это культурный объект, который человеку необходимо усвоить – научиться правильно употреблять и понимать. Придерживаясь традиций отечественной психологии, идущих от Л. С. Выготского, я считаю, что без знаков не возможен ни сам человек как разумное существо, ни какая-либо

человеческая деятельность. Именно в ходе усвоения речевых и иных знаков формируются высшие психические функции человека (мышление, произвольность внимания и вообще действия (воли), способность к рефлексии и т.д.) и человеческая личность в целом. Знаковая деятельность теснейшим образом связана с деятельностью вообще. И хотя в основе понимания многих знаков лежит телесная моторная память (см., например, о «моторных понятиях» у Р. А. Лурия) – типы предметов, свойства, отношения и т.д., составляющие предметный мир человека, формируются в ходе усвоения человеком речевых и иных знаков (ср. некоторые направления герменевтики и феноменологии, тезис Сепира-Уорфа и т.д.). Именно знаки кодируют выделение (восприятие, узнавание и понимание) нами отдельных «объектов». В свете этих представлений приемы и процедуры, помогающие усваивать, правильно понимать и употреблять знаки, имеют для людей гораздо более важное значение, чем обычно осознается. Их значимость в большей степени, чем к логике (хотя в логике упоминается и используется целый ряд таких приемов), относится к теории аргументации и курсу «критическое мышление», к педагогике и теории обучения, в целом к методологии интеллектуальной деятельности; возможно, что они также имеют определенное отношение к методам психологии и психиатрии.

В данной статье я использую представления о знаке, которые принято называть семантическим (семиотическим) треугольником, или треугольником Фреге. Эти представления проходят через всю традицию «европейской» философии: «Категории» Аристотеля (фр. 1a1–12; [1, с. 53]), учение стоиков (см., например, [20, с. 69–70]), различные варианты схоластической философии (множество связанных с этим споров представлено, например, в [23]), семантика Фреге и др., а также встречается в восточной интеллектуальной традиции, например, в «Йога-сутрах» Патанджали (кн. III, сут. 17) и комментариях к ним Вясы [14, с. 158–160]). Такое устойчивое выделение трех основных аспектов знаковой структуры заставляет предполагать, что обращение именно к семиотическому треугольнику как модели знака (и, в контексте решаемой задачи, как принципу придания логике большей внутренней связности) не является чем-то произвольным и чужеродным по отношению к логике.

Согласно этим представлениям (см. рисунок 1), знак – это объект, задаваемый тремя взаимосвязанными аспектами, которые я далее буду обозначать терминами «знаковая форма» (также встречаются названия: знак, обозначающее, означающее), «предметное значение, обозначающее, означающее», «предметное значение, обозначающее, означающее», «предметное значение, обозначающее, означающее».

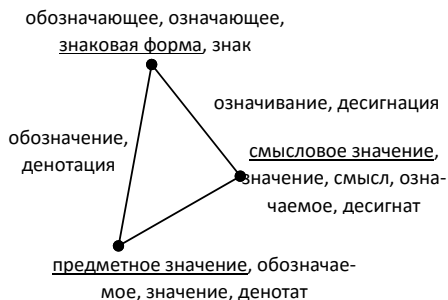

Рисунок 1. Семантический треугольник.

ние» (также: значение, обозначаемое, денотат и др.), «смысловое значение» (также: смысл, значение, означаемое, десигнат и др.).

2. Приемы формирования и пояснения знаков

Из приемов, формирующих или поясняющих знаки, в логике традиционно рассматриваются только *определения*. Но в некоторых отечественных учебниках логики XIX–XXI вв. в теме «Определение» упоминаются и иные поясняющие приемы, трактуемые как *приемы, сходные с определениями*. Например, в [12, с. 286–287] упоминаются описание; в [22, с. 28–29] – указание (остенсивное определение), описание, сравнение, характеристика, различие; в [17, с. 120–121] – перечисление (как вариант пояснения на примерах); в [6, с. 47–50] – описание, сравнение, характеристика, разъяснение посредством примера, различие; в [10, с. 164–165; 9, с. 152–153; 11, с. 166–168] – остенсивное определение (непосредственное указание; в [11, с. 168] трактуются как частный случай пояснения на примере), описание, сравнение (образное, неаналитическое), характеристика, пояснение на примере; в [3, с. 200–201; 4, с. 444–445] – остенсивное определение, описание, сравнение; в [5, с. 224–227] – указание (остенсивное определение; у авторов включает и пояснение на примере), описание, сравнение (аналитическое, соответственно, подразумевающее различие как составную часть), характеристика; в [15, с. 75–76] – указание (остенсивное определение), описание, характеристика, сравнение; в [7, с. 62] – остенсивное определение, описание, сравнение; в [18, с. 47] – описание, характеристика, сравнение (уподобление), остенсивное определение (считает определением); в [13, с. 52–53] – остенсивное определение (авторы относят его к неявным определениям), описание, сравнение, характеристика; в [21, с. 53, 55–56] – остенсивное определение (автор относит его к неявным определениям), описание, сравнение (образное), характеристика, различие. В книге Д. П. Горского «Определение» такие приемы идут под названием «неполные определения», в [8, с. 84–89, 101] упоминаются: остенсивное определение, приведение примеров (называются автором экземплярными определениями), описание, указание на род.

Некоторые из упомянутых авторов относят часть этих приемов к неявным или «неполным» (Горский) определениям, обычно указывается, что хотя эти процедуры иногда функционируют в качестве определений, их все-таки необходимо строго отличать от собственно определений. Такая перспектива представляет эти приемы чем-то заведомо второсортным и неполноценным, некоторыми «недоопределениями». Тогда как в свете исходной задачи – знакомства с некоторым данным знаком, его пояснения и освоения (без чего невозможна никакая человеческая деятельность) – определения являются одной из, причем весьма специфической и ограниченно применяемой, группой поясняющих приемов. Поэтому я считаю, что необходимо рассматривать как родовую группу именно поясняющие приемы, а среди них уже особо выделять определения.

3. Принципы систематизации проясняющих приемов. Проясняющие приемы, направленные на знаковую форму

Для формирования знака человеку нужно дать представление о всех трех частях знака: о его знаковой форме, о его предметном значении и о его смысловом значении (возможно, также и об особенностях их взаимосвязи). Часто бывает, что знак нам частично знаком (например, встретился при чтении книги), но мы его не понимаем, не усвоили в достаточной степени или усвоили не верно. В этих случаях иногда бывает можно обойтись пояснением лишь какого-то одного или двух аспектов знака. Соответственно, согласно модели знака, описываемой семантическим треугольником, можно выделить три базовых типа приемов прояснения (пояснения) знака: направленные на знаковую форму (1), на смысловое значение (2), на предметное значение (3). Тогда как приемы, направленные сразу на два (4–6) или на все три аспекта знака (7), можно считать получающимися их комбинацией. В соответствии с этими тремя аспектами знака и разберем приемы прояснения знаков.

Приемов пояснения знаковой формы в курсах логики обычно не описывается, но такие процедуры широко используются, в том числе и в логике. Это пояснение синтаксического или грамматического типа знаковой формы (знака). Например, указание, буквой какого алфавита является некоторое буквенное обозначение. Скажем, «а», «В», «с», «х» – это буквы русского, латинского, английского или какого-то еще алфавита? Это указание, представляет ли некоторая буква собственно букву или же однобуквенное слово. Например, знаки «в», «с», «у» – это буквы русского алфавита или соответствующие предлоги русского языка? Это может быть уточнение в случае грамматических омонимов, какой частью речи является слово. Например, слово «течь» – это существительное или же глагол? И т.п.

Пример пояснения знаковой формы в процедурах смешанного типа дают словарные статьи в языковых словарях, сочетающие обычно описание как грамматической формы слова (аспект знаковой формы), так и его лексического (смыслового) значения. Аналогично этому можно построить и такие комплексные определения (я называю их *семиотически номинальными*, в отличие от обычных, «семиотически реальных» определений), которые трактуют определяемую часть как знак, то есть содержат, как минимум, точное описание его знаковой формы и определение его смыслового значения¹¹.

4. Проясняющие приемы, направленные на предметное значение

Из традиционно упоминаемых в логике проясняющих приемов к *приемам, направленным на предметное значение*, относится только так называемое *остенсивное определение*. Часто этот прием называют *указанием*. Здесь необходимы некоторые пояснения. Во-первых, указать на некоторый объект

¹¹ Мы еще вернемся к этому приему в параграфе, посвященном реальным и номинальным определениям.

можно как непосредственно, так и посредством указания на «изображение» этого объекта. Соответственно, нужно различать два вида указаний: *непосредственное* и *опосредованное*. Обычно остенсивное определение понимается именно как непосредственное указание (хотя в известных мне учебниках в явном виде они так маркируются только в [19, с. 175; 10, с. 164]). Думаю, что именно так их и нужно понимать¹².

Но в практике широко используются различные способы опосредованного указания. Например, указание на объект посредством указания на его изображение широко используется в педагогической практике (чему служат различные наглядные пособия). Или указание на объект путем приведения издаваемых им хорошо узнаваемых специфических звуков используется в некоторых лингафонных курсах иностранных языков. Такие опосредованные указания можно назвать *демонстрациями*¹³.

Но не на все объекты можно указать путем демонстрации его чувственного образа. Например, на такой объект как «знак» можно указать только опосредованно, причем только путем приведения его схемы (бинарной схемы, семантического треугольника, семиотического тетраэдра или чего-то подобного, в зависимости от целей и представлений автора), как это было сделано в первом параграфе данной статьи. Считать ли *указание через схематизацию* частным случаем демонстрации или отдельным, третьим видом указания – вопрос во многом конвенциональный. Но есть здесь некоторая специфика. Схема – это, в первую очередь, некоторая концептуальная, смысловая структура объекта. И только вторичным образом мы можем эту концептуальную схему представить визуально, например, посредством схемы-рисунка. В силу этого, схему-рисунок можно трактовать как изображающую не сам объект, а его концептуальную структуру, то есть как указание на смысл. Правда, если изображаемый объект сам имеет смысловую природу, то такое возражение вроде бы обесценивается. По крайней мере, здесь остается некоторая неопределенность. Исходя из нее, думаю, что указание через схематизацию лучше трактовать как отдельный вид опосредованного указания, которое иногда работает как демонстрация, а иногда, возможно, носит характер смешанной процедуры прояснения: предметного и смыслового значений одновременно.

Также возникает ряд проблем с интерпретацией некоторых математических определений. В частности, в связи с процедурами, трактуемыми математиками как «экстенциональные» определения. При этом, экстенциональ-

¹² Впрочем, некоторые авторы, наоборот, существенно расширяют значение термина «остенсивное определение», подводя под него и пояснение на примерах. См., например, [5, с. 225].

¹³ Этот поясняющий прием упоминается также в [19, с. 175], где соответствующие поясняющие конструкции называются иллюстрациями, или иллюстрациями-определениями.

ное определение константы является вариантом остенсивного определения, но может ли такое пояснение или установление предметного значения личного имени считаться определением вне математики, остается вопросом. Аналогично, «определение» множества путем перечисления всех его элементов трактуется в математике как вполне законное определение множества. Эту процедуру естественно трактовать как серию указаний на элементы некоторого множества, то есть как процедуру прояснения знака, обозначающего множество, через указание его предметного значения (просто в силу природы объекта это указание осуществляется не разово, а серийно). Если мы пытаемся обобщить различные используемые в реальной практике определения, то необходимо признать экстенциональные (направленные на предметное значение) определения частным случаем определений (другой случай – интенциональные, направленные на смысловое значение определения). Тогда придется отказаться от понимания определений как число речевой процедуры, направленной на прояснение именно смыслового значения некоторого знака. Либо же «экстенциональные определения» придется признать особым приемом прояснения, лишь в некоторых случаях (например, в математике) способным играть роль определения.

Возможная неоднозначность появляется также в связи с объектами, имеющими концептуальную природу, например, с числами: считать ли указание числа (например, путем написания соответствующей цифры) остенсивным определением или нет? Аналогичная ситуация возникает с формальными буквами: является ли написание буквы формального алфавита вариантом остенсивного определения или нет? От этого зависит трактовка так называемых индуктивных определений. Если перечисление формальных знаков в базисе индукции является серией остенсивных определений, то индуктивное определение дает пример комплексной проясняющей процедуры, сочетающей прояснение и предметного, и смыслового значения. В любом случае, такое перечисление нужно отличать от перечисления как варианта пояснения на примере (пояснение через перечисление гипонимов поясняемого слова), которая будет операцией пояснения смыслового значения.

В целом, здесь требуются еще дополнительные исследования и, возможно, с привлечением более сложных семиотических представлений.

5. Проясняющие приемы, направленные на смысловое значение. Семантические виды определений

Все остальные упомянутые выше проясняющие приемы являются приемами пояснения смыслового значения объясняемого знака. Это – определение (кроме, возможно, нескольких особых случаев, разобранных в предыдущих параграфах), описание, сравнение, характеристика, различение (дистинкция), пояснение на примере, квазиопределение, указание на род и, возможно, другие. С точки зрения систематизации этих приемов, не все ясно, хотя определенные возможности здесь имеются. Например, все эти при-

емы можно считать частными случаями описания на том основании, что описания могут сочетать в себе остальные приемы в любых вариантах. Определение через перечисление (по крайней мере, в одной из его форм) может считаться частным и крайним случаем пояснения на примере. Родовидовое определение можно считать сочетанием приемов указания на род и характеристики. Различение можно считать частью процедуры аналитического сравнения или ее частным случаем, в зависимости от выбора, что из них считать первичным проясняющим приемом. В целом здесь необходимы дополнительные исследования.

Остановимся подробнее на определениях. В выделении разновидностей определений я в целом следую [3], добавляя лишь некоторые новые виды, отсутствующие в этом учебнике. Как я пояснил ранее, имеется несколько видов аномальных определений, которые не являются определениями, направленными на прояснение смыслового (или только смыслового) значения. Это семиотически номинальные, реальные (предметные) перечислительные и, возможно, некоторые другие. Остальные определения можно назвать *нормальными* или *интенциональными*. Но предлагаемые далее способы систематизации можно относить ко всем перечисленным видам определений, в том числе к аномальным.

Основная часть делений определений на виды или выделений среди определений некоторых специальных разновидностей основаны на особенностях их знаковой формы. Они рассматриваются в следующем параграфе.

Начнем с систематизации определений по предметному значению. В случае определений – это предметное значение определяемой и определяющей части (оно, очевидным образом, должно совпадать; исключение – все те же семиотически номинальные определения). Определения можно *разбить* на виды на основании типа определяемого в них объекта (если задана замкнутая онтология), в ином случае можно говорить о *выделении* по этому же основанию некоторых видов (разновидностей) определений. Это определения об индивидуе, о множестве, о свойстве, об отношении и т.д. Сюда нужно отнести и определения о факте (или о ситуации, о положении дел), учитывая возможность, что определяемая и определяющая части синтаксически являются предложениями.

С точки зрения методической, имеет смысл вводить систематизацию по этому основанию не для всех видов определений, а лишь для некоторых видов. Так, для явных определений это деление или выделение удобно вводить как виды по предметному значению определяемой части (определяющая часть очевидным образом должна соответствовать определяемой). Для неявных же определений имеет смысл вводить систематизацию по этому основанию лишь для некоторых видов. Так, рекурсивное определение – это всегда определения функции. Соответственно, такая систематизация окажется вырожденной: класс рекурсивных определений функции тождественен

классу рекурсивных определений в целом. Аналогично, всякое первичное индуктивное определение – это определение множества. А вот в случае табличных определений такая систематизация уместна, поскольку с помощью определений этого вида могут определяться функции (как предметные, так и истинностные), свойства и отношения (бинарных).

Систематизация определений по смысловому значению почти не применяется. Единственный безусловный пример такой систематизации – выделение среди явных простых родовидовых определений тех или иных разновидностей по типу видового отличия понятия, являющегося смыслом определяющей части. На этом основании можно выделить (хотя мне эти деления кажутся устаревшими) *положительные* и *отрицательные, относительные (реляционные)* и *безотносительные* определения. Кроме того, обычно выделяют также квалифицирующие (атрибутивно-реляционные), генетические, целевые и операциональные определения (см. [10, с. 169–170; 9, с. 157–158; 11, с. 171; 3, с. 205; 4, с. 430–431], о некоторых из них см. в [17, с. 118; 2, с. 58; 5, с. 213; 15, с. 74; 7, с. 63–64])¹⁴. Сложные родовидовые определения могут иметь смешанный вид.

6. Систематизация определений по их знаковой форме

Основное деление определений по их знаковой форме – на *явные* (имеющие четко различаемые определяемую и определяющую части, связанные определительной связкой) и *неявные* (все остальные). Явные определения очевидным образом имеет смысл систематизировать по характеристикам определяемой и определяющей частей. В данном параграфе я рассмотрю только систематизации по особенностям знаковой формы этих частей.

По особенностям знаковой формы определяемой части явные определения можно разбить на *контекстуальные* и *неконтекстуальные*¹⁵. Другим

¹⁴ Эти типы определений можно найти и среди других групп. Например, среди неявных определений рекурсивные и индуктивные (по крайней мере, первичные индуктивные) определения являются генетическими, тогда как аксиоматические определения как правило нужно трактовать как квалифицирующие (возможное исключение – если сама аксиоматизированная теория является теорией порождения, функционирования или оперирования с определяемыми объектами).

¹⁵ На мой взгляд, это неудачная терминология, поскольку каноническим типом явных определений являются неконтекстуальные определения, тогда как вербально (благодаря этой терминологии) ситуация представляется противоположным образом, что создает некоторые затруднения. В трактовке контекстуальных определений я согласен с [3, с. 210], что это отдельное деление определений, не зависимое от деления на явные и неявные определения. Но для неявных определений это деление как инструмент систематизации, с моей точки зрения, не эффективно (для некоторых важных видов неявных определений это деление оказывается вырожденным: например, все рекурсивные и все аксиоматические определения – контекстуальны). В [4, с. 438] позиция авторов изменяется и они контекстуальные определения относят целиком к явным (к неявным относят только определения через контекст, которые формальными определениями, на мой взгляд, не являются). Я не согласен с этой новой позицией

способом систематизации явных определений по особенностям знаковой формы их определяемой части (кроме некоторых исключений это будет верно и для определяющей части) является выделение разновидностей определений на основании типа выражения, являющегося формальной определяемой частью. Здесь два основных вида определений – определение термина и определение (повествовательного) предложения. Они встречаются и при работе с естественным языком, и при работе с предикатными языками. В речи также часто встречается определение глагола или, в более общей форме, определение сказуемого. Но возможны и другие речевые определения, причем, в одних языках могут быть типы выражений, отсутствующие в других. В некотором конкретном искусственном языке круг возможных синтаксических (или грамматических) типов языковых выражений строго фиксирован. Кроме того, фиксирован перечень синтаксических (грамматических) типов выражений, для которых разрешено строить определения. Например, в контексте языков логики предикатов традиционного вида возможны: *определение индивидуального знака, определение функции или фактора, определение предиката или предикатора, определение пропозициональной связки, определение квантора*. Но создать для всех потенциально возможных искусственных языков такой исчерпывающий список типов определяемых выражений невозможно.

По структуре определяющей части среди явных определений можно выделить *родовидовое определение* (определяющая часть является родовидовым термином), *определение по частям (по случаям)* (широко применяется в математике для задания функций и отношений), *определение через перечисление*. Этими случаями этот список, по всей видимости, не исчерпывается. Так, среди семиотически реальных определений родовидовое определение – это определение термина. Но при определении выражений других синтаксических типов (но не высказываний) также возможны определения, похожие по структуре на родовидовые, но не являющиеся ими в строгом смысле сло-

авторов, поскольку рекурсивные определения дают, на мой взгляд, пример как раз неявных контекстуальных определений. Некоторые авторы, наоборот, все контекстуальные определения относят к неявным (например, в [5, с. 215; 10, с. 171; 9, с. 159; 11, с. 170; 15, с. 73; 13, с. 52]). Но Ивлев при этом делит контекстуальные определения на нормальные (которые Бочаров, Маркин и я относим к явным) и ненормальные (которые я, как и Ивлев, отношу к неявным; в [10, с. 171] они называются также *собственно контекстуальными*). Кроме того, в [9, с. 159–160], как и в [4, с. 438], выделяются *определения через контекст*, которые все три автора относят к неявным (для названия этого вида проясняющих процедур и был некогда придуман сам термин «неявное определение»). В этом отнесении я с ними согласен при условии принятия поправок Ивлева, что «определения через контекст» *не маркированы* в качестве определений и что *не каждый* контекст, позволяющий как-то прояснить неизвестный знак, проясняет его в достаточной степени, чтобы считаться определением [10, с. 171–172; 9, с. 159–160]. То есть речь идет о некотором виртуальном определении.

ва. Например, в определении по схеме «бежать – значит передвигаться так-то и так-то». Бег, безусловно, является видом передвижения (элементом множества «виды передвижения»), но «передвигаться» не является в точном смысле родом для «бежать».

Поскольку в родовидовых определениях определяющая часть задает некоторое понятие, то для их систематизации применимо все, что применимо для систематизации понятий. Так, они могут быть *простыми* и *сложными* (в зависимости от того, задают они простое или сложное понятие). Или, чтобы не выходить за пределы анализа знаковой формы, в зависимости от того, можем ли мы представить определяющую часть (являющуюся родовидовым термином) как результат булевых операций над несколькими более простыми родовидовыми терминами. Также деление на *положительные* и *отрицательные*, *относительные* и *безотносительные* можно ввести как синтаксические – в зависимости от наличия или отсутствия в родовидовом термине знака соответствующего вида.

В [3; 4]¹⁶ рассматривается только три вида неявных определений (индуктивные, рекурсивные и аксиоматические), но их, очевидно, больше. Среди неявных определений можно выделить *определение по частям* (оно имеет как явный, так и неявный варианты)¹⁷, *табличное определение* (упоминается в качестве определения, например, в [5, с. 216; 10, с. 171; 9, с. 159]), *графовое определение*, *определение при помощи теория-подобных объектов* (ТПО) и, вероятно, другие.

Определение по частям (по случаям) может иметь *явную* и *неявную* форму, причем, любое явное определение по частям автоматически может быть представлено в неявном виде. Обратное это не верно; к таким неявным определениям по частям, на мой взгляд, нужно отнести *индуктивные определения*: первые случаи описывают базис индукции (обычно это один случай), остальные случаи – варианты индуктивного шага. Специфика индуктивного определения в том, что порядок описания случаев не может быть произвольным (по крайней мере, случаи, описывающие базис индукции, должны предшествовать случаям, описывающим индуктивный шаг). Также к неявным определениям по частям (по случаям) относятся, на мой взгляд, и рекурсивные (рекуррентные) определения.

¹⁶ В [4, с. 434; 7, с. 65] утверждается, что этими тремя видами неявные определения исчерпываются. На мой взгляд, это ошибочное мнение и число типов неявных определений намного больше. Неявные – это определения, не имеющие структуры явного определения, то есть не известно, какую структуру они *могут* иметь. И если индуктивные и рекурсивные определения по структуре похожи (я считаю их вариантами определения по случаям), то аксиоматические принципиально отличны. Использование в математической практике в качестве определений таблиц и графов дает еще два существенно различных вида определения. И пока нет никакой теории, которая могла бы как-то обозреть все возможные варианты неявных определяющих процедур.

¹⁷ К ним я отношу индуктивные и рекурсивные определения.

Табличные определения применимы для определения предметных функций и отображений, свойств, отношений, логических связей и множеств. При этом, область определения должна быть конечной, причем на практике – с относительно небольшим числом элементов. Табличные определения имеют разновидности, с одной стороны, связанные с типом определяемого объекта, а с другой, с наличием разных возможностей. Три основных вида таких определений – это определения при помощи *таблицы-перечисления* (применимы для определения функций, отображений и отношений любой местности), при помощи *матрицы смежности* (применимы для бинарных отношений, а также одноместных функций и отображений) и при помощи таблицы, называемой *матрицей соответствующей операции* (для двухместных функций). Например, для логических связей – это таблицы истинности (вариант таблиц-перечислений) и логические матрицы (матрицы операций). Для отношений – это таблицы-перечисления и матрицы смежности, причем, если отношения трактовать вслед за Фреге как функции особого вида, то для бинарных отношений их матрица смежности совпадает с их матрицей как операции. В целом, этот вид определений удобен (если вообще применим) только для некоторых специфических случаев.

Определения при помощи графов иногда используются в математике для определения отношений, отображений и функций. На практике их использование, как и использование табличных определений, ограничено некоторыми особыми случаями.

В [3, с. 210; 4, с. 434, 436–437] упоминаются *аксиоматические определения* – определения посредством аксиоматического исчисления¹⁸. Но если некоторое аксиоматическое исчисление можно рассматривать в качестве определения, то очевидно, что любое дедуктивно эквивалентное ему исчисление натурального или секвенциального вида также должно рассматриваться как определение той же совокупности объектов и/или терминов. Поскольку любое исчисление можно представить в виде формальной теории (множества формул, замкнутого относительно оператора дедуктивного замыкания), то и такие «теории» также необходимо признать определениями. Часто один и тот же формализм можно считать алгеброй или аксиоматической теорией, в зависимости от содержательной интерпретации выражений этого формализма (символы и операции – сами объекты и действия над ними или же знаки объектов и действий). Соответственно, и алгебры можно считать определениями (что встречается в математической практике, например, определение вещественных чисел как поля). И так далее. В итоге, любую формальную систему, которую можно рассматривать как модель некоторой теории (отсюда термин ТПО, теория-подобный объект), можно считать определени-

¹⁸ Упоминание об описании системой аксиом как об определении можно найти уже в [17, с. 130].

ем соответствующих фигурирующих в ней объектов. Соответственно, получаем большую группу неявных определений, которые можно систематизировать *по типу ТПО* и среди которых аксиоматическое определение – лишь одно из видов¹⁹.

7. *Виды определений, не попадающие в рассмотренную систематизацию при помощи семантического треугольника*

Ряд принятых видов определений не вписывается напрямую в предложенную схему систематизации. Но и их можно представить в терминологии семиотического треугольника.

Так, *прагматически реальные и номинальные определения*²⁰ в терминах семиотического треугольника трактуются следующим образом: прагматически реальное определение описывает в явном виде *смысловое значение*, уже связанное со *знаковой формой*, тогда как прагматически номинальное определение – формирует и впервые связывает со *знаковой формой* некоторое *смысловое значение*.

Деление определений на *онтологически реальные и номинальные*²¹ связано с нашими представлениями о существовании или несуществовании в «реальности» тех объектов, определение которым дается. Соответственно, онтологически реальное определение описывает (приписывает) *предметное значение*, существующее в «реальном» мире, тогда как онтологически номинальное определение описывает (приписывает) *предметное значение*, существующее только в некотором «воображаемом» мире.

Деление определений на *семиотически реальные и номинальные* уже обсуждалось выше²². Соответственно, семиотически реальное определение описывает (приписывает) *смысловое значение* путем непосредственного описания *предметного значения*, тогда как семиотически номинальное опре-

¹⁹ Правда, можно на все «определения» через ТПО (включая аксиоматические) посмотреть иначе, как на *определения через контекст*.

²⁰ Терминология из [3, с. 211]. Обычно эти виды определений обозначаются просто как реальные и номинальные (например, в [10, с. 168; 9, с. 165–156; 11, с. 169–170; 15, с. 72]). В [4, с. 439] те же авторы вообще отказались от данного традиционного деления и все определения трактуют как номинальные (используя слова «номинальный» и «реальный» уже в другом значении).

²¹ В [3, с. 211] это *семантически реальные и номинальные определения*. Но граница между ними, очевидно, связана не собственно с семантикой, а с принимаемыми онтологическими предположениями. В [4] авторы просто называют их реальными и номинальными [4, с. 440]. В [17, с. 119] они называются *категорическими* и *гипотетическими (условными)*, соответственно.

²² Похожее понимание реальных и номинальных определений можно найти в [17, с. 118–119; 16, с. 86–87; 18, с. 47]. У этих авторов в «номинальных» акцент делается на определении именно знаковой формы; допускается при этом, что на определение знаковой формы (автонимность определяемой части) указывает только связка; смысловое значение может раскрываться неполно.

деление описывает (приписывает) *смысловое значение* через описание *знаковой формы, предметного значения* и установление связи между ними.

Иногда выделяются и другие виды определений, которые я здесь рассматривать не буду.

8. Заключение

Мне представляется, что предложенные принципы систематизации имеют еще одно практическое применение. А именно, при построении общих курсов и соответствующих учебников логики.

Использование единых принципов, проходящих сквозь все изложение некоторого предмета, делает это изложение более связным и последовательным. Этого не хватает, на мой взгляд, курсам современной логики. Связано это, в первую очередь, с отсутствием в настоящее время единого, более или менее консенсусного понимания предмета логики, которое задавало бы как общую структуру учебного предмета, так и модель интерпретации конкретных логических приемов. Такая ситуация связана в значительной степени с последствиями математической революции, произошедшей в логике около столетия назад и породившей некоторое раздвоение предмета логики. С одной стороны, логика в Новое время традиционно понималась как наука о мышлении, причем обычно связывалась с познающим мышлением. Это понимание фальсифицируется при переносе его на символическую (математическую) логику. С другой стороны, математическую (символическую) логику можно понимать как учение о формальных выражениях особого вида и действиях над ними или как учение о функциях особого типа (возможно, и как-то еще). Но такие трактовки логики также фальсифицируются при переносе их на традиционную логику. Иногда логику понимают как науку о рассуждениях и доказательствах. Действительно, это историческое ядро как традиционной, так и символической логики. Но, во-первых, и то, и другое направление логики занимается не только рассуждениями (еще, например, определениями). Во-вторых, рассуждениями и доказательствами занимались или занимаются диалектика (в традиционном антично-средневековом значении этого слова), риторика, теория аргументации и т.п. Соответственно, такое понимание представляется несоразмерным. Таким образом, курсы логики, пытающиеся сочетать наработки как традиционной, так и символической логики оказываются в сложной ситуации: имеется ряд традиционных, но достаточно разнородных логических тем, методик формализации, приемов анализа и т.д., которые существуют во многом сами по себе, вне единой структуры.

В этом свете представляется достаточно перспективным использование семантического треугольника в качестве средства придания курсам логики большей связности и последовательности. Ставшая уже традиционной вводная часть, посвященная знакам, из ритуальной, почти не связанной с дальнейшим изложением, становится при этом теоретической и методиче-

ской основой изложения разделов, посвященных анализу терминов, понятий, высказываний (предложений вообще) и определений. Что понятно, учитывая, что речь в них идет о некоторых видах знаков и о создании и уточнении знаков. В случае других тем такой тесной интеграции не получается. Это также понятно, учитывая, что разделы, посвященные теории вывода, исчислениям, другим ТПО и, в значительной степени, логическая семантика связаны именно с анализом рассуждений (логического следования). Соответственно, естественным принципом интеграции этих разделов логики является, видимо, их трактовка как анализа рассуждений.

Тем не менее, и здесь семантический треугольник применим. В-первых, все языковые и знаниевые объекты, интересующие логику, интересуют ее с особой точки зрения, а именно со стороны их «логической формы» (хотя этот термин и не всегда используется), которую можно понимать как некоторый аспект их знаковой формы. Все формальные построения, используемые в логике, соответственно интерпретируются как аналогичные априорные логические формы (или служащие их анализу, если речь идет о семантических построениях). Различные ТПО, соответственно, могут интерпретироваться как логические формы теорий. Во-вторых, введение представлений о высказываниях обычно предваряет или интегрировано в тему, посвященную анализу рассуждений. Что, соответственно, связывает эту тему с первым, семиотическим блоком. В-третьих, семиотические понятия и различия применимы и к области анализа рассуждений. Так, синтаксические построения (исчисления и формальные теории, правила вывода, выводы и доказательства в их общепринятых формальных определениях) относятся к уровню знаковой формы. Умозаключения (как описание логически допустимых форм элементарных рассуждений) в зависимости от интерпретации могут относиться как к уровню знаковых форм, так и к уровню смысловых значений. Формальные логические семантики, алгебры, алгебраические и реляционные системы обычно понимаются как относящиеся к уровню предметных значений (хотя также могут интерпретироваться как логические формы).

Из традиционных объектов остались не упомянутыми деление и классификация. Но и здесь возможно установление некоторых связей с семантическим треугольником. Не только потому, что в логике применяются классификации и знаковых форм, и смысловых значений (например, понятий), и предметных значений (например, типов объектов). Но и само классифицирование имеет разные трактовки: экстенциональную (связана с уровнем предметных значений) и интенциональную (связана с уровнем смысловых значений, в данном случае – признаков).

Элементы предложенного подхода представлены в учебниках логики различных авторов (например, в [3; 4]). Но, к сожалению, это лишь отдельные моменты, не образующие единой концептуальной системы. Еще раз об-

рашу внимание, ряд задач и даже проблем остаются пока не решенными в рамках представленного подхода, причем, относящихся не только к другим разделам логики, но и к теории определений.

Литература

1. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М., 1978.
2. Асмус В. Ф. Логика. М., 2001.
3. Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики. М., 1994.
4. Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. М., 2008.
5. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. М., 1994.
6. Гетманова А. Д. Учебник логики. М., 2010.
7. Горбатов В. В. Логика. М., 2002.
8. Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). М., 1974.
9. Ивлев Ю. В. Логика для юристов. М., 2001.
10. Ивлев Ю. В. Логика. М., 2002.
11. Ивлев Ю. В. Учебник логики: Семестровый курс. М., 2003.
12. Карпов В. Н. Систематическое изложение логики. СПб, 1856.
13. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 2011.
14. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья») / Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. М., 1992.
15. Кузина Е. Б. Логика в кратком изложении и упражнениях. М., 2000.
16. Логика / Под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М., 2011.
17. Лосский Н. О. Логика. I. 1923.
18. Никифоров А. Л. Книга по логике. М., 2005.
19. Свинцов В. И. Логика. М., 1987.
20. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
21. Хоменко И. В. Логика. М., 2014.
22. Челпанов Г. И. Логика. М., 2010 (с изд. 9-е, 1915).
23. Шишков А. М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003.

«Тописка» Аристотеля и нечеткая логика

С.В. Гарин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Aristotle's Topeka and Fuzzy Logic

S.V. Garin

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация. Понятия и модели рассуждений, которые мы используем, существенно влияют на понимание, коммуникацию и даже на самосознание. При всей важности семантического арсенала мышления и коммуникации, тем не менее, смысловые границы многих понятий, их «*Sinn und Bedeutung*» часто остаются нечеткими из-за диффузного сознания агентов коммуникации [1], скрытых, интенциональных контекстов, нечетких типов диалога [2]. Гален Пергамский заметил, что некоторые слова имеют весьма неопределенные границы [3] и, следовательно, предложения естественного языка часто оказываются ни истинными, ни ложными, и даже не бессмысленными, а, скорее, истинными и ложными *в определенной степени* [4].

Ключевые слова: нечеткая логика, истина, ложь, диалектический дискурс, энтинема, силлогизм.

Как известно, со времен Аристотеля существует различие между *реальными* и *правдоподобными* рассуждениями. В античности, на наш взгляд, существовал своеобразный аналог нечеткой логики (преимущественно неформальный), связанный с аристотелевской «Топикой». Как известно, «Тописка» содержит теорию *диалектического дискурса*, которая, как мы собираемся показать, нацелена на исследование и *использование* нечетких типов мышления и аргументации. Со времен «Топики» существовала богатая традиция анализа рассуждений, имеющих *приблизительную степень точности*. Примечательно, что «главный имперский логик», глава перипатетической школы 3-го в. Александр Афродисийский относит «Топику» к числу пособий для *практикующих* философов [*In Top.* 1.1. 1-5]. Это, во многом, говорит в пользу того, что мир «Топики» – это мир особого философского *праксиса*, связанного как с коммуникативно-диалектическим, эротетическим столкновением участников, так и с погружением дискурса в диффузно-нечеткую среду рассуждающих «толп» – всех тех городских, гражданско-политических и хозяйственных общественных сред, где коллективно вырабатывались решения на основе *ἔνδοξα*.

Ключевыми понятиями «Топики» являются *ἔνδοξα* и *πρότασις διαλεκτική*. Последнее можно представить в виде нечеткой 6-значной матрицы истины-правдоподобия (*f*), согласно которой, диалектическое положение есть вопрос, правдоподобный или для всех (*p*₁), или для большинства людей

(p_2), или для мудрых (p_3) – всех (p_4), либо большинства (p_5), либо самых известных из них (p_6), т. е. согласующийся с общепринятым [Тописка, 104 а]. Правдоподобное здесь ($\acute{\epsilon}\nu\delta\omicron\xi\omicron\varsigma$) релятивно $\acute{\epsilon}\nu\delta\omicron\xi\omicron\alpha$. Эпистемологическими гарантиями правдоподобной истинности (f) некоторого положения выступают элементы дизъюнктивного множества E : $\{p_1 \vee p_2 \vee p_3 \vee p_4 \vee p_5 \vee p_6\}$.

Можно увидеть, что (f) = *fuzzy 1*, если истинна дизъюнкция E . Очевидно, то, что истинно для мудрых (p_3), или для известных (p_6), может быть ложным для большинства (p_2). Таким образом, функция истинности-правдоподобия (f) пробегает по множеству E . Нечеткость истинности здесь связана с разложением и контекстуализацией универсума истинности аналогично многозначной логике Роуза (*Rose*).

Однако, «Тописка» может быть рассмотрена и как разновидность неформальной нечеткой логики. Когда Л. Заде поставил вопрос об *approximate reasoning* [5], он, во многом, развивал идею Аристотеля, связанную с построением четкого дискурса для того, чтобы иметь дело с нечетким. Фактически любое понятие «Топки» в рамках $\acute{\epsilon}\nu\delta\omicron\xi\omicron\alpha$ денотативно можно рассматривать как *fuzzy set*, поскольку для всякого индивида существует неоднозначная функция его принадлежности (*membership function*) $\mu_X(y)$ к множеству от 0 к 1. Нечеткая функция принадлежности и нечеткие множества, на наш взгляд, и отражают то, что Гален описывал как *неопределенность понятий*. Неопределенность здесь связана с тем, что вместо четкой функции построения множества, существует нечеткая градуирующая функция принадлежности. Отсутствие булевого множества и однозначных булевых функций при построении понятий и приводит к их *неопределенной семантике*. Такие понятия «Топки» близки к тому, что в *fuzzy logic* понимается под *linguistic variables*. Предикаты в нечетком силлогизме «Топки» также можно рассматривать как лингвистические переменные. Отношение между двумя нечеткими множествами также является нечетким. В рамках $\acute{\epsilon}\nu\delta\omicron\xi\omicron\alpha$, в отличие от строгого дефинитивно-стандартизированного мира «Аналитик», циркулирует $\acute{\epsilon}\nu\delta\omicron\xi\omicron\varsigma$, т.е. положение, имеющее ту или иную степень приемлемости (т.е. степень истинности). Также, в «Топике» можно усмотреть и неформальный некантитативный аналог *defuzzification principle* в виде замены всех *fuzzy sets* на логически-дефинитивно установленные понятия, четкие множества (*crisp sets*), а также, в виде трансформации нечетких *энтимем* в *силлогизмы*. Переход от энтимемы к силлогизму, во многом – это трансформация нечеткого вывода в четкий, а перевод «Топки» на язык «Аналитик» и есть неформальная *дефаззификация*.

Литература

1. Williamson, T. Vagueness. NY, 1996.
2. Grant, C. B. Uncertainty and Communication: New Theoretical Investigations. Palgrave- Macmillan, 2007.

3. Edlow, R. B. Galen on Language and Ambiguity. Leiden, 1977.
4. Lakoff, G. Hedges: A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts. // Journal of Philosophic Logic .1973. №2, P. 458-508.
5. Zadeh L. A. Fuzzy Logic and Approximate Reasoning // Synthese. 1975, №30. P. 407–428.

Семантика многозначных логик и условия вывода в ней CL_2

С.А. Павлов

Институт философии РАН, г. Москва

Many-valued logics semantics and inference conditions of CL_2

S.A.Pavlov

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация. Сформулированы условия вывода классической двузначной логики высказываний CL_2 в семантике многозначных логик с использованием теории J -операторов.

Ключевые слова: семантика многозначных логик, J -операторы, логика высказываний.

Целью данной работы является нахождение условий вывода классической двузначной логики высказываний CL_2 в семантике многозначных логик.

Многозначные интерпретации классической и неклассических логик основываются на следующих положениях.

Имеется язык n -значной логики с множеством переменных Var и с множеством формул этого языка For .

Имеется множество значений $\{v^0, v^1, \dots, v^{n-1}\}$ n -значной логики, которые попарно различны.

Функция оценки (означивания) v есть отображение множества For на множество $\{v^0, v^1, \dots, v^{n-1}\}$ (сокр. $v: For \rightarrow \{v^0, v^1, \dots, v^{n-1}\}$).

Будем использовать теорию J -операторов (введенными Россером и Тьюркеттом [2, p.18]. Теория J -операторов является частью метатеории логической семантики, в которой строятся семантики многозначных логик и доказываются метатеоремы корректности и семантической полноты.

Введем следующее сокращение (определение), в котором S есть формула языка n -значной логики и $(0 < k < n-1)$:

$J_k(S)$ есть сокращение для формулы $(v(S) = v^k)$, которая является формулой языка логической семантики. Семантическое утверждение вида « S принимает значение v^k » содержательно соответствует формуле $J_k(S)$.

Сформулируем (мета)теорию J -операторов (сокращенно JT) как подтеорию метатеории логической семантики многозначных логик.

Пусть имеем неклассическую логику L_n , имеющую многозначную интерпретацию с одним выделенным значением v^1 и одним анти-выделенным значением v^0 . J_1 -оператору соответствует значение v^1 , а J_0 -оператору соответствует значение v^0 . Свойства этих операторов будем задавать аксиоматически.

Множество формул языка n -значной логики L_n (L_n -формул) есть $L_n\text{-For}$. Пусть S, S_1 , есть метапеременные для L_n -формул.

Принимается, что для формул $J_k(S)$, префиксированных J_k -операторами, то есть J_k -формул, имеет место классическая логика высказываний CL_2 . Отметим, что теоремы, фигурирующие далее, являются формулами, для которых имеет место CL_2 , поэтому их доказательство не является трудным.

Приведем формулировку теории JT .

Язык JT (включает в себя множества $L_n\text{-For}$), а также:

\neg, \Rightarrow логические константы, обозначающие отрицание и импликацию,

J_k – J -оператор. $0 \leq k \leq n$.

J_1 – выделенный J -оператор,

J_0 – анти-выделенный J -оператор

Правила образования для языка JT

1. Если S есть L_n -формула, то $J_k(S)$ есть CL_2 -формула (сокр. $CL_2\text{-}\phi$).

J_k -операторы допускает итерацию:

2.1. Если Q есть $CL_2\text{-}\phi$, то $J_k(Q)$ есть $CL_2\text{-}\phi$.

2.2. Если Q_1, Q_2 есть $CL_2\text{-}\phi$, то $(\neg Q_1)$ и $(Q_1 \Rightarrow Q_2)$ есть $CL_2\text{-}\phi$.

3. Ничто иное не есть CL_2 -формула.

Обозначим множество CL_2 -формул как $CL_2\text{-For}$. Пусть Q, Q_1 , есть метапеременные для CL_2 -формул.

Отметим, что множества $L_n\text{-For}$ и $CL_2\text{-For}$ не пересекаются:

$(L_n\text{-For} \cap CL_2\text{-For}) = \emptyset$, что соответствует положению об отделении языка-объекта от метаязыка семантики.

Определим множество $n\text{For} \equiv_{df} (CL_2\text{-For} \cup L_n\text{-For})$. Пусть R, R_1 , есть метапеременные для формул из множества $n\text{For}$.

A.1. *Схемы аксиом* для классической логики $CL_2(CL_2\text{-For}, \neg, \Rightarrow)$

Определим ряд производных связей на множестве $CL_2\text{-For}$ классическим образом.

D1.1. $(Q_1 \wedge Q_2) \equiv_{df} \neg(Q_1 \Rightarrow \neg Q_2)$,

D1.2. $(Q_1 \vee Q_2) \equiv_{df} (\neg Q_1 \Rightarrow Q_2)$,

D1.3. $(Q_1 \preceq Q_2) \equiv_{df} ((Q_1 \vee Q_2) \wedge \neg(Q_1 \wedge Q_2))$,

D1.4. $(Q_1 \Leftrightarrow Q_2) \equiv_{df} ((Q_1 \Rightarrow Q_2) \wedge (Q_2 \Rightarrow Q_1))$.

Определим n -местную исключающую дизъюнкцию \preceq :

D2. $\preceq(Q_1, Q_2, Q_3, \dots, Q_n) \equiv_{df} (Q_1 \wedge \neg Q_2 \wedge \neg Q_3 \wedge \dots \neg Q_n) \vee$

$$\begin{aligned} & \vee (\exists Q_1 \wedge Q_2 \wedge \exists Q_3 \wedge \dots \exists Q_n) \vee \\ & \vee \dots \vee (\exists Q_1 \wedge \exists Q_2 \wedge \exists Q_3 \wedge \dots \wedge Q_n). \end{aligned}$$

Схема аксиом (аксиомы редукции) для J_1 -оператора (выделенного J -оператора)

A.2.1. $(J_1 Q \Leftrightarrow Q)$,

и для J_0 -оператора (анти-выделенного J -оператора)

A.2.2. $(J_0 Q \Leftrightarrow \exists Q)$.

n -лемма:

A.3. $\exists (J_0 R, J_1 R, \dots J_{n-1} R)$.

Правила вывода:

$$\text{R1. } \frac{Q_1, (Q_1 \Rightarrow Q_2)}{Q_2} \text{ MP}$$

Правила введения и удаления J_1 -оператора:

$$\text{R2.1. } \frac{R}{J_1 R} \quad \text{R2.2. } \frac{J_1 R}{R}$$

Построение теории J -операторов **JT** закончено.

Введем следующие определения для D -импликации и D -отрицания на множестве ${}_n\text{For}$:

D3.1. $(R_1 \supset R_2) \equiv_{\text{df}} (J_1(R_1) \Rightarrow J_1(R_2))$

D3.2. $\neg R \equiv_{\text{df}} \exists J_1(R)$

Имеем следующие метатеоремы и теоремы, позволяющие построить логику со связками: \neg и \supset .

Выводимое правило образования:

2.3. Если R_1, R_2 есть формулы, то $(\neg R_1)$ и $(R_1 \supset R_2)$ есть формулы.

Теоремы:

T1.1. $(R_1 \supset (R_2 \supset R_1))$

T1.2. $(R_1 \supset (R_2 \supset R_3)) \supset ((R_1 \supset R_2) \supset (R_1 \supset R_3))$

T1.3. $((\neg R_1 \supset \neg R_2) \supset (R_2 \supset R_1))$

и производное правило вывода:

$$\text{R3. } \frac{R_1, (R_1 \supset R_2)}{R_2} \text{ MP}_{\square}$$

Метатеоремы:

MT1. Для формул из множества ${}_n\text{For}$ имеет место логика с отрицанием \neg и импликацией \supset $\text{CL}_n({}_n\text{For}, \neg, \supset)$ с n -значной неглавной (в смысле Черча) интерпретацией.

MT2. Если $\vdash_{\text{CL}_n({}_n\text{For}, \neg, \supset)} R$, то $\vdash_{\text{JT}} R$.

Необходимо отметить, что в проведенном построении мы не выходили за пределы теории J -операторов Россера-Тюркетта, т. е. JT есть подтеория вышеупомянутой теории.

В JT можно найти условие вывода семантических правил классической двузначной логики.

Приведем V -интерпретацию для языка классической двузначной сентенциальной логики CL со связками \sim и \rightarrow с использованием J -операторов.

Отметим, что $J_k(P)$ есть сокращение для формулы $(v(P) = v^k)$. Тогда сформулируем V -интерпретацию.

V-интерпретация

Функция оценки v есть отображение множества For на множество $\{v^0, v^1\}$ (сокр. $v: For \rightarrow \{v^0, v^1\}$). Выделенное значение: v^1 .

1. $Var \rightarrow \{v^0, v^1\}$.

При этом формулы с равенством заменяются на формулы с J -операторами.

2. $\left\{ \begin{array}{l} J_0(\sim A), \text{ если } J_1(A); \\ J_1(\sim A), \text{ если } J_0(A). \end{array} \right.$
3. $\left\{ \begin{array}{l} J_1(A \rightarrow B), \text{ если } J_0(A) \text{ или } J_1(B); \\ J_0(A \rightarrow B), \text{ если } J_1(A) \text{ и } J_0(B). \end{array} \right.$

В теории JT имеем следующие теоремы, соответствующие условиям V -интерпретации с J -операторами логики со связками \neg и \supset .

$$T2.1. (J_1(R) \vee J_0(R)) \Rightarrow (J_1(R) \Rightarrow J_0(\neg R))$$

$$T2.2. (J_1(R) \vee J_0(R)) \Rightarrow (J_0(R) \Rightarrow J_1(\neg R))$$

$$T2.3. ((J_1(R_1) \vee J_0(R_1)) \wedge (J_1(R_2) \vee J_0(R_2))) \Rightarrow ((J_0(R_1) \vee J_1(R_2)) \Rightarrow J_1(R_1 \supset R_2))$$

$$T2.4. ((J_1(R_1) \vee J_0(R_1)) \wedge (J_1(R_2) \vee J_0(R_2))) \Rightarrow ((J_1(R_1) \wedge J_0(R_2)) \Rightarrow J_0(R_1 \supset R_2))$$

Из этих теорем следует метатеорема $MT3$:

Пусть For_2 есть множество, к которому принадлежит не менее 3-х формул таких, что $(R_k \in For_2)$ и $(J_1(R_k) \vee J_0(R_k))$. Тогда имеем:

$$MT3. \vdash_{JT} CL_2(For_2, \neg, \supset).$$

Отметим, что вывод $CL_2(For_2, \neg, \supset)$ в теории JT следкует при условии только $(J_1(R_k) \vee J_0(R_k))$, без условия принятия семантических правил для связок. Семантические правила для связок выводимы при соблюдении этих условий. Также необходимо сказать, что подобный результат возможен только для классической двузначной логики.

Условие $(J_1(R_k) \vee J_0(R_k))$ можно сравнить с определениями высказываний.

Д.Гильберт и В.Аккерман (в [1, с.19]) пишут «Под высказыванием следует понимать каждое предложение, в отношении которого имеет смысл утверждать, что его содержание истинно или ложно».

Литература

1. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М., 1947.
2. Rosser J.B., Turquette A.R. Many-valued logics. Amsterdam, 1952.

Плюрализм логик и логика плюрализма

А.Ф. Поломошнов

Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский

Pluralism of logic and logic of pluralism

A.F. Polomoshnov

Don State Agrarian University, Persianovsky village

Аннотация. В статье рассматривается проблема возможности универсальной логики и общезначимой, объективной истины в условиях постмодернистской деконструкции принципов классической теории познания: объективности, субстанциональности познающего субъекта и объекта, корреспондентской теории истины. Автор приходит к выводу, что для спасения от разрушительной постмодернистской деконструкции истины и всех ценностей, от разрушительного релятивизма нужно найти средний путь между ограниченным и правильно интерпретируемым плюрализмом и связанным с ним диалогом, и между унифицирующим догматизмом и авторитаризмом. Личностная позиция и цельная логика формируется через диалог альтернативных логик, но важно сложить из фрагментов и подходов цельную истину и наполнить ее гуманистическим смыслом.

Ключевые слова: логика, плюрализм, релятивизм, догматизм, истина.

Мы живем в мире, где абсурд, алогичность являются скорее нормой, а здравый смысл, логика рассматриваются как некая досадная и не актуальная аномалия., где ценится не умение логически корректно мыслить и рассуждать, а мастерство обмана, манипуляций, софизмов. Так имеет ли шансы на простое выживание, не мечтая уже о достойном ее статусе и, тем более господстве, господстве нормальная, корректная универсальная, классическая логика? Фактом нашего времени является плюрализм логик как моделей мышления и способов решения актуальных жизненных задач. А естественным следствием этого факта является странная логика плюрализма, пришедшая на смену универсальным ценностям научной логики и трезвого, здорового разума, воспетого и вознесенного на вершину ценностей культуры

со времен Просвещения. «К числу важнейших событий духовной жизни XX – начала XXI в. принадлежит распад структур рефлексивного мышления и как следствие этого, – релятивизация ранее господствовавших представлений об истине. Распространение принципа «плюрализма мнений» на область оценки условий идентификации достоверного знания обусловило формирование убеждений об ограниченности, эпистемологической нейтральности и даже несовместимости классической концепции истины с решением высших телеологических задач научного творчества, о множественности истины, включающей едва ли не целое «семейство» постнеклассических форм (лингвистическая, прагматистская, экзистенциально-герменевтическая)» [4, С.81].

Принципы теории познания, казавшиеся незыблемыми, такие как субстанциональность объекта и субъекта познания, принцип отражения, принцип объективности, да и сама истина в классическом понимании как соответствие знаний действительности, сегодня оказались под большим вопросом. «В философии и методологии науки последних десятилетий понятие истины, ранее определявшее теоретическую и практическую ценность и цели научного познания, – не только крайне редко используется, но и подвергается уничтожающей критике как признак мифологизации, как главное, подлежащее радикальной «деконструкции» препятствие на пути человеческого познания» [4, С.81].

Разлагающему действию плюрализма подвергается т.н. классическая формальная логика, законы которой, как кажется некоторым утрачивают смысл. Сегодня плюрализм логик диверсифицируется по самым разным основаниям: 1.по гендерным и возрастным: мужская, женская, детская, юношеская, взрослая, старческая, 2.по политическим субъектам: логика правящих и логика управляемых, 3.по всем сферам социальной деятельности и социальных отношений (в каждой из сфер социальных отношений складывается своя система мышления, определяемая как логика данной сферы). Наконец, и каждый отдельный субъект имеет свою, своеобразную логику, или целый набор логик для различных сфер своей жизнедеятельности.

В контексте плюрализма логик и логики плюрализма возникает проблема его соотношения с основными видами модальности: логической (истинно, ложно, логически необходимо, случайно), эпистемической (доказуемо-опровержимо), деонтической (разрешено-запрещено), аксиологической (хорошо-плохо), темпоральной.

Плюрализм, очевидно, по самой сути присущ деонтической и аксиологической модальностям. Но, необходима его адекватная интерпретация. Если понимать этот плюрализм как возможность для одного и того же человека менять свои ценностные нравственные и аксиологические позиции в различных ситуациях в зависимости от личного интереса, то это ведет к нравственному и аксиологическому релятивизму, к полной дезориентации личности в мире ценностей. Если понимать этот плюрализм, как неограниченную тер-

пимость по отношению к альтернативным ценностным ориентациям и позициям, то здесь важно иметь ввиду гуманистическое содержание альтернатив. Дегуманистические ценностные ориентации не могут быть терпимы ни при какой логике плюрализма. В то же время вполне терпимыми могут быть любые формы гуманистических ценностных ориентаций, т.к. в данном случае плюрализм сводится скорее к различию формы, при сохранении единой гуманистической сущности. Т.о. гуманизм является мерой допустимого плюрализма логики и логики плюрализма в деонотических и аксиологических модальностях.

Плюрализм, по сути, кажется противопоставлен строгим логическим и эпистемическим модальностям. Ведь, истина может быть лишь одна и она по природе своей универсальна. Но в контексте постнеклассического принципа дополнительности, проникшего во все сферы науки, а также популярного сегодня эпистемологического плюрализма, доходящего до анархизма, и эти виды модальности подвергаются активным атакам плюрализма, переходящего иногда в полный релятивизм.

Как же следует относиться к этим атакам? С одной стороны, плюрализм в сфере логической и эпистемической модальностей, безусловно, недопустим и разрушителен, поскольку ведет к фрагментации истины и картины реальности на множество альтернативных и конкурирующих друг с другом интерпретаций, тем самым, подрывая возможность эффективной коммуникации и кооперации представителей различных социальных групп и слоев. С другой стороны, плюрализм эпистемический и логический плюрализм, как справедливо отмечают его адепты, несет в себе определенный эвристический потенциал, ослабляя ограничения классической логики и теории познания. В связи с этим уместно вести речь о границах логического плюрализма и плюрализма логик в научном мышлении и познании. Как преходящий момент научного поиска истины, плюрализм, очевидно, приемлим и даже необходим для прогресса науки, но как абсолютизация этого момента научного познания, или как замещение объективной истины, являющейся результатом научного познания, плюрализм не может быть принят.

Проблема логического плюрализма, однако, имеет и внутренний аспект, связанный с плюрализмом разнообразных логических систем внутри самой логики. «Сегодня логический плюрализм представляется совершенно естественной точкой зрения для большинства работающих логиков» [1, С.60]. Логический плюрализм внутри самой логики превращается в плюрализм альтернативных логических систем, которым присваивается одинаковое право на истину. «В современной философии логики получила широкое распространение точка зрения о праве на существование не одной, но множества истинных логик. Эта точка зрения получила известность под именем логического плюрализма» [2, С.106].

Но, если количество истинных логических систем становится принципиально множественным, то это означает фактическое отрицание истины. Плюрализм истины в логике ведет к абсолютизации релятивизма и обесцениванию каких-либо универсальных объективных критериев истинности. Анализируя возможности интерпретаций неклассической логики в универсуме классической логики, или, наоборот, классической логики в универсуме неклассической логики, В.Л. Васюков приходит к выводу об их равноправии. «У нас нет никаких аргументов в пользу предпочтения классического или неклассического универсума. Мы можем утверждать самое большее только то, что имеется одна лежащая в основании (глобальная) логика, определяющая и определенная нашим универсумом, в то время как существует множество (локальных) логик, населяющих универсум, не определяемый ими. Глобальность и локальность в подобном контексте являются просто метафорическими маркерами, фиксирующими состояние дел» [2, С.123]. Выход из плюрализма логических систем, интерпретируемых друг через друга, Васюков видит все-таки в признании некой универсальной, глобальной логики.

Деструктивное влияние абсолютизируемой и доводимой до абсурдного релятивизма логики плюрализма, ставит нас перед проблемой поиска путей «спасения» от этой опасности. Что же может быть альтернативой постмодернистской деконструкции логики? Сразу же приходят на ум две спасительные формы обретения цельности мышления: религия и философия. Но в их основе лежит один феномен: вера. Хотя, конечно, есть существенные различия между религиозной и философской верой. «Уже сам факт существования в мировой философии плюрализма идей, принципов, подходов, концепций, доктрин, учений, теорий и принципиального отставания философами своей авторской правоты имплицитно содержит в себе веру автора в высказывание им философской истины. Философская вера дополняет философское знание, присутствуя в нем скорее имплицитно, чем явно» [3, С.155].

Чтобы обрести спасение от разрушительной постмодернистской деконструкции истины и всех ценностей, от разрушительного релятивизма, нужно найти средний путь между ограниченным и правильно интерпретируемым плюрализмом и связанным с ним диалогом, и между унифицирующим догматизмом и авторитаризмом. Особенно это важно в таких сферах, как философия и педагогика. Личностная позиция и цельная логика формируется через диалог альтернативных логик, но важно сложить из фрагментов и подходов цельную истину и наполнить ее гуманистическим смыслом.

Литература

1. Васюков, В.Л. Логический плюрализм и неклассическая теория категорий /В.Л. Васюков // *Логические исследования*. - 2012. - № 18. - С. 60-76.
2. Васюков, В.Л. Металогический плюрализм и универсальная логика /В.Л. Васюков // *Логические исследования*. - 2010. - № 16. -С.106-126

3. Князев, В.Н. Феномен философской веры /В.Н. Князев //Наука и школа. - 2015. - № 3. - С.154-158
4. Стрельченко, В.И. Истина: утрата определенности /В.И. Стрельченко // Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhavnaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Historyia i Arkhealohiia. Filasofiia. Palitalohiia. - 2015. - № 1 (189). - С. 81-95.

**Логика направленности изменения:
нормальная модальная К система**

Н. И. Стешенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**Logic of direction changes:
normal modal K system**

N.I. Steshenko.

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. Язык нормальной модальной К системы надстраивается над языком логики направленности изменения посредством модального оператора необходимости. Предложены для этой модальной логики схемы аксиом. Приводятся примеры доказуемых формул.

Ключевые слова: 4-значная логика, логика направленности изменения, многозначная модальная логика, нормальная модальная К система, аксиомы.

Эта система была создана в [1, с. 125-126]. По сравнению с [1] в этих тезисах я заменил модальную схему аксиомы [a1] другой. Оказалось, что прежняя схема аксиом, указанная в [1], были доказуемой формулой.

Рассматриваемая модальная логическая система есть расширение логики направленности изменения Роговского за счет модальных понятий.

Исходными символами языка логики направленности изменения являются:

→ - «если..., то...» и оператор **В** - «возникает так, что...».

Производные операторы (их определения здесь опускаются):

~ - «не есть так, что...»;

И - «исчезает так, что...»;

Т - «сильно утверждается, что...»;

У - «уже есть так, что...»;

Е - «еще есть так, что...».

В качестве схем аксиом логики направленности изменения принимаются следующие формулы.

- [A 1] $\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{T}(C \rightarrow F) \rightarrow (A \rightarrow F))$;
 [A 2] $\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (A \rightarrow \mathbf{T}C)$;
 [A 3] $(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{T}A \rightarrow \sim \mathbf{T}\sim C)$;
 [A 4] $\mathbf{T}((A \rightarrow C) \rightarrow A) \rightarrow A$;
 [A 5] $\mathbf{T}((A \rightarrow C) \rightarrow \sim C) \rightarrow \sim C$;
 [A 6] $\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\sim C \rightarrow \sim A)$;
 [A 7] $\mathbf{T}(\sim C \rightarrow \sim A) \rightarrow (A \rightarrow C)$;
 [A 8] $(\mathbf{Y}A \rightarrow \mathbf{Y}C) \rightarrow \mathbf{Y}(A \rightarrow C)$;
 [A 9] $\mathbf{Y}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{Y}A \rightarrow \mathbf{Y}C)$;
 [A 10] $A \rightarrow (\sim A \rightarrow (\mathbf{V}A \rightarrow (\mathbf{И}A \rightarrow C)))$.

Правила доказательства.

[П1]. Если $\vdash \mathbf{T}A \rightarrow C$ и $\vdash A$, то $\vdash C$; -правило отделения.

[П2]. Если $\vdash A(\dots C\dots)$ и $C \equiv_{\text{df}} F$, то $\vdash A(\dots F\dots)$ где C и F подформулы формулы A ; - правило дефинициальной замены.

Используются также два производных правила

[П3]. Если $\vdash A \rightarrow C$, то $\vdash \mathbf{T}A \rightarrow C$ – правило усиления антецедента импликации оператором \mathbf{T} .

[П4]. Если $\vdash A$, то $\vdash \mathbf{T}A$

Понятия доказательства и доказуемой формулы стандартные.

Язык нормальной модальной К системы есть расширения языка логики направленности изменения посредством оператора \square - читается: «необходимо, что...».

Аксиомные схемы нормальной модальной **К** системы логики направленности.

[a1]. $\mathbf{T}\square(A \rightarrow C) \rightarrow (\square A \rightarrow \square C)$;

Аксиомные схемы для операторов: Т, В, У, Е.

[a2]. $\mathbf{T}\square A \rightarrow \square \mathbf{T}A$; (конверсия импликации доказуема)

[a3]. $\mathbf{T}\square \mathbf{V}A \rightarrow \mathbf{V}\square A$; [a3.1] $\mathbf{T}\mathbf{V}\square A \rightarrow \square \mathbf{V}A$;

[a4]. $\mathbf{U}\square A \rightarrow \square \mathbf{U}A$; [a4.1] $\square \mathbf{U}A \rightarrow \mathbf{U}\square A$;

[a5]. $\mathbf{E}\square A \rightarrow \square \mathbf{E}A$; [a4.1] $\square \mathbf{E}A \rightarrow \mathbf{E}\square A$;

Оператор возможности вводится определением: $\diamond p =_{\text{df}} \sim \square \sim p$.

Правила доказательства.

[пр.1] Если $\vdash A$, то $\vdash \square A$ – основное.

[пр.2] $\vdash A \rightarrow C$, то $\vdash \square A \rightarrow \square C$ – производное правило.

Все доказуемые формулы логики Роговского принимаются в качестве доказуемых и в модальной системе **К** логики направленности изменения.

Докажу конверсию схемы аксиомы [a2], т.е. формулу $\square \mathbf{T}A \rightarrow \mathbf{T}\square A$;

1. $\mathbf{T}A \rightarrow A$ – доказуема в логике направленности изменения.

2. $\square(\mathbf{T}A \rightarrow A) - 1$, [пр.1];

3. $\mathbf{T}\square(\mathbf{T}A \rightarrow A) - 2$, [П4];

4. $\mathbf{T}\Box(\mathbf{T}A \rightarrow A) \rightarrow (\Box\mathbf{T}A \rightarrow \Box A)$ – по [a1];
5. $\mathbf{T}(\mathbf{T}\Box(\mathbf{T}A \rightarrow A)) \rightarrow (\Box\mathbf{T}A \rightarrow \Box A)$ – 4, [ПЗ];
6. $\Box\mathbf{T}A \rightarrow \Box A$ – 3,5, [П1];
7. $\mathbf{T}(\Box\mathbf{T}A \rightarrow \Box A) \rightarrow (\Box\mathbf{T}A \rightarrow \mathbf{T}\Box A)$ – по [A 2];
8. $\Box\mathbf{T}A \rightarrow \mathbf{T}\Box A$ – 6,7, [П1].

Обосную производное правило [п2]:

1. $A \rightarrow C$ – доп.;
2. $\mathbf{T}(A \rightarrow C)$ – 1, [П4];
3. $\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C)$ – 2, [пр.1];
4. $\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box C)$ – [a1];
5. $\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{T}\Box(A \rightarrow C))$ – конверсия по [a2];
6. $\mathbf{T}(\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow \mathbf{T}\Box(A \rightarrow C)) \rightarrow [[\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box C)] \rightarrow (\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box C))]$
7. $\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box C)$ дважды [П1], используя 5,4;
8. $\mathbf{T}\Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box C)$ – [ПЗ] к 7.
9. $\Box A \rightarrow \Box C$ – 3,8 [П1].

Приведу примеры некоторых доказуемых формул в модальном языке логики **K**.

- $\vdash \mathbf{T}\Box\sim A \rightarrow \sim\Diamond A$; $\vdash \mathbf{T}\Diamond\sim A \rightarrow \sim\Box A$; $\vdash \mathbf{T}\sim\Box A \rightarrow \Diamond\sim A$;
- $\vdash \mathbf{T}\sim\Diamond A \rightarrow \Box\sim A$; $\vdash \mathbf{T}\sim\Box\sim A \rightarrow \Diamond A$;
- $\vdash \mathbf{U}\Box\sim\mathbf{B}A \rightarrow \Box\mathbf{E}A$ – если уже необходимо не возникает A , то необходимо еще A ;
- $\vdash \mathbf{E}\Box A \rightarrow \mathbf{U}\Box\sim\mathbf{B}A$ – если еще необходимо A , то уже необходимо не возникает A ;
- $\vdash \mathbf{E}\Box\mathbf{B}A \rightarrow \mathbf{U}\Box A$ – если еще необходимо возникает A , то уже необходимо A ;
- $\vdash \mathbf{T}\Box\mathbf{B}A \rightarrow \mathbf{U}\Box A$ – если сильно утверждается необходимость возникновения A , то уже необходимо A ;
- $\vdash \mathbf{T}\Box\mathbf{I}A \rightarrow \mathbf{E}\Box A$ – если сильно утверждается необходимость исчезновения A , то еще необходимо A ;
- $\vdash \Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{U}\Box A \rightarrow \Box C)$; $\vdash \Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{E}\Box A \rightarrow \Box C)$;
- $\vdash \Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{U}\Box A \rightarrow \Box\mathbf{E}C)$; $\vdash \Box\mathbf{T}(A \rightarrow C) \rightarrow (\mathbf{E}\Box A \rightarrow \Box\mathbf{U}C)$;

Литература

1. Стешенко Н. И. Нормальная модальная **K** система логики направленности изменения (синтаксический аспект) //Логико-философские штудии. Том 16, №1-2 (2018).

**О некоторых особенностях рецепции Британской
логико-семантической терминологии
в немецкоязычной философии в 1860-70-е гг.**

Ю.Ю. Черноскутов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**On some features of reception of British logical semantics terms
by German-language philosophy in 1860-70-es.**

Yu.Yu. Chernskutov

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация. В докладе предполагается рассмотреть некоторые ключевые моменты адаптации и видоизменения семантических понятий, характерных для Британской логико-философской традиции, в немецкой логике и философии. В частности, терминологические сдвиги в первом немецком переводе «Системы логики» Дж.С.Милля, в переводах классических трактатов Британской философии Нового Времени, и особенности интерпретации британских семиотических теорий в изложении К.Фишера.

Ключевые слова: семантические понятия, семиотические теории, британская логико-философская традиция, немецкая логико-философская традиция, Дж.С.Милля, К.Фишер.

Философская семиотика традиционно занимала важное место в Британской философии Нового Времени (подробнее см., например, [1]). В начале XIX века соответствующие подходы проникли в Английскую логику, претерпев при этом некоторые изменения, о чём нам уже доводилось поведствовать [2]. В Германской же философии семантическая проблематика долгое время оставалась маргинальной. Пожалуй, не будет большим преувеличением утверждение, что её просто не было в немецкой логике и философии. Ситуация резко изменилась, насколько можно судить, после перевода трудов Британских философов на немецкий язык. Причём воздействие Британской философии происходило в Германии по двум каналам. Во-первых, это перевод «Системы логики» Дж.С.Милля. Он был выполнен И.Шилем и издан в 1849 году – всего через шесть лет после выхода оригинала, а в 1868 появилось уже его третье издание. Именно последним пользовались, в частности, Г.Фреге и Э.Шрёдер. Позднее под руководством Теодора Гомперца было предпринято издание 12-томного собрания немецких переводов сочинений Дж.С.Милля, где «Система логики» занимала II-IV тома, вышедшие в 1872-73 гг. Но интересующие нас авторы, занимавшиеся разработкой логико-семантических учений, этим изданием не пользовались, поэтому мы вынуждены оставить его без внимания. Вторым каналом влияния стала публикация переводов основополагающих трудов классиков Британской философии.

фии Нового времени. В 1868 году появился первый немецкий перевод «Трактата о принципах человеческого познания» Дж.Беркли, подготовленный Фридрихом Ибервегом; затем в переводе Юлиуса Кирхмана в 1869 г. выходит «Тракtrat о человеческой природе» Д.Юма, а в 1872 – «Опыт о человеческом разумении» Дж.Локка. Последние два труда переводились на немецкий ещё в 1755 и 1757 гг. соответственно, но тогда немецкий философский язык находился в стадии формирования, поэтому переводы Кирхмана фактически заново ввели их в обиход немецкой философской мысли. Во всяком случае, ровно после того, как в конце 1860-х почти одновременно появились переводы трактатов Беркли и Юма, немедленно вслед за ними начали одна за другой издаваться посвящённые им монографии, статьи, защищаться диссертации. Так, уже в 1870 и 1871 вышли две монографии Ф.Фредерика о философии Беркли, 1871 и 1872 две монографии Ф.Йодля, а в 1874 Э.Пфляйдера, посвящённые философии Юма.

Кроме того, не последнюю роль в росте интереса к Британской философии сыграло вышедшее в 1875 году второе издание исторического исследования Куно Фишера «Фрэнсис Бэкон и его последователи». Текст первого издания, опубликованного в 1856 году, был здесь значительно расширен и дополнен, фактически это была другая книга, в два раза превосходившая первое издание по объёму. В числе прочего, было добавлено и подробное освещение учений Локка и Беркли о значении имён. Тут стоит напомнить, что юный Готтлоб Фреге, будучи студентом Йенского университета, в семестре 1869/70 слушал лекции К.Фишера по логике и истории философии.

Первый немецкий перевод «Системы логики» Дж.С.Милля имел по крайней мере одну содержательную особенность, которая, пожалуй, оказала не последнее влияние на то, какой облик приняли позднее семантические исследования в немецкоязычной философии. Речь идёт о переводе отдельных ключевых терминов, некоторые из которых и в самой книге Милля имели не вполне чётко определённое значение.

В качестве базисного семантического термина Дж.С.Милль использует традиционное для британской философии «signification». При этом его известное разделение последней на денотацию и коннотацию описывает не виды обозначаемого, но способы обозначения. В этом его самое решительно отступление от традиции. Но наряду с этим он (впервые в истории логики) регулярно использует термин «смысл» (meaning). К сожалению, Милль не приводит точных разъяснений по поводу того, что он понимает под смыслом, а что под сигнификацией, и нетрудно найти места, где он употребляет их как синонимы. Тем не менее, не только в его «Системе логики», но и в более широком контексте англоязычной философской литературы достаточно очевидно, что эти два термина несут разную смысловую нагрузку и выполняют разные функции. Сигнификация – достаточно нейтральный термин, выражающий обозначаемое в самом общем и широком смысле. В качестве

видов (или способов, как у Милля) сигнификации может рассматриваться не только денотация и коннотация, но и референция, и, наконец, сам смысл. «Смысл» же в тексте Милля систематически ассоциируется с информацией, сообщаемой именем, с тем, что имя выражает результат неких познавательных усилий. Тем не менее, в исследовательской литературе, посвящённой логике Дж.С.Милля, не придаётся значения различению смысла и сигнификации. Лично мне этот факт представляется странным.

Во всяком случае, этим терминологическим тонкостям не придал значения и Й.Шиль, переведивший «Систему логики» на немецкий язык. Казалось бы, немецкая пара «Zeichen - Bezeichnung» точно соответствует английским «sign – signification». Однако же он систематически переводит «signification» как «Bedeutung»; мало того, термин «meaning» постоянно, за единичными исключениями, тоже переводится им как «Bedeutung»²³. В результате у немецкого Милля «Bedeutung» стал всеохватывающим семантическим термином [4, гл.5]. Именно такую логику Милля имели перед собой Шрёдер, Гусерль и Фреге.

В упоминавшихся переводах философских трактатов, выполненных Ибервегом и Кирхманом, «meaning» всегда передаётся как «Sinn», благодаря чему немецкий читатель улавливал смысловое различие, соответствующее различию между смыслом и сигнификацией. Но, с другой стороны, сам термин «signification», как и производные от него слова, они не стремились переводить единообразно, передавая его то как «Bezeichnung», то как «Bedeutung». Больше того, Ибервег постоянно передаёт часто используемое Беркли «denote» с помощью того же «bezeichnen».

А если мы добавим сюда, в каких терминах излагал учения Британских философов К.Фишер, то картина ещё больше усложнится. Он тоже излагает их учения о связи между словом и представлением, т.е. о сигнификации, с помощью обоих слов: то с помощью «Bezeichnung», то с помощью «Bedeutung»; кроме того, для общего указания на содержания и назначения слов Фишер использует слова «Geltung» и «Wert» [5, SS. 592-600, 705-707]. Словом, если у кого-то затеплится надежда установить стандартные соответствия между традиционными Британскими и новоизобретавшимися немецкими семантическими терминами, то его ждёт неизбежное разочарование.

Это было усилено общей тенденцией национального романтизма, овладевшей умами многих философов и учёных, которая выразилась и в том, что многие стремились выработать национальную терминологию, часто отказываясь от общепринятых терминов латинского и греческого происхождения. Например, Фреге предпочитал не использовать даже такие привыч-

²³ Стоит заметить, что аналогичная ситуация наблюдается и в русском переводе [3]. Здесь выбор слов «смысл», «значение», «содержание» и т.п. для передачи любого из «signification», «sense», «import» и др. произволен и, насколько мы можем судить, продиктован только стилистическими соображениями.

ные логические термины, как «импликация», «дедукция», «модус поненс», «контрапозиция» и др., используя, а иногда и изобретая вместо них слова немецкого происхождения. Всё это привело к тому, что в немецкой логико-философской литературе была вытеснена на периферию традиционная семантическая терминология, а вместе с ней подчас и стоявшие за этими терминами концепции и проблемы. В результате перевода трудов британских логиков и философов на немецкий язык фактически сформировались предпосылки для появления новой системы семантических терминов, которая не имела точного соответствия с английским первоисточником.

Литература

1. Скрипник К.Д. «Σημιωτική» Дж.Локка: историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып.2. С. 172–182.
2. Черноскутов Ю.Ю. Развитие семантических идей в Британской логике XIX века // Радио.ru. 2016. № 2 (17). С. 111-133.
3. Милль Дж.С. Система логики, в двух томах, т.1, СПб, Издание М.О.Вольфа, 1865, 553 с.
4. Mill J.S. System der deduktiven und induktiven Logik. Band 1, Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn 1868. Übersetzt von J. Schiel.
5. Fischer K. Francis Bacon und seine Nachfolger. Entwicklungsgeschichte der Erfahrungsphilosophie. Leipzig: F.U.Brockhaus, 1875. 788s.

Аргументативные стратегии трансляции научного знания

О.А. Шапиро

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

Argumentative strategies of the scientific knowledge translation

O.A. Shapiro

Crimean Federal University n.a. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. В статье предлагается диахронический срез аргументативных паттернов, используемых в научных текстах. Эти паттерны зависят от четырех значимых факторов: 1) доминирующая текстовая культура; 2) культурно-историческая ситуация; 3) адресат текста; 4) способ коммуникации, в которой реализуется аргументация. Предполагается, что аргументативные паттерны, характерные для определенной эпохи являются как симптомом стиля мышления этой эпохи, так и базовым механизмом формирования типа мышления следующих поколений. В этом ключе особенно важным стано-

вится акцент на различение научных текстов на основании их адресата на собственно научные, учебные и научно-популярные

Ключевые слова: аргументация, научная статья, научная коммуникация, научно-популярный текст, текстовая культура, аргументативная стратегия, уловки аргументации.

Многообразие сфер применения аргументативных практик огромно. Выборы всех уровней, реклама товаров и услуг, многочисленные досуговые практики, разнокалиберные СМИ – все эти сферы характеризуются жесткой внутренней конкуренцией, победа в которой определяется во многом их аргументативной эффективностью. В этой связи исследование многообразия паттернов аргументативного поведения оказывается на пике своей актуальности, и аргументативные структуры, используемые в академической среде, представляют не меньший интерес. Развитие научного знания во многом является определяющим для культуры; в частности, именно оно сегодня создает мировоззренческое ядро и формирует доминирующий в обществе тип мышления.

А.А. Ивин понимал аргументацию как «прикладное мышление» [2, с. 339]. Именно аргументация является основным симптомом «стиля мышления», связывающего культуру в целом и науку как ее сегмент [2, с. 335].

Я полагаю, что понимание современного стиля мышления и аргументации как его внешнего проявления возможно только при взгляде на него в диахронической перспективе. При этом значение для изменения аргументативных паттернов имеют несколько факторов:

1. Изменение текстовой культуры как способа создания, хранения и трансляции текстов. В первую очередь, речь идет здесь о возникновении новых технологий (в широком смысле этого слова), таких как алфавитное письмо, книгопечатание, компьютер и Интернет. Материальная форма воплощения текста, безусловно, влияет на его восприятие, смысл и как следствие – бытие в культуре. У. Эко пишет, что «читать с дисплея – это совсем не то же самое, что читать со страницы» [6]; следствие этой разницы – не только различие в понимании смысла текста его адресатом, но и связанные с ним изменения в требованиях к самому тексту, как чисто формальные, так и содержательного характера.
2. Культурно-исторический контекст, предлагающий набор признанных в сообществе авторитетов и принятых этикетных формул, влияющих на организацию аргументативного текста.
3. Доминирующая ориентация на адресата текста, определяющая функциональную презумпцию как совокупность представлений об адресате текста [3, с. 14]. Если мы говорим о текстах философских и научных, то тут возможно несколько вариантов: а) научный текст, написанный для узкого круга коллег; б) учебный текст, написанный для относительно подготов-

ленных учеников и в) научно-популярный текст, написанный для широкой, часто недифференцированной аудитории.

4. Способ коммуникации может предъявлять более или менее жесткие требования к аргументативным процедурам. Так, современная статья в рецензируемом издании предполагает использование в качестве основы обоснования дедуктивных структур или научной индукции, тогда как открытая лекция может гораздо более вольно использовать аналогию, неполную индукцию, а временами просто подкреплять тезис примером или ссылкой на авторитет.

Итак, набор описанных факторов определяет множество аргументативных стратегий, адекватных тому или иному типу научного текста. Под аргументативной стратегией я понимаю методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход (эффективность) процесса убеждения, и проявляющееся в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих конкретному контексту аргументации²⁴.

Аргументативную стратегию мы можем представить в виде модели $M = \langle \{A\}, \{K\}, \{S\} \rangle$, где A – множество видов аргументации, используемых субъектом; K – множество видов квазиаргументативных средств, используемых субъектом; S – множество схем аргументации, используемых субъектом. Преобладание у автора некоторого набора привычных аргументативных стратегий я буду называть аргументативным поведением, а повторяющееся использование однотипных фрагментов этих моделей – аргументативными паттернами. Я полагаю, что используемые в учебной, научной и научно-популярной литературе аргументативные паттерны являются основополагающим моментом в формировании типа и стиля мышления молодого человека.

Для диахронического аргументативного исследования доступны в первую очередь философские и научные тексты. Количество работ, посвященных этой теме, сегодня достаточно ограничено. Системный характер носит исследование С. Тулмина [9], важное методологическое значение имеют работы в А.Г. Гросса, Дж.Е. Хармона и М.С. Рейди [8] и М.А. Финокьяро [7]; на русском языке за последние годы вышли две коллективные монографии, представляющие собой собрание детальных исследований отдельных текстов [4, 5]. Однако в целом о достаточной разработанности этой темы мы говорить пока не можем.

В общих чертах ситуация с трансформацией аргументативных процедур выглядит следующим образом:

²⁴ Здесь я немного перефразирую определение Ф. ванн Еемерена и П. Хоотлоссера [1, с. 15] таким образом, чтобы оно было приложимо к более широкому контексту, нежели контексту критической дискуссии.

Период	Доминирующий тип текстовой культуры	Культурно-исторические особенности	Аргументативные паттерны, используемые в научном тексте
Античность	Переход от устной к рукописной текстовой культуре	Формирование философского знания	Доминируют рассуждения по аналогии; используются многочисленные примеры и иллюстрации
Средние века	Рукописная текстовая культура	Господство религиозных догматов; формирование института высшего образования	Используются ссылки на авторитет (преимущественно сакральных текстов), метафоры, аллегории.
Новое время	Возникновение печатной текстовой культуры	Выделение из философии естественно-научного знания	Происходит переход к дедуктивным и научно-индуктивным схемам аргументации
Промышленная революция	Печатная текстовая культура	Появление первых популяризаторских идей в научной среде	Возникают первые научно-популярные тексты; при стилистических отличиях они наследуют аргументативные схемы научных текстов
Современность	Переход к электронной текстовой культуре	Клиповая культура	Формирование принципиальных различий в аргументативных паттернах научных и научно-популярных текстов: научный текст оказывается все более жестко формализован и остается в традиции Нового времени, тогда как более свободный научно-популярный текст возвращается к стилистике античности.

Таким образом, в аргументативных схемах научных и научно-популярных текстов сегодня мы можем наблюдать все увеличивающийся разрыв, связанный преимущественно с функциональными презумпциями агентов аргументативной деятельности.

Литература

1. Еемерен Ф. ван, Хоотлоссер П. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / пер. с англ. Д. В. Пидаша // Мысль. 2006. Вып. 6. С. 7 – 22.
2. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации. Pro et contra. – М.: Проспект, 2017. – 384с.
3. Лисанюк Е.Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 1. С. 13 – 21.
4. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П.В. Соколов. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. — 543 с.
5. Полемиическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Ю.В. Иванова. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 495 с.
6. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. — 1998. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/>
7. Finocchiaro, Maurice A. A historical approach in the study of argumentation // Argumentation: Across the Lines of Discipline / Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.). Dordrecht, Provedance: Foris Publications, 1987. P. 81-91.
8. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. New York: Oxord University Press, 2002. 267p.
9. Toulmin S. Return to reason. Harvard University Press, 2003. 243 pp.

О семантической концепции истины

В.А. Бакеев

Научный руководитель – к.филол.н., доцент, Н.И. Стешенко
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

On the semantic conception of truth

V.A. Bakeev

Scientific advisor – Ph.D, associate professor N.I. Steshenko
Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. Многие авторы, в том числе отечественные, подвергают сомнению причастность теории Альфреда Тарского к философским теориям истины и вообще пытаются найти ей какое-то место среди прочих теорий. Доклад посвящён как раз таким вопросам, а именно: нейтральности семан-

тической концепции, её квалификации как базисной и соответствующей классической корреспондентной формулировке.

Ключевые слова: семантика, истина, семантическая концепция истины, Тарский, теории истины, выполнимость, эквиваленция вида Т, дефляционизм.

Запрос на данную формулировку возник в связи с банальным отсутствием формального определения истины. Для Тарского успешность определения стоит на двух требованиях – формальной корректности и материальной адекватности. Первая связана с возникающими парадоксами при определении семантических понятий (для истины – это парадокс лжеца), вторая – с соответствием исходной формулировки тому, что *уже* понимается под истиной. Другая сторона материальной адекватности — соответствие конкретно аристотелевской концепции. Требование материальной адекватности решается в формулировке эквиваленции вида Т: «р» есть истинно \Leftrightarrow р

Где р есть предложение, утверждающее некое положение дел в мире, а «р» имя данного предложения. Второе требование, формальной корректности, выполняется при отказе от использования семантически замкнутого языка, т.е. использования двух языков: объектного и метаязыка. В таком случае мы избегаем парадокса лжеца (или других парадоксов при определении других семантических понятий). Таким образом, эквиваленция вида Т (с метаязыковым именем утверждаемого предложения) становится центральным элементом в таком определении.

Само определение даётся через понятие выполнимости. Нам понятно, в каких случаях выполняется пропозициональная функция, которая отличается от предложений наличием свободных переменных. Некоторая упорядоченная последовательность выполняет функцию, если при подстановке мы получаем истинное предложение. Учитывая различие между предложениями и пропозициональными функциями, нетрудно дать определение истины. Истина есть выполнимость всеми последовательностями.

Семантическая концепция истины вызвала крайне много вопросов и претензий, и по сей день является предметом споров. Существует ряд вопросов, касающийся отнесению её к философским или нефилософским теориям истины. Попробуем это прояснить.

Итак, философская теория истины наверняка должна подразумевать философскую постановку вопроса. Обозначим возможные трудности касательно вопросов насчёт истины. Существуют заблуждения относительно тождественности вопросов «что есть истина?» и «какое высказывание является истинным?». Ещё Рассел продемонстрировал, что это вопросы совершенно разные. П. Вейнгартнер предлагает пойти дальше и задавать вопросы ещё более точные: «что имеется в виду, когда говорят, что высказывание истинно?», «что представляет собой истинное высказывание?» «что представ-

ляет собой его определение?». Ясно, что Тарский стремился отвечать на такие вопросы, игнорируя вопрос о том, что такое истина. Однако, не во всех смыслах.

Форма вопроса «что есть истина?» подразумевает наличие такого объекта, если речь идёт не об определении, а определению не сопоставляется истина или ложь. Есть ещё один вариант трактовки вопроса как «что следует понимать под истиной?», и он касается употребления. Эквиваленция вида Т претендует на экспликацию аристотелевской концепции. И в защиту этого утверждения можно добавить, что «истина» в обеих концепциях является предикатом. Соответственно, ни о какой сущности истины нельзя говорить, ведь предикат не может быть индивидом, в том числе согласно Аристотелю.

Чему предикатируется истина? Семантическое определение истины основывается на предложениях, а не пропозициях. Во-первых, потому что понятие пропозиции слишком неопределённо было и во времена Тарского, сейчас же мы можем наблюдать явную несостоятельность таких идей, как показал, например, Куайн.

Что вообще значит «философская теория истины»? Аргументом в пользу причисления теории Тарского к философским может считаться то, что при всей желаемой строгости она не может избежать использования понятия реальности. Напомню, незакавыченное *p* обозначает положение дел. На мой взгляд, гораздо эффективнее использовать квалификацию теории истины в более понятных категориях: это, во-первых, референциальная нейтральность, во-вторых, квалификация в рамках дихотомии дефляционизм/инфляционизм.

Последняя квалификация сложно дать в бивалентном смысле, беря во внимание, например, попытки объявить истину псевдопредикатом (Айер). Такие теории «избыточны» наверняка больше рассматриваемой нами.

С тем, что я называю референциальной нейтральностью всё проще. Семантическую концепцию можно назвать таковой, так как она не заявляет условия, при которых предложение «Снег бел» можно связать с его десигнатом, вернее способ этого связывания. Из его определения следует только утверждения предложений:

1. *p*;
2. «*p*» истинно;
3. ««*p*» истинно» истинно;
4. ...

То есть рекурсия утверждений, поскольку понятия метаязыка и языка объектного являются относительными. Референциальная нейтральность концепции подразумевает её применимость для любых существующих философских установок такого типа.

Последнее, в чём мне видится суть вопроса о философской или нефилософской теории истины, это её область применения. Поскольку истину со-

гласно семантической концепции можно определить только в рамках конкретного языка, притом языка с точно заданной структурой, то об истине в естественном языке мы, конечно, сказать ничего не можем. В этом смысле было бы куда удобнее назвать её ограниченной в применении.

Эти характеристики, особенно референциальная нейтральность, семантической концепции истины, скорее наталкивают на её квалификацию как фундаментальной и базисной, нежели философской или нефилософской. При её расширенном, комплексном применении определённые онтологические импликации неизбежны.

Литература

1. Аналитическая философия. Под ред. Лебедева М.В., Черняка А.З., - М.: РУДН, 2004 - 740 с.
2. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины, - М.: «РОС-СПЭН», 2005 – 352 с.
3. Куайн У.В.О. Философия логики, - М.: «Канон+», 2008 – 192 с.
4. Тарский А. Семантическая концепция истины // Аналитическая философия: становление и развитие (антология), - М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. —528 с.
5. Glanzberg, Michael, «Truth», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/truth/>>.

Абдукция и гештальт-эффект

Д.В. Хабикужин

Научный руководитель – д.ф.н., проф. В.Д. Бакулов
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Abductive reasoning and gestalt effects

Khabikhuzhin D.V.

Scientific advisor – Dr. habil, professor V.D. Bakulov
Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. В докладе рассматривается идея возникновения гештальт-эффектов в области абдуктивных рассуждений. Традиционная точка зрения на гештальт-эффекты заключается в том, что эти эффекты имеют место в области восприятия. В данной работе показывается, что гештальт-эффекты часто возникают в контрафактических и амплиативных выводах, в том числе и абдуктивном. Также рассматривается значение гештальт-линзы при построении новых научных теорий на примере позитрона.

Ключевые слова: абдукция, гештальт-эффект, гештальт-феномен, гештальт-линза, контрафактические выводы, амплиативные выводы.

Понятие «гештальт» впервые употребил Христиан фон Эренфельс-ученик Франца Brentano. Главная идея гештальт-подхода — признание того, что целое некой структуры не сводимо к сумме своих частей. Наглядно эта особенность гештальта демонстрируется, к примеру знаменитым изображением утку-кролика Витгенштейна. На это изображение можно смотреть двумя способами: либо воспринимая его, как утку, либо как кролика, но не двумя способами сразу. Другими известными примерами являются куб Неккера, случай с полупустым или полуполным стаканом и другие. Гештальт-эффект представляет собой специальный случай гештальт-феноменов. Мы говорим о гештальт-эффекте, когда один и тот же набор информации (текстовой, визуальной, аудиальной или иной другой) даёт как минимум два распознаваемых образа а и b, которые:

1. Несовместимы;
2. Индифферентны, в том смысле, что у нас нет причин предпочесть а или b, как доминирующий образ.

Рассмотрим подробнее несовместимость а и b. В первом случае, мы можем понимать несовместимость как тот факт, что две конфигурации а и b не могут одновременно восприниматься одним и тем же агентом. Этот аспект гештальт-феномена находится в основе такого явления, как гештальт-переключение. Клаудио Пицци — итальянский исследователь связи логических выводов с гештальт-эффектом называет такую несовместимость – несовместимостью-1. Существует и более сильный вид несовместимости, который заключается в том, что две конфигурации а и b не просто не могут восприниматься одним агентом в одно и то же время, но их описания являются несовместимыми, то есть исключают друг друга. Более точное определение несовместимости-2 — «Если а и b различные объекты и х-верное изображение b, то х не может быть верным изображением а». Утку-кролик Витгенштейна и куб Неккера представляют собой примеры объектов, заключающих в себе несовместимость второго типа. Как указывает Пицци, гештальт-эффект проявляется не только в области визуального восприятия, но также и в области интерпретации текстовой информации. Примером может служить непереводимая на русский язык игра слов: «What is mind? No matter».

Пицци отмечает, что отношение точек некоторого изображения к полученному на их основе гештальту сходно с отношением между атомарными высказываниями и полученному на их основе, следствию. Такой ракурс позволяет рассматривать гештальт-эффекты, возникающие при построении логических выводов.

Абдукция в нашем исследовании рассматривается, как вывод, модифицирующий множество законов в ответ на явление, которое невозможно объяснить в рамках имеющихся законов. С точки зрения Р. Хэнсона, законы и теории понимаются, в духе Витгенштейна, как средства распознавания гештальта, а новые гештальты — это необходимые условия создания новых теорий, также как в случае с интерпретацией амбивалентного изображения. И также как в случае с последним, переключение гештальта сопровождается некоторым сопротивлением. Например, Кеплер развивал теорию, что орбиту Марса является эллиптической. Для создания этой теории Кеплеру пришлось отказаться от традиционного взгляда, идущего от Аристотеля, что орбиты планет должны быть круглыми, потому что небесные движения совершенны.

Другой яркий и современный пример концептуального сопротивления, связанного с сопутствующим ему гештальтом, представляет собой открытие позитрона. Хэнсон провёл историческое исследование, изложенное в книге «Concept of the Positron», в ходе которого он интервьюирует нескольких физиков, включая нобелевского лауреата 1936 года Карла Андерсона, нобелевского лауреата 1933 года Поля Дирака и нобелевского лауреата 1948 года Патрика Блэккетта. Эти три физика открыли позитрон, но только Блэккетт признал, что частица, экспериментально открытая Андерсоном, была в то же время теоретически постулирована Дираком. Последний предложил релятивистскую квантовую теорию, которая была лоренц-инвариантной, но содержала некоторые решения, связанные с негативной энергией. Изначально эти решения были интерпретированы Дираком как протоны, затем он думал о них как о свободных местах, которые являются решениями с положительной энергией и массой электрона. Эти идеи постепенно сформировали предположение о существовании позитивных электронов до того, как они были открыты. В 1932 году, Карл Андерсон сфотографировал следы электрона в камере Вильсона, и один из следов указывал, как заключил Андерсон, на позитивный электрон, поскольку заряд частицы был положительным, однако масса слишком мала, чтобы быть протоном. Дирак опубликовал свою теоретическую работу о позитроне за год до фотографии Андерсона. В 1933 году, Патрик Блэккетт и Джузеппе Оккиалини сообщили и экспериментально подтвердили, что частица Андерсона и частица Дирака — это одно и то же. Хэнсон утверждает, что причина по которой Андерсон не увидел связь между экспериментами в камере Вильсона и квантовой теорией Дирака, заключается в том, что такие эксперименты основываются на концептах, являющихся классическими по происхождению, например, на концепте оставляющих следы электронах. Но самое значительное концептуальное ограничение заключается в семантике понятия «электрон». Эта семантика такова, что тесная связь между электроном и протоном и между двумя базовыми единицами электричества — негативным и

позитивным зарядом, сделали саму идею того, что существует частица отличная от протона или электрона, трудной для усвоения. Поскольку позитивность или негативность полностью исчерпывают то, каким может быть электрический заряд, постольку и протон, и электрон, мыслились не как «несущие заряд», а как сами являющиеся зарядами. Следовательно, существовало концептуальное ограничение идеи третьего типа заряженной частицы, которую можно было бы встроить в структуру классической электродинамики и элементарной теории частиц.

Из этих примеров видно, что новая идея сопровождается концептуальным сопротивлением, которое по мнению Хэнсона, должно быть преодолено для осуществления научных открытий. Сам Хэнсон, кстати, был приверженцем Копенгагенской интерпретации квантовой механики и, как он считал, именно Копенгагенская гипотеза наиболее правдоподобным образом разрешает существующие аномалии в релятивистской квантовой теории. Хэнсон также подчёркивает, что концептуальные гештальты, конституирующие семантику для принятых теорий, не только предоставляют некоторое руководство для создания новых теорий, но и создают концептуальное ограничение, которое должно быть преодолено для совершения научного открытия. Так, в микрофизике, по мнению Хэнсона, все ограничения, опирающиеся на наши концепции того, на что похож микрофизический мир и того, что мы можем наблюдать, в действительности являются ограничениями, вырастающими из лингвистических особенностей используемых формальных языков, что является вариантом тезиса Бенджамина Ли Уорфа о лингвистической относительности. Например, принцип неопределённости и мысленный эксперимент Гейзенберга с гамма-лучевым микроскопом, могут рассматриваться как рамки, ограничивающие возможность наблюдения внутри микрофизики, однако Хэнсон считает это утверждение верным в неожиданном смысле: по его мнению ни разу не было и в принципе не могло быть экспериментов или наблюдений, связанных с установлением отношений неопределённости, потому что эти отношения являются концептуальным или логическим следствием языка квантовой теории. Иными словами концептуальная невозможность влечёт невозможность наблюдения, что означает, что наблюдение является теоретически-нагруженным (theory-laden).

В этом аспекте, Хэнсон следует за Витгенштейном, считавшим, что интерпретация является неотъемлемой частью наблюдения. Характерная черта этого взгляда заключается в том, что восприятие не предопределено или зафиксировано природой, а вариативно, и Хэнсон иллюстрирует эту вариативность восприятия, используя амбивалентные изображения, допускающие двойственную оптическую интерпретацию. Хэнсон использует гештальт-теорию, чтобы объяснить двойственность интерпретаций амбивалентных изображений как изменения в концептуальной организации

наблюдаемого. В этом контексте, Хэнсон обращается к примеру Пьера Дюгема из книги «Цель и структура физической теории» о дилетанте в физической лаборатории. Последнему необходимо изучить физическую теорию прежде чем он сможет наблюдать то же, что и физик. По мнению Хэнсона, это происходит оттого, что поле восприятия дилетанта организовано иначе, нежели для профессионального физика. Физическая теория обеспечивает физика паттернами, в рамках которых данные являются понятными.

Теория, таким образом, рассматривается, как некая «гештальт-линза», для того, чтобы увидеть нечто исследуемое под определённым углом. Введение теоретически обоснованного гештальта наглядно демонстрируется на примере из астрономии: тогда как Тихо Браге смотрит на Солнце, как на статическое тело, Кеплер видит движущееся Солнце, даже несмотря на то, что их визуальный опыт может быть одинаков. В последнем случае, и Кеплер и Браге могли бы описать Солнце как светящийся жёлтый диск. Хэнсон называет такой вид описания «феноменологическое видение» (phenomenological seeing) и подчёркивает, что последнее не является обычным способом смотрения (seeing), а представляет собой нечто, требующее специального усилия и используется, когда наблюдатель сталкивается с новым зрительным опытом, который он не может объяснить отсылкой к существующему знанию. Наблюдение в науке имеет целью выйти за рамки феноменологического видения, возникающего в случае нового опыта и получить визуальный опыт, соответствующий принятому знанию. Абдукция таким образом, выступает в качестве схватывания идеи или теоретической конфигурации, основанной на опыте, которая объясняет этот опыт.

Помимо понимания абдукции, как вывода некоего объяснения, можно обратиться и к одной загадочной трактовке абдукции, данной Ч. Пирсом. Имеется в виду визуальная абдукция. Пирс первым отметил абдуктивную составляющую в процессе восприятия, то есть, к примеру, в том, чтобы определять какую-то ткань скорее, как шерстяную, нежели шёлковую. Можно, например, использовать контрафактическое высказывание для того, чтобы описать такое абдуктивное умозаключение: «Если бы эта ткань была шёлковой, то мои ощущения были бы именно такими. Следовательно, данная ткань шёлковая.» Визуальные гештальт- феномены могут быть выражены аналогичными средствами. Рассмотрим пример с утку-кроликом. Результатом гештальт-эффекта в этом случае будут две конфигурации точек, соответственно, имеем два абдуктивных умозаключения: 1) Если бы этот набор точек был корректным изображением утки, то мои ощущения совпадали бы с теми, которые у меня сейчас. Следовательно, данный набор точек — это корректное изображение утки;

2) Если бы этот набор точек бы корректным изображением кролика, то мои ощущения совпадали бы с теми, что у меня сейчас. Следовательно, данный набор точек — это корректное изображение кролика.

Как видно из примера, результатом абдукции становятся два несовместимых объяснения, два гештальта. Связь абдукции и гештальт-эффекта представляет собой плодотворную область исследований, так как новая теория, получаемая по абдукции, представляет собой некий гештальт или образ исследуемого эмпирического явления. Гештальт-образ не сводим к сумме своих частей, поэтому проблема создания некой машины открытия становится еще сложнее. Абдукция тогда представляется как проводник интеллектуальной интуиции. Действительно, если один и тот же массив информации может давать два взаимоисключающих немонотонных и амплиативных вывода, следствия которых позволяют по-разному воспринимать исследуемый объект, то нельзя сказать, что некое целое сведено к сумме частей.

Литература

1. Hanson N.R. *The Patterns of Discovery*. Cambridge, 1958.
2. Hanson N.R. *The concept of the Positron: A Philosophical Analysis*. Cambridge University Press, 1963.
3. Pizzi C. *Gestalt Effects in Counterfactual and Abductive Inference*. Oxford University Press, 2006.
4. Peirce Ch. S. *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931-1935.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Бакеев Виктор Андреевич* студент направления обучения философия Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
2. *Бакулов Виктор Дмитриевич* д.филос.н., проф., заведующий кафедрой философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
3. *Билалов Мустафа Исаевич* д. филос. н., проф., заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета (г. Махачкала)
4. *Гарин Сергей Вячеславович* к.филос.н., доцент кафедры философии факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар).
5. *Драч Геннадий Владимирович* д.филос.н., проф., научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
6. *Иващук Ольга Федоровна* д.филос.н., доц., профессор философско-социологического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва)
7. *Ивлев Юрий Васильевич* д.филос.н., профессор философского факультета Московского государственного университета (г. Москва)
8. *Лисанюк Елена Николаевна* д.филос.н., доц., доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)
9. *Макаренко Виктор Павлович* д.филос.н., д.полит.н., профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
10. *Павленко Андрей Николаевич* д.филос.н., проф., ведущий научный сотрудник группы «Онтология» отдела логики и эпистемологии Института философии Российской академии наук (г. Москва)
11. *Павлов Сергей Афанасьевич* к.филос.н., старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук (г. Москва)
12. *Поломошнов Андрей Федорович* д.филос.н., проф., заведующий кафедрой философии и истории Отечества Донского государственного аграрного университета (г. Новочеркасск)
13. *Пружинин Борис Исаевич* д.филос.н., проф., главный научный сотрудник, заведующий сектором философии естественных наук Института философии Российской академии наук (г. Москва)
14. *Стешенко Николай Иванович* к.филос.н., доцент Института философии

- и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
15. *Хабихужин Давид Вальерьевич* аспирант направления обучения философия Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
 16. *Черноскутов Юрий Юрьевич* к.филос.н., доц., доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)
 17. *Шапиро Ольга Александровна* к.филос.н., доцент кафедры философии философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)
 18. *Шиян Тарас Александрович* к.филос.н., старший научный сотрудник Фонда «Центр гуманитарных исследований» (г. Москва)
 19. *Шульман Михаил Моисеевич* к.филос.н., ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
 20. *Щедрина Татьяна Геннадьевна* д.филос.н., доц., профессор Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Научное издание

**ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ, НАУКОВЕДЕНИЕ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, СТРАТЕГИИ И ПАТТЕРНЫ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.)**

Том 1
**ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
И
РАЗДЕЛ ЛОГИКА**

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 17.07.2019 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. лист. 7,32.
Уч. изд. л. 7,25. Заказ № 7148. Тираж 400 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.